

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой»

Региональный учебно-научно-практический Юридический центр

**ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Электронный сборник материалов
международной научно-практической конференции
(Новополоцк, 27 мая 2022 г.)

Текстовое электронное издание

Новополоцк
Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой
2022

УДК 347.77/.88(082)
ББК 67.404я43

Рекомендован к изданию
Методической комиссией юридического факультета
Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой
(выписка из протокола № 1 от 15.09.2022 г.)

Редакционная коллегия:

В. А. БОГОНЕНКО, кандидат юридических наук, доцент (отв. редактор);
Н. А. БЕСЕЦКАЯ, кандидат юридических наук, доцент;
В. П. ШАРИКОВА, кандидат юридических наук, доцент

Рецензенты:

В. Н. ГОДУНОВ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь, директор учреждения образования «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета»;
А. Ю. КОРОЧКИН, кандидат юридических наук, доцент, заведующий Минской областной специализированной юридической консультацией по правовому сопровождению бизнеса, Председатель Международного арбитражного (третейского) суда «Палата арбитров при Союзе юристов»

Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики [Электронный ресурс] : электрон. сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 27 мая 2022 г. / Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, Регион. учеб.-науч.-практ. Юрид. центр ; редкол.: В. А. Богоненко (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк : Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, 2022. – 1 электрон. опт. диск (CD-R).

ISBN 978-985-531-817-1.

Представлены материалы отечественных и зарубежных ученых, специалистов, в которых рассматриваются вопросы использования объектов интеллектуальной собственности и их правовой охраны, в том числе способы защиты исключительных прав, а также проблемы применения законодательства об интеллектуальной собственности.

Конференция проведена в формате баркемпа. Баркемп – это инновационная неформальная образовательная конференция, открытая для всех, проходящая в формате докладов, лекций, тренингов, презентаций, обсуждений, мастер-классов, питчей и деловых игр.

Издание может быть использовано в научной, учебной, практической деятельности и рекомендуется всем, кто интересуется правовыми вопросами интеллектуальной собственности.

211440, ул. Блохина, 29, г. Новополоцк,
Тел. 8 (0214) 59-04-08, e-mail: v.bogonenko@psu.by

№ госрегистрации 3101918415
ISBN 978-985-531-817-1

© Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой, 2022

Для создания текстового электронного издания «Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики» использованы текстовый процессор Microsoft Word и программа Adobe Acrobat XI Pro для создания и просмотра электронных публикаций в формате PDF.

Текст воспроизводится по: **Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики** : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 27 мая 2022 г. / Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, Регион. учеб.-науч.-практ. Юрид. центр ; редкол.: В. А. Богоненко (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк : Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, 2022. – 192 с.
ISBN 978-985-531-816-4.

**ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Электронный сборник материалов
международной научно-практической конференции
(Новополоцк, 27 мая 2022 г.)

Технический редактор *А. А. Прадидова*.
Компьютерная верстка *А. А. Прадидовой*.
Компьютерный дизайн обложки *М. С. Мухоморовой*.

Подписано к использованию 25.11.2022.
Объем издания: 2,15 Мб. Тираж 3 диска. Заказ 691.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой».

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/305 от 22.04.2014, перерегистрация от 24.08.2022.

ЛП № 02330/278 от 27.05.2004.

211440, ул. Блохина, 29,
г. Новополоцк,
Тел. 8 (0214) 59-95-41, 59-95-44
<http://www.psu.by>

СОДЕРЖАНИЕ

Богоненко В.А., Бураченко И.Б., Гончарова Т.В. Компьютерная программа как объект авторского права (прелиминарные положения)	5
Гара Е.Е. Спортивное произведение как объект интеллектуальной собственности	15
Ёрш А.В. Учет объектов авторского права и регистрации прав на них в контексте характеристик произведения	20
Затирахин В.Д., Сизов Ю.М. Некоторые аспекты правовой охраны чат-ботов как объекта интеллектуальной собственности в системе трансграничной передачи данных	26
Иванкович А.Д., Семёнова Т.В. Правовая природа биопринтинга как объекта патентного права	34
Кириенко А.С. Информационные технологии как фактор интенсификации интеллектуальной собственности	40
Ковалевская Т.В. Анализ подходов по систематизации (кодификации) законодательства в сфере интеллектуальной собственности в зарубежных странах...48	
Лазутина М.Н. Правовое регулирование договора франчайзинга в Республике Беларусь	53
Леанович Е.Б. Международное право интеллектуальной собственности: современные направления и механизмы.....	59
Лосев С.С. Кодификация как инструмент системного развития законодательства Республики Беларусь об интеллектуальной собственности.....	68
Маалуф Н.А. Рекомендации и документы ВОИС и иных международных организаций и объединений по вопросам регулирования комплексной предпринимательской лицензии.....	78
Максуров А.А. Защита деловой репутации за рубежом: координация подходов.....	85
Нечепуренко Ю.В. Фундаментальные проблемы развития института интеллектуальной собственности в Республике Беларусь на современном этапе	93
Пашкова А.В. Коммерциализация объектов интеллектуальной собственности в спортивной сфере	99
Савицкая К.Д. Правовой режим аккаунта в социальной сети.....	105
Скурьят Э.В., Семёнова Т.В. Геоинформационные системы, геодезические и картографические материалы как объекты интеллектуальной собственности	110
Смолянин Е.М., Могдалева И.Н., Костенко К.А. Защита авторских и смежных прав с использованием систем искусственного интеллекта в области технологий виртуальной и дополненной реальности: эффективность существующих способов...120	
Тогузаева Е.Н. О необходимости популяризации знаний и повышения правовой грамотности в сфере интеллектуальной собственности.....	126
Шматова М.В. Определение владельцев прав на результаты, создаваемые искусственным интеллектом.....	130
Щепочкина Ю.А. Анкета для оценки изобретательского потенциала.....	138
Янтикова Е.В. Смежные права: принципы и признаки.....	145
Vahabava M. New frontiers in intellectual property and Artificial Intelligence in Europe	153
Сведения об авторах.....	162

В.А. Богоненко, И.Б. Бураченко, Т.В. Гончарова

КОМПЬЮТЕРНАЯ ПРОГРАММА КАК ОБЪЕКТ АВТОРСКОГО ПРАВА (ПРЕЛИМИНАРНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ)

***Аннотация.** Развитие информационных технологий и разработка нового программного обеспечения актуализируют тематику интеллектуальной собственности в области информационных технологий. Право интеллектуальной собственности содержит нормы, позволяющие обеспечить защиту прав авторов, а в целом эффективное правовое регулирование в области информационных технологий. Знания, касающиеся интеллектуальной собственности необходимы не только ИТ-компаниям, но и каждому программисту, специалисту, занятому в сфере информационных технологий, а также в целом, многочисленным пользователям.*

***Ключевые слова:** информационные технологии, компьютерная программа, авторское право, интеллектуальная собственность, права автора, регистрация.*

С точки зрения состояния и перспектив структурирования норм права, и соответственно, классификации источников правового регулирования в сфере информационных технологий, определяющее значение имеет идентификация предмета правового регулирования отношений в сфере информационных технологий. Первоосновой такой идентификации является понятийный аппарат института информационных технологий, который важен в плане фиксации используемых в области информационных технологий терминов и понятий, и безусловно своим содержанием. Понятийный аппарат института информационных технологий обеспечивает формально-логическую упорядоченность основных правовых регуляторов, а также обеспечивает эффективное правовое регулирование отношений в сфере информационных технологий. Анонсируемая в данной работе проблема заключается в том, что все основные понятия, относящиеся к области информационных технологий в большинстве своем, содержатся в так называемых подзаконных актах, технических регламентах и в ведомственных локальных актах. На уровне законов, прежде всего, Гражданского кодекса и Закона «Об авторском праве и смежных правах» размещены лишь отдельные понятия, которые никак не могут обеспечить смысловую нагрузку и целостного восприятия положений из области информационных технологий.

Прежде всего, обращает на себя внимание многомерность и универсальность такого ключевого понятия, как программное обеспечение. В соответствии с Межгосударственным стандартом ГОСТ ИСО/МЭК 9126-2001 «Информационная технология. Оценка программной продукции. Характеристики качества и руководства по их применению», программное обеспечение (software) – программы, процедуры, правила и любая соответствующая документация, относящаяся к работе вычислительной системы.

Программное обеспечение – совокупность программ системы обработки информации и программных документов, необходимых для эксплуатации этих

программ. (Образовательный стандарт высшего образования (ОСВО 1-40 80 05-2019). Высшее образование. II ступень (магистратура). Специальность 1-40 80 05 Программная инженерия. Степень Магистр, утвержденный постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 26 июня 2019 г. № 81).

Программное обеспечение – совокупность программ системы обработки информации и программных документов, необходимых для эксплуатации этих программ. (Образовательный стандарт Республики Беларусь. Переподготовка руководящих работников и специалистов, имеющих высшее образование. Специальность: 1-40 05 71 Программное обеспечение автоматизированных библиотечно-информационных систем. Квалификация: Инженер-программист, утвержденный постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 16 июня 2014 г. № 78).

Программное обеспечение – одна или более программа или микропрограмма, записанная на любом материальном носителе. (Глоссарий модельного законодательства для государств – участников Содружества Независимых Государств в области интеллектуальной собственности, принятый постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 17 мая 2012 г. № 37-17).

Программное обеспечение – набор одной или более программ или микропрограмм, записанных на любом виде носителя (весь перечень). (Примечание к перечню, принятому постановлением Государственного военно-промышленного комитета Республики Беларусь от 28 декабря 2007 г. № 15/137, Государственного таможенного комитета Республики Беларусь от 28 декабря 2007 г. № 15/137 «Об установлении перечней специфических товаров (работ, услуг)». (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2008 г., № 42, 8/17945) (опубликован – 22 февраля 2008 г.)).

В контексте рассматриваемой темы, принципиально важным является то, что вышеназванное понятие, судя по сложившейся практике, обладает многовекторностью и презюмируется возможность его различного толкования. При этом, в самом понятии неизменно содержится указание на такой вариативный признак, как множественность программ: «набор одной или более программ», «одна или более программа», «совокупность программ». Таким образом, это может быть или одна программа или несколько программ. Вместе с тем, с точки зрения запросов юридической терминологии и правовой сущности такого явления, как программное обеспечение, в отдельных случаях встречается указание на цель, а именно: необходимость эксплуатации самих же программ. Таким образом, следует, что на сегодняшний день в различных документах содержатся схожие понятия программного обеспечения.

Применительно к одному из ключевых понятий, используемому в сфере информационных технологий, а именно, «компьютерная программа», в юридической литературе было высказано мнение, что для того, чтобы разобраться в проблематике охраны программ необходимо использовать ряд терминов в их общепринятом значении.

– Компьютер (ЭВМ) – техническое устройство или комплекс устройств, предназначенных для обработки информации и решения вычислительных и информационно-логических задач. Обработка информации компьютером осуществляется с помощью технических и программных средств.

– Программные средства – последовательная совокупность операций, определяющая решение конкретной задачи посредством вычислительного процесса от заданных начальных условий до конечного результата.

– Компьютерная программа – объективная форма представления совокупности данных и команд, предназначенных для функционирования компьютерных устройств с целью получения определенного результата.

– Программный продукт – это компьютерная программа или пакет компьютерных программ, предназначенные для передачи в эксплуатацию (для продажи).

– Алгоритм – точное предписание, определяющее вычислительный процесс, ведущий от варьируемых начальных данных к искомому результату.

– Исходный текст – воспринимаемое человеком представление алгоритма на произвольном языке программирования.

– Объектный код – исходный текст, преобразованный в машиночитаемую форму с использованием комбинации двух элементов – «0» и «1».

– Адаптация компьютерной программы – внесение изменений, осуществляемых исключительно в целях обеспечения функционирования компьютерной программы на конкретных технических средствах пользователя или под управлением конкретных программ пользователя.

– Модификация (переработка) компьютерной программы – любые изменения, не являющиеся адаптацией, в том числе представление программы на другом языке.

– Декомпилирование компьютерной программы – технический прием, включающий преобразование объектного кода в исходный текст, осуществляемый в целях изучения структуры и кодирования программы [1, с. 24-25].

(Программа – данные, предназначенные для управления конкретными компонентами системы обработки информации в целях реализации определенного алгоритма (ГОСТ 19781-90).

Программное средство – объект, состоящий из программ, процедур, правил, а также, если предусмотрено, сопутствующих им документации и данных, относящихся к функционированию системы обработки информации.

Примечание. Программное средство представляет собой конкретную информацию, объективно существующую как совокупность всех значимых с точки зрения ее представления свойств каждого из материальных объектов, содержащих в фиксированном виде эту информацию.

Программный продукт – программное средство, предназначенное для поставки, передачи, продажи пользователю.) (Межгосударственный стандарт ГОСТ 28806-90. Качество программных средств. Термины и определения.)

В настоящее время возросла возможность использования понятий, закреплённых именно в законодательстве, хотя как отмечалось выше, остаются проблемы, касающиеся понятийного аппарата института информационных технологий и прежде всего, это отсутствие основных понятий в законах.

Общие положения, касающиеся поиска, получения, передачи, сбора, обработки, накопления, хранения, распространения или предоставления информации, а также пользования информацией; создания и использования информационных технологий, информационных систем и информационных сетей, формирования

информационных ресурсов, а также организации и обеспечения защиты информации, содержатся в Законе Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации».

Закон «Об авторском праве и смежных правах» был дополнен таким понятием, как «компьютерная программа», а именно: компьютерная программа – представленная в объективной форме упорядоченная совокупность команд и данных, предназначенных для использования на компьютере и в иных системах и устройствах в целях обработки, передачи и хранения информации, производства вычислений, получения аудиовизуальных изображений и других результатов. Частью компьютерной программы являются включенные в компьютерную программу документы, детально описывающие функционирование компьютерной программы, в том числе взаимодействие с пользователем и внешними компонентами.

Такое новшество можно считать отчасти вынужденным, но не позволяющим решить основную проблему, а именно: обеспечение эффективного правового регулирования отношений в сфере информационных технологий.

К самому определению компьютерной программы многие специалисты, в том числе программисты, относятся с большим скепсисом, например, ставя под сомнение необходимость упоминания в понятии документов. Тем более, что еще п. 1.3. ГОСТ 19.101-77 «Виды программ и программных документов» отграничил собственно программу и документацию на нее [2]. С другой стороны, в профессиональном сообществе программистов ключевым в программе считается код, то, что нужно описать, но в вышеуказанном понятии, отсутствует упоминание кода. Кроме того, и это самое главное, в действующей редакции Закон «Об авторском праве и смежных правах» не может обеспечить эффективное правовое регулирование отношений в сфере информационных технологий. Здесь следует отметить, что применительно к области информационных технологий, в том числе программного обеспечения, применимы с определенной оговоркой многие понятия, содержащиеся в Законе «Об авторском праве и смежных правах», например, автор, аудиовизуальное произведение, базы данных, воспроизведение и др. Среди этих понятий, есть понятия, определяющие субъектов (участников) правоотношений в области авторского права, например, автор или правообладатель. Есть также и понятия, определяющие объекты интеллектуальной собственности, например, аудиовизуальное произведение или составное произведение. Проблема состоит в том, что Закон «Об авторском праве и смежных правах» принимался в то время, когда авторское право воспринималось исключительно с позиций материального мира и многие явления в сфере авторского права рассматривались через призму вещного права.

Одна из производных проблем, проблема защиты авторского права в сфере информационных технологий. Достаточно сложно говорить о возможности эффективного применения норм, содержащихся в главе 7 Закона «Об авторском праве и смежных правах» к области информационных технологий, когда возникает необходимость в защите авторского права. Виды правонарушений, связанных именно с нарушением авторского права в сфере информационных технологий, должны быть закреплены в специальном законе. В действующем Законе «Об авторском праве и смежных правах» нарушения авторского права

в значительной мере привязаны к такому понятию, как произведение, но самого, общего понятия «произведение» данный Закон не содержит, что значительно усложняет правоприменительную практику.

Говоря о защите авторского права в сфере информационных технологий, в том числе применительно к программному обеспечению или компьютерным программам, следует исходя из современного состояния законодательства идентифицировать те объекты, которые причисляются к объектам авторского права, в частности, это могут быть объекты, перечисленные в п. 5 ст. 6 Закона «Об авторском праве и смежных правах», например, музыкальные произведения с текстом и без текста; аудиовизуальные произведения; произведения изобразительного искусства (скульптура, живопись, графика, литография и др.) и др., т.е. те элементы, которые являются наполнением компьютерной программы, но которые автономны с точки зрения способности к идентификации в качестве самостоятельных объектов авторского права.

Говоря о возможности защиты авторского права применительно к области компьютерных программ, следует отметить, что в Республике Беларусь апробирован институт регистрации компьютерных программ в патентном органе, а именно в Национальном центре интеллектуальной собственности.

В Республике Беларусь Реестр зарегистрированных компьютерных программ ведётся с 23 января 2008 года. Регистрацию компьютерных программ осуществляет Национальный центр интеллектуальной собственности по заявлению правообладателя на основе представляемых им сведений.

С 23.01.2008 по 30.06.2021 зарегистрировано 1418 программ. Из них 184 программы зарегистрировали учреждения образования или учреждения, которые входят в их структуру. Юридическая составляющая является важной основой этих процессов. В национальном законодательстве различных стран закреплены нормы, регулирующие создание, использование и охрану компьютерных программ (далее – КП). Правовую основу регулирования отношений, связанных с созданием, охраной и использованием компьютерных программ, составляют нормы Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» и Гражданского Кодекса Республики Беларусь. Отдельные нормы содержатся в иных кодифицированных и некодифицированных актах. Следует подчеркнуть, что в Республике Беларусь отсутствует специальный закон, который бы регулировал отношения по поводу создания и использования компьютерных программ. Положения, касающиеся программного обеспечения закреплены в договоре ВОИС по авторскому праву, участником которого является Республика Беларусь, а также в ст. 10 Соглашения о коммерческих аспектах прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), подписанного в 1994 году странами-членами Всемирной торговой организации.

В практической деятельности всегда возникает вопрос о выборе способов и средств защиты разработанного объекта программного обеспечения, особенно для дальнейшей его коммерциализации. Одним из средств является регистрация КП в соответствующих организациях. Для этого нужно четко понимать те преимущества, которые получит правообладатель для защиты и использования принадлежащих ему прав наиболее полным образом. Прежде всего, это доказательство

авторства на произведение. В случае спора суд признает лицо, зарегистрировавшее КП, его автором, если не будет доказано иное. Кроме того, регистрация КП может принести экономическую выгоду, т.к. возникает возможность передачи имущественных прав на КП третьим лицам на выгодных условиях.

Авторам программы, как и авторам любых объектов авторских прав, принадлежат два вида прав: личные неимущественные и имущественные права. Авторами являются физические лица, творческим трудом которых создано произведение, которым всегда принадлежат личные неимущественные права, неотделимые от личности автора. Что касается имущественных прав, то они могут принадлежать как физическому, так и юридическому лицу.

Основаниями принадлежности исключительного права на КП являются:

- собственно создание КП заявителем, вариант для физических лиц, потому, что произведение создается только автором;
- переход исключительного права на служебное произведение, т.е. если программа, создана работником в порядке выполнения обязанностей, обусловленных трудовым договором (в том числе по заданию нанимателя);
- переход исключительного права по договору, т.е. для правообладателей, которые получили права по условиям, например, договора уступки исключительного права;
- правопреемство в отношении исключительного права, т.е. при переходе прав по наследству или при реорганизации юридического лица.

В Республике Беларусь регистрация компьютерных программ осуществляется НЦИС добровольно по усмотрению автора или иного обладателя исключительного права на компьютерную программу (далее – правообладатель) в порядке оказания услуг правообладателям на основе представляемых ими сведений (материалов, подтверждающих создание компьютерной программы и принадлежность исключительного права на такую компьютерную программу конкретному лицу) [3, с. 5-6].

Ознакомление со специальными источниками, относящимися к области информационных технологий, анонсирует значимость первичного материала, отражающего сущность компьютерной программы, и указывает на необходимость разработки и принятия специального закона, нормы которого регулировали бы отношения в области информационных технологий. В этом контексте полное впечатление о компьютерных программах позволяет получить нижеприведенная таблица (ЕСПД ГОСТ 19781–90 Термины и определения): [4]

Таблица. – Виды компьютерных программ

Вид	Характеристика
1	2
Системная программа	Программа, предназначенная для поддержания работоспособности системы обработки информации или повышения эффективности ее использования в процессе выполнения прикладных программ
Управляющая программа	Системная программа, реализующая набор функций управления, в который включают управление ресурсами и взаимодействием с внешней средой системы обработки информации, восстановление работы системы после проявления неисправностей в технических средствах

Продолжение таблицы

1	2
Супервизор	Часть управляющей программы, координирующая распределение ресурсов системы обработки информации
Прикладная программа	Программа, предназначенная для оказания услуг общего характера пользователям и обслуживающему персоналу системы обработки информации
Программа обслуживания	Программа, предназначенная для решения задачи или класса задач в определенной области применения системы обработки информации
Абсолютная программа	Программа на машинном языке, выполнение которой зависит от ее местоположения в оперативной памяти
Переместимая программа	Программа на машинном языке, выполнение которой не зависит от ее местоположения в оперативной памяти
Реентерабельная программа	Программа, один и тот же экземпляр которой в оперативной памяти способен выполняться многократно, причем так, что каждое выполнение может начинаться в любой момент по отношению к другому выполнению
Мобильная программа	Программа, которая написана для ЭВМ одной архитектуры, но может исполняться в системах обработки информации с другими архитектурами без доработки или при условии ее доработки, трудоемкость которой незначительна по сравнению с разработкой новой программы
Драйвер	Программа, предназначенная для управления работой периферийных устройств, обычно в мини- и микро-ЭВМ
Подпрограмма	Программа, являющаяся частью другой программы и удовлетворяющая требованиям языка программирования к структуре программы
Программный модуль	Программа или функционально заверченный фрагмент программы, предназначенный для хранения, трансляции, объединения с другими программными модулями и загрузки в оперативную память
Исходный модуль	Программный модуль на исходном языке, обрабатываемый транслятором и представляемый для него как целое, достаточное для проведения трансляции
Объектный модуль	Программный модуль, получаемый в результате компиляции исходного модуля. Примечание. Объектный модуль обычно полностью готов к редактированию связей
Загрузочный модуль	Программный модуль, представленный в форме, пригодной для загрузки в основную память для выполнения
Макроопределение	Программа, под управлением которой макрогенератор порождает макрорасширения макрокоманд
Рекурсивная подпрограмма	Подпрограмма, которая может обращаться к себе самой
Компоненты систем программирования	
Система программирования	Система, образуемая языком программирования компиляторами или интерпретаторами программ, представленных на этом языке, соответствующей документацией, а также вспомогательными средствами для подготовки программ к форме, пригодной для выполнения
Кросс-система программирования	Система программирования, программные компоненты которой порождают программы на машинном языке, отличном от того, в среде которого они работают
Язык программирования	По ГОСТ 2:8397–89
Алгоритмический язык	Искусственный язык, предназначенный для выражения алгоритмов

Продолжение таблицы

1	2
Проблемно-ориентированный язык	Язык программирования, который соответствует понятиям определенного класса прикладных задач. Примечание. Проблемно-ориентированный язык обычно имеет набор специфических изобразительных средств
Исходный язык	Язык программирования, используемый для первичного представления программы
Машинный язык	Язык программирования, предназначенный для представления программ в форме, позволяющей выполнять ее непосредственно техническими средствами обработки информации. Примечание. Для выполнения программы на машинном языке не требуется применение трансляторов, компиляторов и интерпретаторов
Автокод	Символьный язык программирования, предложения которого по своей структуре в основном подобны командам и обрабатываемым данным конкретного машинного языка
Язык ассемблера	Язык программирования, который представляет собой символьную форму машинного языка с рядом возможностей, характерных для языков высокого уровня. Примечание. Язык ассемблера, который включает в себя макрокоманды. Язык программирования, понятия и структура которого удобны для восприятия человеком
Язык высокого уровня	Язык программирования, понятия и структура которого удобны для восприятия человеком
Макроязык	Язык программирования, предназначенный для представления макроопределений. Примечание. Некоторые средства макроязыка могут использоваться вне макроопределений
Макрокоманда	Предложение языка программирования, вместе которого макрогенератор подставляет макрорасширения
Макрорасширение	Последовательность предложений, порождаемая макрогенератором при обработке макрокоманды на основании макроопределения
Декларативный язык	Язык программирования для выражения определений. Примечание. В качестве такого языка часто выступает язык описания данных
Объектно-ориентированный язык	Язык программирования, который соответствует концепциям объектно-ориентированного программирования
Процедурный язык	Язык программирования, в котором действия над данными выражаются в терминах последовательностей команд
Функциональный язык	Язык программирования, в котором действия над данными выражаются в виде обращений к функциональным процедурам
Транслятор	Программа или техническое средство, выполняющие трансляцию программы. Примечание. На транслятор обычно возлагаются функции диагностики ошибок, формирования словарей идентификаторов, выдачи для печати текстов программ и т. д.
Конвертор языка Конвертор	Транслятор с некоторого языка на другой язык такого же уровня
Компилятор	Программа или техническое средство, выполняющие компиляцию
Ассемблер	Программа или техническое средство, выполняющие ассемблирование

Окончание таблицы

1	2
Макрогенератор	Программа или техническое средство, выполняющие преобразования макрокоманд в их макрорасширения
Интерпретатор	Программа или техническое средство, выполняющие интерпретацию. Примечание. Большинство интерпретаторов осуществляют интерпретацию программы путем последовательной интерпретации ее предложений
Редактор связей	Программа, предназначенная для создания загрузочных модулей на основании одного или нескольких объектных модулей или загрузочных модулей путем разрешения перекрестных ссылок между модулями и, при необходимости, настройки адресов
Библиотека программ	Организованная совокупность программ <i>или</i> частей этих программ, а также, возможно, информации, относящейся к их использованию. Примечание. Библиотека программ часто называется в соответствии с природой содержащихся в ней элементов

(Программу (по ГОСТ 19781–90) допускается идентифицировать и применять самостоятельно и (или) в составе других программ.

Программы подразделяются на виды: ГОСТ 19.101-77 «Виды программ и программных документов».

Компонент – программа, рассматриваемая как единое целое, выполняющая законченную функцию и применяемая самостоятельно или в составе комплекса.

Комплекс – программа, состоящая из двух или более компонентов и (или) комплексов, выполняющих взаимосвязанные функции, и применяемая самостоятельно или в составе другого комплекса.)

Таким образом, компьютерная программа как объект авторского права, представляет собой сложное правовое явление, которое сочетает в себе различные материи. Первоначально, это элементы, происходящие из сферы точных (технических) знаний. В этом значении компьютерная программа самодостаточна с точки зрения возможности вовлечения ее в сферу информационных технологий. Но поскольку отношения по созданию и использованию компьютерных программ должны быть упорядочены, а права участников этих отношений должны быть защищены, эти отношения нуждаются в эффективном правовом регулировании. Наиболее правильным представляется разработка и принятия специального закона, нормы которого регулировали бы отношения по поводу создания и использования компьютерных программ. В случае осуществления кодификации, в Кодекс об интеллектуальной собственности может быть включен раздел о компьютерных программах.

Список источников

1. Правовая охрана компьютерных программ и баз данных. – Боровская Е.А., Ермакович С.Л., Кудашов В.И., Лосев С.С., Успенский А.А. Общая редакция: Лосев С.С., Успенский А.А. – Минск, 2010. – 245 с.

2. (ГОСТ 19.101-77 Виды программ и программных документов. [Электронный ресурс]. ИПС СТАНДАРТ. – Режим доступа: <https://ips3.belgiss.by/ТпраDetail.php?UrllId=5734>. – Дата доступа: 17.08.2022.) (официальный сайт, доступ по подписке).
3. Богоненко, В.А., Гончарова, Т.В., Каминский, Д.В. Особенности правовой охраны компьютерных программ в Республике Беларусь (на примере опыта Полоцкого государственного университета). – Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики: материалы междунар. науч.-практ. конф. 28 мая 2021 г. / редкол.: В.А. Богоненко (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк: Полоц. гос. ун-т, 2021. – 212 с.
4. ГОСТ 19781-90. Обеспечение систем обработки информации программное. Термины и определения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rugost.com/index.php?option=com_content&view=article&id=47:19781-90&catid=19&Itemid=50. – Дата доступа: 17.08.2022.

Е.Е. Гара

СПОРТИВНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация. В статье затрагивается вопрос о рассмотрении спортивного произведения в качестве объекта интеллектуальной собственности. В процессе исследования был рассмотрен зарубежный опыт для установления понятия «интеллектуальная собственность». Также были определены основные группы объектов прав интеллектуальной собственности в области спорта. При изучении национального законодательства, найден ряд проблем и существенных пробелов в законодательстве Республики Беларусь, касающиеся исследуемой темы. Делается вывод о том, что спортивное произведение стоит рассматривать в качестве объекта интеллектуальной собственности при условии обладания им спортивно-творческой составляющей. Более подробно и наглядно показаны критерии для выделения творческих видов спорта. В конце данной работы предложены определения таких понятий как «эстетико-творческий вид спорта» и «спортивное произведение».

Ключевые слова: авторские права, виды спорта, законодательство, спортивное произведение, спортивная деятельность, интеллектуальная собственность.

С каждым годом спорт становится всё более освещенным в медиа-сфере. Он является не только частью соревновательной сферы жизни, но также и маркетинговой, рекламной, сферой бизнеса. И чем больше резонанса вызывают спортивные соревнования, спортивные произведения, тем более стоящее финансирование могут получить спортсмены и клубы. Чем выше конкуренция, тем выше вероятность недобросовестной конкуренции со стороны участников.

С развитием технологий не составляет труда отыскать, скопировать и использовать результат интеллектуальной деятельности соперников до момента их представления широкой общественности, тем самым выдав данное спортивное произведение за свой интеллектуальный труд. Это доказывает, что стоит рассмотреть вопрос: «Достаточно ли спортивные произведения защищены на уровне законодательства?»

Чтобы ответить на вышеуказанный вопрос, следует сначала разобраться в том, что именно мы хотим защитить, то есть, что является спортивным произведением. На уровне национального законодательства не закреплено данное понятие: ни в действующем Законе Республики Беларусь «О физической культуре и спорте» от 4 января 2014 г. № 125-З, ни в рассматриваемом проекте Спортивного кодекса Республики Беларусь. Более того, в данном Законе, регулирующем отношения в спортивной сфере, отсутствует какое-либо указание на интеллектуальную собственность в области спорта как таковую. Здесь возникает первая проблема: как мы сможем защитить спортивное произведение, если на законодательном уровне не закреплены признаки для его идентификации.

Следует рассмотреть доктрину и международный опыт. Понятие «интеллектуальная собственность» является собирательным, изначально оно было заимствовано из международного частного права и на протяжении длительного времени совершенствовалось и обобщалось. Поэтому на сегодняшний день существует множество различных определений понятия интеллектуальной собственности, что свидетельствует об отсутствии общепризнанного определения этого понятия. В законодательстве Республики Беларусь также отсутствует общее понятие «интеллектуальная собственность», оно выступает в качестве обобщающего в отношении результатов интеллектуальной деятельности [1].

В соответствии с п.8 ст.2 Стокгольмской конвенции 1967 года, интеллектуальная собственность включает права, относящиеся к:

- литературным, художественным и научным произведениям,
- исполнительской деятельности артистов, звукозаписи, радио- и телевизионным передачам,
- изобретениям во всех областях человеческой деятельности,
- научным открытиям,
- промышленным образцам,
- товарным знакам, знакам обслуживания, фирменным наименованиям и коммерческим обозначениям,
- защите против недобросовестной конкуренции, а также все другие права, относящиеся к интеллектуальной деятельности в производственной, научной, литературной и художественной областях [2].

Основными группами объектов прав интеллектуальной собственности в области спорта являются:

1) спортивные мероприятия (как полностью, так и частично) или/и выступления спортсмена (спортсменов) или спортивных команды (спортивных команд) (как полностью, так и частично) как произведения (как объекты авторских прав):

- спортивные выступления или его часть как художественное произведение, как произведение искусства или хореографии в области спорта;
- хореографические мини-представления, в строгом смысле не являющиеся спортивным, но устойчиво и узнаваемо предваряющее каждое спортивное выступление спортивной команды или спортсмена и т.д.

2) аудиовизуальные изображения спортивного мероприятия в режиме реального времени или в записи (как полностью, так и частично), а также фото или иное изображение спортивного мероприятия;

3) текстовые произведения и произведения дизайна, прочие письменные (в бумажном или электронном виде, на рекламных конструкциях) иные материалы, являющиеся оригинальными (как объекты авторского права);

4) изображения и иные средства индивидуализации спортсменов и спортивных команд как объект прав интеллектуальной собственности;

5) средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий;

6) музыкальные произведения (с текстом или без текста), отрывки музыкально-драматических произведений в живом публичном исполнении или в публичном ретрансляции (посредством проигрывания фонограммы);

- гимн спортивной организации как средство индивидуализации;

– музыкальное произведение, воспроизводимое во время проведения спортивного мероприятия (как элемент звукового сопровождения и оформления) и тому подобное [3].

Так, в пункте 2 Правил 7 Олимпийской хартии 2007 года закреплено: «Олимпийские символ, флаг, девиз, обозначения (включая, но не ограничиваясь словами «Олимпийские игры» и «игры Олимпиады»), знаки, эмблемы, огонь и факелы, все вместе и по отдельности являются «Олимпийской собственностью». Все права на каждый в отдельности и на все вместе элементы Олимпийской собственности принадлежат исключительно Международному Олимпийскому комитету (далее по тексту – МОК), включая, но не ограничиваясь, использованием в коммерческих целях, для получения дохода и рекламных целях. МОК может лицензировать все или часть своих прав на условиях, регламентируемых Исполкомом МОК» [4].

Также МОК является владельцем авторских прав на любое музыкальное произведение, созданное по заказу в связи с Олимпийскими играми. Таким образом, МОК обладает необходимыми гарантиями своих прав и может предпринимать все необходимые действия для получения юридической защиты на национальном и международном уровне своих прав на Олимпийские Игры и на любую Олимпийскую собственность.

Следует обратить внимание, что некоторые виды спорта предполагают обязательное наличие спортивно-творческой составляющей, когда спортивный результат достигается при исполнении спортсменом на соревновании оригинального спортивного произведения. Например, со спортивной точки зрения в соревнованиях по синхронному плаванию практически все команды выполняют в программах одни и те же технические элементы, но то, как связаны эти элементы, под какую музыку исполняются, в каком образе выступают спортсмены, индивидуализирует их и придает деятельности творческий характер. При этом схожие по технической части синхронные прыжки в воду не имеют творческой составляющей, речь о праве интеллектуальной собственности здесь не идет [5].

На наш взгляд, в целях обеспечения надлежащей защиты авторских прав в сфере спортивной деятельности необходимо на законодательном уровне выделить так называемые творческие виды спорта (например, фигурное катание, синхронное плавание, художественная гимнастика, спортивная аэробика, танцевальный спорт). В данных видах спорта деятельность спортсмена несет определенную специфику: на соревнованиях он исполняет спортивное произведение, являющееся результатом интеллектуального труда участников спортивно-творческой деятельности. Особенностью является также то, что выступление оценивается судьями по двум критериям: техника и художественное впечатление, причем второй критерий имеет приоритет, т.к. при равном выступлении спортсменов с точки зрения технического мастерства предпочтение отдается тому, кто произвел более яркое эстетическое впечатление.

На основании данных особенностей российский исследователь Н. Кашапов предлагает ввести такое понятие, как эстетико-творческие виды спорта: "Эстетико-творческими являются такие виды спорта, в которых спортсмен на спортивных соревнованиях, наряду с техническим и эстетическим результатом, демонстрирует

созданное заранее интеллектуальным трудом участников спортивно-творческой деятельности произведение посредством выполнения спортивных элементов, за что спортивные судьи выставляют, как правило, две оценки: одна – за техническое, другая – за художественное мастерство" [5].

Закрепление в законодательстве о физической культуре и спорте положения, определяющего вышеуказанные виды спорта, будет способствовать быстрому, четкому, верному установлению критериев интеллектуальной составляющей для выделения эстетико-творческих видов спорта; качественному рассмотрению и разрешению споров; улучшению регулирования интеллектуальных прав авторов на результаты интеллектуальной деятельности в этих видах спорта с учетом специфики и многообразия.

На национальном уровне в законодательстве перечень объектов авторских прав закреплен в статье 993 Гражданского кодекса Республики Беларусь и в статье 7 Закона Республики Беларусь "Об авторском праве и смежных правах". Однако он не называет произведений, создаваемых в рамках спортивной деятельности. Что, на наш взгляд, является упущением в законодательстве. Для восполнения данного упущения, следует добавить спортивное произведение как объект авторских прав. В качестве определения данного понятия можно использовать предложение Н. Кашапова: «Спортивное произведение – это результат интеллектуальной деятельности хореографа, спортсмена, тренера, который может быть создан как каждым из них, так и совместно».

Спортивное выступление спортсмена может рассматриваться в качестве объекта авторского права и подлежит авторско-правовой охране и защите преимущественно в эстетико-творческих видах спорта и в том случае, если таковое выступление одновременно удовлетворяет следующим условиям:

- основано на едином исполнительском творческом замысле и связано с реализацией такого замысла, характеризующегося ярко выраженной интеллектуальной природой и подчиненного цели обеспечения спортивной зрелищности и артистичности, соответственно качество такого выступления не может быть оценено в абсолютных измерительных единицах, а субъективно (судьями) оцениваются по критериям сложности, техничности, слаженности (если групповое выступление) и артистичности;

- содержит predetermined и придуманные спортсменом (или его тренером, или иным лицом и на законных основаниях исполняется спортсменом) элементы оригинального хореографического произведения, или пантомимы, или театрализованного искусства, то есть содержит объектов прав интеллектуальной собственности, на которые распространяются авторские права.

Исполнение спортивно-творческого произведения подразумевает, что спортсмен представляет содержание, идею данного произведения посредством мимики, жестов, пластики, эмоций, таланта. Образ произведения передается также с помощью костюма спортсмена, его макияжа, прически. Идеиная линия поддерживается музыкальным сопровождением [6].

Наглядно мы можем увидеть это в фигурном катании: каждый номер спортсменов имеет свое название. Так, выступление в произвольной программе российской фигуристки Анны Щербаковой на чемпионате России по фигурному

катанию 2020/2021 гг. называлось "Прощение", в качестве музыкального сопровождения было использовано произведение Пану Аалтио: саундтрек к фильму "Дом тёмных бабочек". Это был невероятно эмоциональный номер, в котором спортсменка смогла передать всю боль и тоску трудного ребёнка, а в конце – прощение, которое он дарует всему миру. Все вышеперечисленное позволяет рассматривать исполняемое спортсменом спортивное произведение как форму искусства, а самого спортсмена – как исполнителя данной формы искусства.

Подводя итог, можно утверждать, что законодательное закрепление ряда рассмотренных в данной работе аспектов интеллектуальных прав участников спортивных отношений позволит обеспечить соблюдение прав и законных интересов данных лиц, охрану результатов их интеллектуальной деятельности, что, как следствие, должно положительно повлиять на профессиональные результаты спортсменов.

Список источников

1. Богоненко, В.А. Гражданское право : учеб.-метод. комплекс для студентов спец. 1-24 01 02 «Правоведение». В 2 ч. / В.А. Богоненко. – Новополюцк : ПГУ, 2009. – Ч. 2. – 392 с.
2. Конвенция учреждающая всемирную организацию интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] : [заключена в Стокгольме 14.07.1967 г.] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2022.
3. Кузнецова, А.М. Особенности правового обеспечения, реализации и защиты прав интеллектуальной собственности в области спорта / А.М. Кузнецова. // Вестник Российского университета дружбы народов. – Санкт-Петербург : 2013. – С. 134-141.
4. Олимпийская хартия Международного Олимпийского Комитета [Электронный ресурс] : [заключена в Швейцарии октябрь 2007 г.] // Режим доступа: <http://docplayer.ru/29360197-Olimpiyskaya-hartiya-v-deystvii-s-7-iyulya-2007-gmezhhdunarodnyy-olimpiyskiy-komitet.html>. – Дата доступа: 01.05.2022.
5. Каменкова, В.Ю. Вопросы правового регулирования интеллектуальной собственности в области спорта в Республике Беларусь // [Электронный ресурс] : Мудрый Юрист // Режим доступа: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/60708-voprosy-pravovogo-regulirovaniya-intellektualnoj-sobstvennosti-oblasti-sporta>. – Дата доступа: 05.05.2022.
6. Дорофеева, А.М. Специфические объекты авторских и смежных прав в индустрии спорта / А.М. Дорофеева. // Новый юридический вестник. – 2020. – № 6 (20). – С. 50-56. – URL: <https://moluch.ru/th/9/archive/171/5236/> (дата обращения: 05.05.2022).

А.В. Ёрш

УЧЕТ ОБЪЕКТОВ АВТОРСКОГО ПРАВА И РЕГИСТРАЦИИ ПРАВ НА НИХ В КОНТЕКСТЕ ХАРАКТЕРИСТИК ПРОИЗВЕДЕНИЯ¹

Аннотация. В статье выявляется одна из проблем современного авторского права – проблема определения автора произведения. Анализируются возможные способы решения этой проблемы. В частности, рассматриваются виды систем учета произведений и регистрации прав на них, позитивные и негативные черты таких систем. Дается оценка депонированию как одному из доказательств в рамках авторских споров.

Автор также делает вывод о необходимости вовлечения государства в процесс учета объектов авторского права и определяет границы такого вовлечения. А при разработке моделей правового регулирования общественных отношений в сфере авторского права должна приниматься во внимание специфика цифровых произведений.

В статье также делается вывод, что ни учет произведений и регистрация прав на них не влияют ни на момент возникновения прав на произведение, ни на объем правовой охраны, а, значит, не являются конститутивной характеристикой произведения как объекта авторского права. Вместе с тем введение системы учета могло бы быть полезным как для авторов, так и для общества в целом.

Ключевые слова: право интеллектуальной собственности, авторское право, объект авторского права, учет объектов авторского права, регистрация авторского права, произведение как объект авторского права, депонирование произведений.

В реалиях современности, отсылаясь на структурные изменения в обществе, произведения как объекты авторского права также подвергаются изменениям, в том числе в части формы выражения, появилась цифровая форма. И праву, как всеобщему универсальному регулятору общественных отношений, необходимо адаптироваться к появлению таких объектов.

По замечанию Энтина В.Л., «сегодня с глиняными табличками, испещренными загадочными значками, работают только археологи. Знаки на табличках, как и изображения на папирусе, пергаменте, каменных стелах, воспринимаются как артефакты и музейные экспонаты. ... Такая же судьба в недалеком будущем уготована и нынешним носителям информации» [1].

Специфика цифровых произведений, которая должна приниматься во внимание при разработке моделей правового регулирования, как представляется, состоит в следующем:

- Неограниченная воспроизводимость.

¹ Статья подготовлена как тезисы доклада «Характеристика современного произведения в контексте права», подготовленного в соавторстве с доктором юридических наук Рожковой М.А., Исаевой О.В. и представленного на Международной научно-практической конференции «Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики» (БАРКЕМП). Беларусь, Новополоцк, 27.05.2022 г.

- Неразличимость копий и оригинала, если оригинал имеет цифровую форму.
- Отсутствие связи с материальным носителем. Произведение может быть как на любом электронном носителе, так и в облачном хранилище.
- Необходимость использования технических средств для восприятия произведения и доступа к нему.

Появление цифровых произведений – первая проблема, которую необходимо решать в правовой плоскости.

Вторая – это использование сиротских произведений, под которыми понимаются произведения, правообладатели которых не установлены и/или не обнаружены (Директива Европейского парламента и Совета от 25 октября 2012 года 2012/28/EU «Об определенных случаях разрешенного использования сиротских произведений» (далее – Директива о сиротских произведениях)).

Есть и общая проблема, возникающая при рассмотрении споров в сфере авторского права. В рамках состязательного процесса лицо, полагающее себя автором, обязано доказать данный факт любыми доступными средствами. Если другая сторона процесса оспаривает авторство, на ней лежит обязанность опровергнуть представленные доказательства. Установление этих обстоятельств является существенным для дела, от них зависит правильное разрешение спора.

Обозначенные три проблемы можно объединить и описать как одну базовую проблему – проблему выявления автора произведения.

В российском законодательстве действует презумпция авторства. Это означает, что пока не доказано иное, автором признается лицо, указанное в качестве автора на оригинале или экземпляре произведения.

При этом Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (далее – Бернская конвенция), а вслед за ней и Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ), устанавливают базовый принцип предоставления правовой охраны произведению без каких-либо формальностей. Вместе с тем отсутствие необходимости соблюдения каких-либо формальностей как оснований возникновения правовой охраны произведений не снижает актуальности проблем, связанных с функционированием систем учета объектов авторского права и регистрации прав на них. Появление массива произведений, создаваемых и(или) распространяемых в цифровой форме, лишь обнажило проблему фиксации авторских прав.

Любая регистрационная система базируется на функционировании реестров и приданию юридического значения записям в них. Системы учета весьма разнообразны в зависимости от области их применения. Однако в самом общем виде можно выделить две системы: регистрационную, при которой запись в реестре имеет правоустанавливающее значение, и учетную, в рамках которой осуществляется лишь фиксация информации, имеющей определенное значение.

Традиционно в странах континентальной правовой семьи правовая охрана предоставляется автоматически с момента создания произведения, без необходимости регистрации возникающих прав.

В странах системы общего права (англо-саксонской) авторские права возникали в результате государственной регистрации. Так, в США вплоть до 1976 года для предоставления правовой охраны произведению необходимо было

не только проставление знака охраны, регистрация произведения в Бюро авторских прав, но и направление экземпляра произведения в Библиотеку Конгресса США.

С 1976 по 1989 г. в рамках реформы, связанной с ратификацией Бернской конвенции, США отказались от названных формальностей. Однако, несмотря на внесенные изменения, в законодательстве США, по-прежнему, предусмотрен ряд привилегий для лиц, зарегистрировавших свои авторские права:

1) возможность судебной защиты в случае нарушения авторского права. Суд принимает заявление только по факту нарушения прав на зарегистрированные произведения;

2) возможность взыскать штраф и убытки в полном объеме, а также право на полное возмещение судебных расходов;

3) если регистрация произведена в течение пяти лет после публикации или до нее, регистрация является доказательством авторства и наличия авторского права [2].

Схожая система регистрации существует сегодня в Казахстане. Однако, в отличие от США, по казахскому законодательству свидетельство о внесении сведений в государственный реестр прав на объекты авторского права не является охраняемым документом, а представляет собой дополнительное доказательство в случае спора.

Закон об охране авторских прав на литературную и художественную собственность Франции 1957 г. предусматривает факультативную регистрацию в специальном реестре, который ведет Патентное ведомство Франции.

В Германии существует реестр авторов, в который вносят не только произведение, но и имя автора, если он обнародует произведение анонимно или под псевдонимом. Но такая регистрация является факультативной.

В Китае с 2010 года (Закон об авторском праве Китайской Народной Республики) авторско-правовая защита возникает с момента создания произведения, а обязательная государственная регистрация прав предусмотрена только в случае передачи авторских прав в залог.

В Республике Беларусь также отсутствуют требования о регистрации авторского права либо об учете произведения как необходимом условии возникновения права на произведение. Однако существует процедура депонирования объектов авторского и смежных прав.

Российское законодательство не предусматривает системно ни учета объектов авторского права, ни регистрацию прав на них. Положения законодательства о регистрации касаются программ для ЭВМ (п.4 ст.1259 ГК РФ) и баз данных как объекта смежных прав (п.3 ст.1334 ГК РФ).

Кроме того, в России предусмотрена регистрация аудиовизуальных произведений (ст.5 Федерального закона от 22 августа 1996 г. № 126-ФЗ «О государственной поддержке кинематографии»). «Целью регистрации кино- и видеофильмов является фиксирование появления на территории РФ аудиовизуального произведения, обладающего определенными характеристиками (наименование, страна, студия, год выпуска, жанр, авторы), сведения о которых указываются в прокатном удостоверении и вносятся в базу данных Государственного регистра кино- и видеофильмов» [3].

Несмотря на существование в России факультативного условия об учете отдельных объектов авторского и смежных с авторским прав, такой учет не носит правоустанавливающего характера, не влияет на возникновение и осуществление авторских прав, а имеет лишь доказательственное значение.

В целом можно констатировать, что в настоящее время наблюдается общемировая тенденция добровольного учета произведений по желанию правообладателя.

Сегодня в России наибольшее распространение получила процедура депонирования. Это фиксация существования произведения в определенный момент времени. Депонирование представляет собой передачу экземпляра произведения на хранение с выдачей документа (сертификата или свидетельства), подтверждающего, что произведение в определенную дату было принято от определенного лица, который заявил о своем авторстве. То есть можно с уверенностью сказать, что документ о депонировании может подтвердить существование объекта, однако не устанавливает безусловное авторство. Практика Верховного Суда РФ исходит именно из этого подхода, относясь к депонированию как одному из возможных средств доказывания. В одном из постановлений Верховный Суд России сделал акцент на том, депонирование должно оцениваться наряду с другими доказательствами, подтверждающими авторское право. И учет объектов авторских прав не может быть безусловным доказательством возникновения ни права авторства, ни исключительного права на произведения [4].

Все чаще при учете объектов авторских прав используется технология блокчейн на базе распределенного реестра, ключевой особенностью которой является децентрализация управления базой данных. Каждый узел, входящий в систему распределенного реестра, составляет и записывает обновления, хранит полную копию реестра независимо от других узлов.

«Особенности использования этой технологии состоят в следующем:

а) фиксация принадлежности актива или совершения действий осуществляется без привлечения посредника, непосредственно самим участником (участниками).

В этом существенное отличие от существующих систем учета, где для внесения изменений в учетные записи необходимо обращение к лицу, ведущему учет (реестр), - например, к регистратору или депозитарию при учете прав на бездокументарные ценные бумаги, к государственному регистрирующему органу при учете прав на недвижимое имущество, к нотариусу – при фиксации залога движимого имущества, и так далее;

б) отсутствует единый центр, в котором хранится информация – она распределена между компьютерными системами участников и все содержание данных учета может контролироваться ими напрямую.

База данных может быть распределена по сети разнообразных сайтов, в разных учреждениях и даже разных географических регионах (распределенный реестр).

в) технология использует криптографические методы с использованием ключей и подписей, что позволяет повысить безопасность и достоверность активов, хранящихся в реестре. Система ключей и подписей используется для контроля допуска к совершению тех или иных действий в общем реестре» [5].

На сегодняшний день система распределенного реестра считается наиболее перспективным методом учета произведений. Однако и она не лишена известного недостатка – она не подтверждает авторства. Указанная система фиксирует время добавления документа в журнал записей, но не время его создания, в то время как для объектов интеллектуальной собственности важно время создания.

Но если учетная запись об объекте авторского права (с помощью каких бы технологий она не осуществлялась) не подтверждает авторство, являясь лишь доказательством существования объекта, если сама процедура учета является добровольной, возникает закономерный вопрос: а зачем создавать систему учета объектов авторских прав?

Ответ на этот вопрос лежит в области целеполагания.

Если цель и задача системы учета и регистрации состоят исключительно в подтверждении авторства, то, с сожалением следует констатировать, что ни одна из существующих систем с этой задачей сегодня полноценно не справится.

Но, представляется, что у системы учета целей и задач гораздо больше.

Во-первых, система учета может обеспечить доступность информации об авторском праве. На практике нередко возникает не только необходимость доказывания авторства (опровержения авторства другого лица), но и просто информирования об обладателе прав на произведение.

Во-вторых, учет объектов повышает уровень защиты авторских прав, поскольку наличие доступной информации об объекте авторского права, об авторе, правообладателе снижает риск нарушений, позволяет пользователям определять правомерность использования произведения и достичь таким образом баланса интересов авторов, с одной стороны, и социальных и экономических интересов общества, с другой стороны.

В-третьих, система учета может облегчить процессы вовлечения авторских прав в гражданский оборот и определения режима их использования, в том числе с коммерческими целями.

В-четвертых, система учета может обеспечить информирование третьих лиц о договорных отношениях между правообладателем и пользователями.

Несмотря на полезность введения системы учета объектов авторского права, едва ли сегодня можно ратовать за введение принципа ее обязательности. Такая система должна оставаться факультативной и строиться исключительно на началах добровольности. Иной подход кардинальным образом изменил бы базовые постулаты авторского права. Государство же должно взять на себя роль регулятора, выработать единые принципы, основным из которых должен стать принцип открытости, цели и задачи учета, обеспечить внутрисистемное взаимодействие для исключения дублирования объектов в системе учета. Также именно государство должно выработать унифицированный подход к тому, какая информация будет вноситься в систему и каков объем ее раскрытия. При этом для увеличения привлекательности систем учета, для большего вовлечения авторов, возможно предоставление определенных преференций авторам, обратившимся в систему учета объектов авторского права.

Подводя итог, следует ещё раз подчеркнуть, что ни учет произведений, ни регистрация прав на них не влияют ни на момент возникновения прав на произведение, ни на объем правовой охраны, а, значит, не являются конститутивной характеристикой произведения как объекта авторского права. Вместе с тем введение системы учета могло бы быть полезным как для авторов, так и для общества в целом.

Список источников

1. Энтин, В.Л. Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи) / В.Л. Энтин // СПС «Консультант Плюс». – М.: Статут, 2017. – С. 1.
2. Оганян, В.А. Особенности регистрации авторских прав в США / В.А. Оганян (Проблемы современной юридической науки: актуальные вопросы. / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 4. Красноярск, 2017. – С. 36-38.
3. Домовская, Е.В., Гринь, Е.С., Новоселова, Л.А. Учет и систематизация прав на результаты интеллектуальной деятельности / Е.В. Домовская, Е.С. Гринь, Л.А. Новоселова: монография. – М.: Проспект, 2019. – С. 16.
4. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17.09.2020 № 305-ЭС20-8198 // СПС «Гарант». Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/74656306/paragraph/1/doclist/7806:1> (дата обращения 14.06.2022).
5. Домовская Е.В., Гринь Е.С., Новоселова Л.А. Учет и систематизация прав на результаты интеллектуальной деятельности: монография. // СПС «Гарант». Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/77181496/paragraph/351/doclist/8043:7> (дата обращения 14.06.2022).

В.Д. Затирахин, Ю.М. Сизов

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ЧАТ-БОТОВ КАК ОБЪЕКТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ПЕРЕДАЧИ ДАННЫХ

***Аннотация.** В статье исследуется правовая природа чат-бота как компьютерной программы через призму объекта авторского права на примере разработанных чат-ботов в двух версиях автором Сизовым Ю.М. и функционирующих в бесплатном мессенджере Дискорд.*

Освещая сложный и спорный объект интеллектуальной собственности авторами обращено внимание на некоторые проблемы трансграничной передачи данных, возникающих при использовании зарубежных мессенджеров, а также предложены некоторые пути предотвращения несанкционированной передачи персональных данных посредством чат-ботов.

Анализируя законодательство в данной сфере, авторы пришли к мнению о сложности и спорности определения термина «компьютерная программа», приведенного в Законе Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» и предложили иную его формулировку.

***Ключевые слова:** чат-бот, компьютерная программа, интеллектуальная собственность, авторское право, персональные данные.*

Термин чат-бот появился в современном обществе с развитием цифровых технологий. В смысловом значении это виртуальный собеседник, а по своей сути – программа-собеседник. В Свободной энциклопедии Википедия приведено определение термину «чат-бот (англ. chatbot) – программа, которая выясняет потребности пользователей, а затем помогает удовлетворить их. Автоматическое общение с пользователем ведется с помощью текста или голоса.» [1].

Практическое значение чат-бота заключается в ведении коммуникации с целью упростить онлайн-общение (предоставления актуальной информации в наиболее оперативные сроки), использования как альтернативы переписке или осуществления телефонного звонка.

Одним из первых виртуальных собеседников была программа Элиза, созданная в 1966 году американским ученым, специалистом в области искусственного интеллекта Джозефом Вейзенбаумом. Элиза пародировала речевое поведение психотерапевта, реализуя технику активного слушания, переспрашивая пользователя и используя фразы типа «Пожалуйста, продолжайте».

В законодательстве Беларуси легальное определение чат-бота отсутствует. Есть только упоминания в некоторых нормативных правовых актах, в частности в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 19.01.2021 № 28 «О государственной программе «Здоровье народа и демографическая безопасность» [2]. В указанном постановлении комплексом мероприятий государственной программы предусмотрена подготовка и привлечение к профилактической работе

с подростками равных консультантов, включая использование интерактивных методов работы, таких как чат-бот. Это подтверждает инновационную возможность использования чат-ботов для решения социальных функций, реализации задач по воспитанию подростков.

Свободная энциклопедия Википедия по функциональному значению подразделяет чат-боты на:

- боты-консультанты;
- бот для сбора данных;
- сервис-боты.

В рамках автоматизации некоторых процессов в программе Дискорд соавтором настоящей статьи Сизовым Ю.М. разработан чат-бот, который является по своему функциональному значению ботом-консультантом и сервис-ботом. Этот чат-бот используется в программе для общения, являющейся кроссплатформенной проприетарной системой мгновенного обмена текстовыми сообщениями (мессенджером) с поддержкой телефонной связи и видеоконференций. Разработчиком программы Дискорд является одноименная компания Discord Inc., г. Сан-Франциско, США. Программа имеет браузерную версию. Сервер в Дискорде – это своего рода сообщество, предназначенное для общения нескольких и более пользователей мессенджера. Далее по тексту эта возможность Дискорда поименована как Дискорд-сервер.

Чат-бот разрабатывался с целью консультирования и оказания помощи новым участникам Дискорд-сервера, а также для предотвращения спам-рассылок и случаев нелегального получения персональных данных участников используемого сервера.

При создании чат-бота для консультации новых участников Дискорда-сервера пользователи столкнулись с такой проблемой, как вредоносная спам-рассылка. В связи с этим в чат-бот была добавлена функция защиты от спама.

Разработанный чат-бот следит за тем, чтобы участник Дискорд-сервера не рассылал спам – одинаковые ссылки на разные чаты. Если такое происходит, чат-бот удаляет сообщения с этой рассылкой, параллельно отключая участника от всех текстовых каналов, путём лишения всех ролей, дающих возможность писать в чатах. Чат-бот также дополнен функцией развлекательного характера с целью вызвать его привлекательность и желание других пользователей загрузить его на их Дискорд-сервер. После его добавления чат-бот самостоятельно автоматически следит за предотвращением случаев спама, а также за несанкционированным завладением чужими аккаунтами, в том числе персональными данными.

При создании чат-бота использовался язык программирования C#(Си Шарп), который представляет собой объектно-ориентированный язык программирования, позволяющий создавать различные безопасные и надежные приложения, работающие в .NET Core и .NET Framework. Для создания базы данных использовался SQL (structured query language – «язык структурированных запросов»), представляющий собой декларативный язык программирования.

После изучения алгоритма написания кода использованных языков программирования, разработаны 2 версии чат-бота.

Первая версия использовалась в качестве бота-консультанта, который помогал новым участникам оформить цели использования Дискорд-сервера для совместной работы, нахождения круга общения. В этой версии чат-бот выполняет функции прав администратора (ограничение прав пользователя в случае нарушения правил Дискорда-сервера, установление статуса пользователя, уведомление о возникших проблемах у пользователя и др.). При этом, чат-бот работает автономно и требует участия администратора Дискорда-сервера только в крайних случаях.

Вторая версия чат-бота разработана с целью расширения его функциональности. Одной из целей являлась реализация защиты от спам-рассылок на сервере, в том числе исключая возможность получения нелегального доступа к привязанным социальным сетям, торговым площадкам, к сведениям банковских карт и другим персональным данным. Функция защиты следит за количеством и внутренним содержанием сообщения. Если рассылка направляется в большом количестве и за короткий промежуток времени, то чат-бот автоматически удаляет все сообщения с рассылкой от пользователя и ограничивает его в правах путём лишения всех ролей и присваивает статус «нарушитель».

В ходе разработки чат-бота возник вопрос: а является ли чат-бот объектом интеллектуальной собственности?

Исследуя законодательство в данной сфере, обращено внимание, что легальное определение термина «интеллектуальная собственность» в законодательстве Беларуси не содержится. При этом предметом правового регулирования в праве интеллектуальной собственности являются правовые отношения в названной сфере. В свою очередь к объектам интеллектуальной собственности Гражданский кодекс Республики Беларусь относит результаты интеллектуальной деятельности. Как ранее было сказано, чат-бот является программой для электронных вычислительных машин. Правовая же охрана объектов интеллектуальной собственности возникает в силу факта её создания либо вследствие предоставления правовой охраны. При этом автору результатов интеллектуальной деятельности принадлежат личные неимущественные и имущественные права. Право авторства являясь личным неимущественным правом может принадлежать только лицу, творческим трудом которого создан результат интеллектуальной деятельности. Обладателю права на объект интеллектуальной деятельности принадлежит исключительное право его использования по своему усмотрению в любой форме и любым способом. И использование его иными лицами допускается только с согласия правообладателя.

Поскольку разработанный чат-бот является компьютерной программой, то он будет являться объектом интеллектуальной собственности и подпадает под сферу правового регулирования авторского права. Закон Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» объектами авторского права признает произведения, к которым относятся и компьютерные программы, творческим трудом которые они созданы [3].

Автор или иной правообладатель для оповещения о принадлежащем им исключительном праве на произведение вправе по своему усмотрению использовать знак охраны авторского права (копирайт), который помещается на каждом экземпляре произведения и обязательно состоит из трех элементов:

- латинской буквы «С» в окружности;

- имени (наименования) правообладателя;
- года первого опубликования или иного обнародования произведения.

Использование знака охраны авторского права не является основанием для возникновения, изменения или прекращения каких-либо авторских прав на произведение, в отношении которого применяется этот знак.

Согласно статье 8 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» от 17 мая 2011 г. № 262-З авторское право на компьютерную программу возникает в силу факта ее создания. Для возникновения и осуществления авторского права не требуется соблюдение каких-либо формальностей. Исключительное право на произведение в Беларуси действует на протяжении всей жизни автора и 50 лет после его смерти.

Учитывая специфику компьютерной программы, ее особенности использования, проблематичным является доказывание факта нарушения авторского права. Для обеспечения доказательств о возможном нарушении авторского права, а также в целях получения независимого доказательства факта создания компьютерной программы и принадлежности исключительного права у конкретного лица на данный объект авторского права, авторские права на компьютерную программу можно зарегистрировать в Национальном центре интеллектуальной собственности Республики Беларусь (сокращенно – НЦИС). При этом, процедура регистрации авторских прав в государственном патентном органе (НЦИС) в Беларуси предусмотрена только для компьютерных программ.

Также существует иной вариант удостоверения авторских прав компьютерных программ на территории Республики Беларусь – депонирование (сдача на хранение) в НЦИС. Это способ опубликования объектов авторского права, подтверждающий авторство и первенство их создания. То есть НЦИС принимает на себя обязательство по хранению экземпляра компьютерной программы с указанием ее авторов и правообладателей, а также года создания. Сдать на депонирование объект авторского права можно также в специальной организации Белорусской торгово-промышленной палаты – Белпатентсервис, г. Минск.

Еще одним способом доказательства авторских прав является их регистрация в одном из государств-участников Бернской конвенции, участником которой является более 170 стран, в том числе Республика Беларусь [4]. Бернская конвенция предусматривает принцип применения внутреннего законодательства страны-участницы этой конвенции в отношении зарубежных авторов и недискриминации зарубежных авторских произведений. В соответствии с принципом недискриминации, например, суд США предоставляет белорусскому автору такую же защиту, как и автору гражданину США. Подобные услуги оказывает Бюро регистрации авторских прав США (The United States Copyright Office).

С развитием цифровых технологий интересным представляется возможность использования способа защиты интеллектуальных прав посредством технологии Blockchain, расцениваемая как инновационная. Данный способ защиты интеллектуальных прав исследовался в ходе проводимой шестой Международной научно-практической конференции «Информационные технологии и право (Правовая информатизация – 2018)». В статье Коржовой А.В., Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова «Технология Blockchain как инновационный

способ защиты интеллектуальных прав» технология Blockchain рассматривается как приоритетное направление в сфере защиты интеллектуальных прав в сравнении с иными реестрами интеллектуальной собственности [5]. По мнению Коржовой А.В., суть данной технологии защиты интеллектуальных прав заключается в регистрации объектов интеллектуального творчества в точном соответствии с их содержанием и в безопасном автоматизированном заключении, исполнении договоров по управлению объектами интеллектуального творчества.

Регистрация авторских прав доступна для всех элементов, воплощенных в компьютерной программе. Однако нужно понимать, что авторским правом не будут охраняться идеи, программная логика, алгоритмы, системы, методы, концепции. Это означает, что автор, регистрируя компьютерную программу, охраняет ее от тех, кто дублирует код, но не от тех, которые пишут другой код для достижения того же или подобного результата.

При разработке чат-ботов необходимо иметь в виду, что персональные данные гражданина подпадают под определённый правовой режим. Согласно Закону Республики Беларусь «О защите персональных данных» от 7 мая 2021 г. № 99-З любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано, является персональными данными [6]. А любое действие или совокупность действий, совершаемые с персональными данными, включая сбор, систематизацию, хранение, изменение, использование, обезличивание, блокирование, распространение, предоставление, удаление персональных данных является обработкой персональных данных. Все названные функции способен осуществлять чат-бот. При этом обработка персональных данных должна быть соразмерна заявленным целям их обработки и обеспечивать на всех этапах такой обработки справедливое соотношение интересов всех заинтересованных лиц. Обработка персональных данных осуществляется с согласия субъекта персональных данных. Обработка персональных данных должна ограничиваться достижением конкретных, заранее заявленных законных целей. Не допускается обработка персональных данных, не совместимая с первоначально заявленными целями их обработки (ст. 4 Закона Республики Беларусь «О защите персональных данных»).

Разработанный и функционирующий в Дискорде чат-бот по сути располагается на физическом сервере, расположенном в городе Сан-Франциско США, а сам чат-бот находится в Беларуси. Чат-бот отображается на сервере как пользователь, но с указанием возле имени префикса "Бот". Примером вовлечения чат-бота в правовой режим трансграничной передачи данных является то, что персональные данные участника Дискорд-сервера передаются на сервера Дискорда в США, а затем через чат-бот в Республику Беларусь. Согласно статье 9 Закона Республики Беларусь «О защите персональных данных» трансграничная передача данных запрещается, если на территории иностранного государства не обеспечивается надлежащий уровень защиты прав субъектов персональных данных.

При этом следует отметить, что запрет на трансграничную передачу данных не ограничивается, если:

- дано согласие субъекта персональных данных при условии, что субъект персональных данных проинформирован о рисках, возникающих в связи с отсутствием надлежащего уровня их защиты;

- персональные данные получены на основании договора, заключенного (заключаемого) с субъектом персональных данных, в целях совершения действий, установленных этим договором;
- персональные данные могут быть получены любым лицом посредством направления запроса в случаях и порядке, предусмотренных законодательством;
- такая передача необходима для защиты жизни, здоровья или иных жизненно важных интересов субъекта персональных данных или иных лиц, если получение согласия субъекта персональных данных невозможно;
- обработка персональных данных осуществляется в рамках исполнения международных договоров Республики Беларусь;
- такая передача осуществляется органом финансового мониторинга в целях принятия мер по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения в соответствии с законодательством;
- получено соответствующее разрешение уполномоченного органа по защите прав субъектов персональных данных (ст. 9 Закона Республики Беларусь «О защите персональных данных»).

Уполномоченный орган по защите прав субъектов персональных данных определяет перечень иностранных государств, на территории которых обеспечивается надлежащий уровень защиты прав субъектов персональных данных и доводит до сведения субъектов персональных данных.

Серьезность и масштабность проблем трансграничной передачи персональных данных можно привести на примере крупнейшей мировой социальной сети Фейсбук.

Сеть Фейсбук принадлежит одноименной компании Facebook, Inc., США, которая создана в 2004 году Марком Цукербергом и его соседями по комнате во время обучения в Гарвардском университете – Эдуардо Саверином, Дастином Московичем и Крисом Хьюзом. Первоначально веб-сайт был назван Thefacebook и был доступен только студентам Гарвардского университета, затем регистрацию открыли для других университетов Бостона, а затем – и для студентов других учебных заведений США, имеющих электронный адрес в домене .edu. Начиная с сентября 2006 года сайт доступен для всех пользователей Интернета в возрасте от 13 лет, имеющих адрес электронной почты.

С 2017 года Фейсбук вошёл в пятёрку наиболее посещаемых веб-сайтов мира. Только в апреле 2017 года месячная аудитория сети составляла 1,968 миллиарда человек, а уже в июне 2017 года аудитория Фейсбука составила 2 миллиарда пользователей. Компания Facebook Inc. является владельцем других популярных сервисов, таких как Instagram, WhatsApp, Workplace[en] (корпоративный мессенджер) и компании Oculus VR.

По оценкам специалистов в сфере информационных технологий, Фейсбук, являясь информационной площадкой номер один во многих странах, может иметь решающее значение для разработки стратегий различных направлений бизнеса, являясь крупнейшей социальной сетью в мире она способна представлять огромную информацию для исследования и принятия стратегических решений для маркетологов и ряда других специалистов, а также не исключает возможность оказывать влияние на политические процессы.

Одним из путей разрешения обозначенных проблем, связанных с передачей персональных данных, является развитие международно-правового регулирования отношений, связанных с защитой персональных данных в условиях стремительного развития информационных технологий и использования сети Интернет, а также унификации законодательства с формированием эффективной системы защиты, в том числе и прав авторов и правообладателей в праве интеллектуальной собственности. Актуальность освещаемой проблемы подчёркивается необходимостью совершенствования кибербезопасности государства от цифровых атак, осуществления контроля за возможным воздействием на экономические и политические процессы.

По нашему мнению, одним из способов предотвращения несанкционированной трансграничной передачи персональных данных и организации кибербезопасности являются возможности функционала чат-ботов.

В ходе исследования чат-бота как объекта интеллектуальной собственности обращено внимание и на легальное определение термина «компьютерная программа».

Закон Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» дает определение термину «компьютерная программа – это представленная в объективной форме упорядоченная совокупность команд и данных, предназначенных для использования на компьютере и в иных системах и устройствах в целях обработки, передачи и хранения информации, производства вычислений, получения аудиовизуальных изображений и других результатов. Частью компьютерной программы являются включенные в компьютерную программу документы, детально описывающие функционирование компьютерной программы, в том числе взаимодействие с пользователем и внешними компонентами».

Полагаем, что законодатель некорректно относит документы к части компьютерной программы. Неоднозначность и избыточность сформулированного определения термину обусловлена тем, что без документации программа исправно работает, выполняя свое предназначение и заданные функции. Для понимания природы компьютерной программы приведем пример базового программного обеспечения. Его базовые, не подлежащие принципиальным изменениям программы, входят в систему физически и являются специальными микросхемами, называемыми ПЗУ (постоянные запоминающиеся устройства). Это подтверждает то, что компьютерная программа является набором сигналов и алгоритмов, заданных физически через микросхемы, путём расположения тех же сигналов и логических компонентов на ней. Следовательно, документы не могут являться частью компьютерной программы.

Для сравнения определения термина компьютерной программы приведем его определение, содержащееся в статье 1261 Гражданского кодекса Российской Федерации: «Программой для ЭВМ является представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определённого результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения.» [7]. По нашему мнению, в статье 1261 Гражданского кодекса Российской Федерации наиболее правильно описано взаимодействие компьютерной программы с документами, которые не являются её частью. В определении, содержащемся

в Гражданском кодексе Российской Федерации, более корректно акцентировано на то, что документ является результатом выполнения программы, а не её частью, в отличие от определения, содержащемся в законодательстве Беларуси. Тем не менее, фраза «включая подготовительные материалы» является дискуссионной и не однозначной, избыточной, в связи с тем, что компьютерная программа по своей сути является совокупностью математических формул данных и команд, а указанная фраза лишена своего смысла и практического значения, поскольку подготовительный материал является фундаментом для написания программного кода, а не результатом, полученном в ходе её разработки.

В связи с изложенным предлагаем внести изменения в статью 4 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-3 «Об авторском праве и смежных правах», исключив из определения термина «компьютерная программа» предложение: «Частью компьютерной программы являются включенные в компьютерную программу документы, детально описывающие функционирование компьютерной программы, в том числе взаимодействие с пользователем и внешними компонентами.» и изложив определение термина в следующей редакции:

«компьютерная программа – упорядоченные совокупности команд и данных для получения определенного результата на электронно-вычислительных машинах и других компьютерных устройствах в целях получения определенного результата».

В контексте рассматриваемой темы полагаем, что следует дополнить положение Закона «Об авторском праве и смежных правах» о предоставлении правовой охраны не самому готовому исполняемому файлу программы, а на её исходный код.

Список источников

1. Свободная энциклопедия Википедия [Электронный ресурс] : Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Виртуальный_собеседник. – Дата доступа 13.07.2022.
2. О государственной программе «Здоровье народа и демографическая безопасность» [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 19 января 2021 № 28 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2022.
3. Об авторском праве и смежных правах [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2022.
4. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений (Бернский Союз) от 9 сентября 1886 г. Закон Республики Беларусь от 14 июля 1997 г. «О присоединении Республики Беларусь к Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений (парижскому акту от 24 июля 1971 года, измененному 28 сентября 1979 года)» [Электронный ресурс] : // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2022.
5. Коржова И.В. Технология Blockchain как инновационный способ защиты интеллектуальных прав [Электронный ресурс]: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова // Материалы VI Международной научно-практической конференции «Информационные технологии и право (Правовая информатизация – 2018)».
6. О защите персональных данных [Электронный ресурс] : Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2022.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая // Москва : Проспект, 2018. – 704 с.

А.Д. Иванкович, Т.В. Семёнова

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА БИОПРИНТИНГА КАК ОБЪЕКТА ПАТЕНТНОГО ПРАВА

***Аннотация.** В статье рассматривается правовая природа биопринтинга. Затрагиваются вопросы патентования технологии и продуктов биопринтинга и их соответствие условиям патентоспособности. Анализируются положения законодательства Республики Беларусь и зарубежного патентного законодательства об условиях патентоспособности и ограничений из патентоспособности с особенностями биопринтинга. В ходе проведенного исследования сделаны выводы, почему технология биопринтинга не подпадает под ограничения и исключения из патентоспособности и может быть запатентована как в Республике Беларусь, так и в других государствах.*

***Ключевые слова:** биопринтинг, изобретательский уровень, изобретение, открытие, патент, патентоспособность, техническое решение.*

Поскольку биотехнология является одним из важнейших технологических прорывов второй половины XX века, то она, соответственно, оказала большое влияние и на законодательство многих государств. Особенно биотехнология оказала большое влияние на патентную систему.

Биопринтинг как технология совершенствуется каждый день. Создание и улучшение данной технологии стали возможными благодаря работе многочисленных исследователей и изобретателей. Их усилия приносят пользу обществу, однако помимо удовлетворения общественных интересов, исследователи и изобретатели, учреждения и корпорации стремятся получить материальную выгоду. Организации финансируют и обеспечивают исследования и испытания, которые впоследствии и приносят пользу, что в свою очередь порождает необходимость в гарантии того, что время и деньги, потраченные на развитие технологий, будут возмещены, чтобы далее финансировать иные исследования. Однако право не успевает за техническим прогрессом в области биологии, что может быть проблематично как для пациентов, так и для производителей лекарств или устройств. Сейчас мы находимся на том этапе, когда ученые начинают представлять результаты своих исследований органов или тканей, напечатанных на биопринтере, но их использование в клинических целях требует времени, чтобы доказать безопасность этого многообещающего метода лечения. Такой институт гражданского права, как интеллектуальная собственность, должен обеспечить данную гарантию.

Цель настоящей работы – выявить правовую природу биопринтинга как объекта патентного права.

Главным аспектом вопроса патентоспособности биопринтинга является то, что методы оказания медицинской помощи не могут быть запатентованы. Так, Закон Республики Беларусь «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» предусматривает, что методы оказания медицинской помощи и изобретения, противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали не признаются патентоспособными [1].

Согласно Европейской патентной конвенции, «европейские патенты не выдаются на способы лечения людей или животных с помощью хирургии или терапии и методы диагностики, применяемые для людей или животных; данное положение не применяется к продуктам, в частности веществам или составам, которые используются в этих способах или методах» [2].

Российским патентным законодательством, в отличие от законодательств большинства стран Европы и Европейского патентного ведомства, таким объектам правовая охрана в качестве изобретений предоставляется. Причем какие-либо ограничения объема охраны, принципиальные отличия в оценке патентоспособности медицинских способов по смыслу норм права отсутствуют [3]. Исключения составляют решения, касающиеся способов клонирования человека, модификации генетической целостности клеток зародышевой линии человека, использования человеческих эмбрионов в промышленных и коммерческих целях, которые не могут быть объектами патентных прав.

Примерно в восьмидесяти странах мира методы и способы лечения невозможно запатентовать. Список включает почти все европейские страны и страны Азии, Африки, Северной Америки, Южной Америки и Центральной Америки. В Новой Зеландии ситуация остается менее ясной до сих пор, поскольку патентоспособность отдана больше фармацевтике [3].

Соответственно, следует уделить внимание тому, относится ли процесс биопечати к методам оказания медицинской помощи. Во-первых, биопринтинг – прежде всего технология, а не метод. Во-вторых, биопринтинг, по мнению автора, стоит относить к медицинской услуге, а не к медицинской помощи, т. к. сама помощь осуществляется при имплантации биопринтного органа или ткани.

В сфере биопринтинга выделяются два типа патентной защиты. Первый относится к биопечатным материалам, машинам и аппаратам. Данный тип защиты распространяется на биопринтеры, биочернила, каркасы и программные приложения для 3D-биопечати. Второй тип защиты распространяется на процессы и продукты биопечати [4].

Как описывалось ранее, этап препроцессинга включает в себя образование цифровой модели биопринтного органа или ткани, которое невозможно выполнить без соответствующего программного обеспечения с использованием математических функций для формирования цифровых представлений объектов [5]. Такие цифровые шаблоны также могут представлять ценность, поэтому может возникнуть необходимость в правовой защите данных моделей. При этом возникает вопрос: охрана должна осуществляться законодательством об авторском праве или законодательством о патентном праве.

К условиям охраноспособности объектов авторского права относят два признака: творческий характер результата деятельности человека и объективную форму выражения произведения [6].

Согласно Закону Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах», авторское право распространяется как на обнародованные, так и на необнародованные произведения, существующие в электронной, в том числе цифровой форме [7]. Цифровая модель имеет объективную форму выражения, т. к. она отражена в цифровом формате. Однако цифровую модель нельзя отнести

к творческому характеру результата деятельности человека, поскольку цифровая модель используется для изготовления биопринтного органа или ткани, т. е. она используется в здравоохранении и, таким образом, имеет промышленную применимость.

Применение положений о патентной охране к цифровой модели также затруднительно, т. к. она не имеет физического воплощения. Для решения данной проблемы предлагается привязать цифровую модель к объекту патентного права. Тогда создание цифровой модели можно считать использованием объекта патентного права [8], что предполагает изменение патентного законодательства. Так, требуется расширить перечень способов использования изобретения и полезной модели.

Этап производства – сфера действия патентного права. В данную сферу попадают биопринтеры, и необходимые составляющие для их работы – биочернила и гидрогели, и способы их создания, способы масштабирования тканей и т. д. [5]. К данным достижениям могут применяться нормы о патентоспособности биотехнологических изобретений.

Согласно законодательству Республики Беларусь, «изобретение является промышленно применимым, если оно может быть использовано в промышленности, сельском хозяйстве, здравоохранении и других сферах деятельности». В данном случае как биопринтер, так и процесс биопечати, биочернила и гидрогели и пр. могут использоваться в здравоохранении, например, при производстве биопринтных органов и тканей, которые в дальнейшем будут заменять уже не функционирующие аналоги.

Далее, изобретательский уровень. В соответствии с данным критерием, изобретение не должно явным образом следовать для кого-либо из уровня техники. Касательно данного критерия на практике не должно возникнуть проблем, т. к. сфера биопринтинга достаточно новая, и поэтому исследований к текущему моменту в данной области не так много, как в иных областях. Таким образом, требуется творческий труд, существенные умственные усилия и длительные размышления, чтобы итоговое техническое решение соответствовало данному критерию.

Изобретение не должно быть частью уровня техники, т. е. должно быть новым. Потенциально любое разработанные достижение в сфере биопринтинга обладает данным критерием, т. к. эти объекты патентования являются результатом интеллектуальной деятельности человека, без вмешательства которого вышеуказанных объектов не существовало. Таким образом, при создании изобретений в области биопринтинга задействованы мыслительная, познавательная, творческая деятельность, главной чертой которой является умственный труд. Однако в объектах патентования в сфере биопринтинга используются объекты, которые существуют в природе, что может являться основанием отказа в выдаче патента. К таковым относятся биочернила.

В соответствии с Правилами составления, подачи и рассмотрения заявок на выдачу евразийских патентов на изобретения, «объектами изобретения могут являться созданные или преобразованные человеком материальные объекты или процессы, в частности устройство, способ, вещество, биотехнологический продукт, а также применение устройства, способа, вещества, биотехнологического

продукта». К биотехнологическим продуктам как объектам изобретения относятся продукты, выделенные из их природного окружения или полученные иными способами [9]. Во время забора клеточного материала или биоматериала для использования его в биопринтинге происходит их выделение из природного окружения, что позволяет относить биочернила к биотехнологическим изобретениям.

Если обращаться к зарубежному опыту, то там сложилась схожая практика относительно патентования изобретений, которые содержат объекты природы. В известном деле *Association for Molecular Pathology, et al. v. Myriad Genetics* Верховный суд США постановил, что создание нового продукта в лаборатории исключает этот продукт из категории «природных» [10]. Таким образом, последовательности генов, которые усовершенствованы при помощи синтетических процессов для создания молекул, не встречающихся в природе, имеют право на получение патента. В другом деле, а именно деле *Bergstrom* суд проанализировал, являются ли очищенные и разделенные соединения простагландина, выделенные из ткани, новым изобретением. Суд установил, что очищенные материалы отличались от того же материала, который был менее чистым в своем естественном состоянии. Таким образом, суд постановил, что чистые материалы были новыми по отношению к природному соединению и, таким образом, удовлетворяли требованию новизны [11, с. 196]. Данные прецеденты позволяют патентовать и биочернила, т. к. для того, чтобы их создать, требуется модифицировать биологический материал.

Далее, один из самых дискуссионных вопросов в рассматриваемой области – патентование биопринтных органов и тканей человека, поскольку они являются аналогом естественных органов и тканей. Патентоспособность биопечати также зависит от того, является ли биопечатный продукт результатом человеческой изобретательности и не встречающимся в природе. Технически все, что связано с биопечатью, является результатом человеческой изобретательности: как процессы биопечати, так и продукты, изготовленные с помощью биопечати, созданы человеком. Более трудным для удовлетворения аспектом является доказательство того, что биопечатный продукт не встречается в природе. Если биопечатный орган или ткань являются точной копией встречающегося в природе органа или ткани, то данный продукт не является патентоспособным. И наоборот, если биопечатный организм или его живая ткань представляет собой полную переработку другого встречающегося в природе органа или ткани, то такой биопечатный продукт может быть запатентован.

Одна точка зрения предполагает, что 3D-биопринтинг – это не что иное, как дублирование естественных органов, без каких-либо заметно отличающихся характеристик [5]. И, действительно, если опираться на данное мнение, то биопринтные органы и ткани не будут соответствовать критерию новизны и, следовательно, не могут быть запатентованы.

Однако существует и другая точка зрения, согласно которой биопринтные органы и ткани существенно отличаются от своих естественных аналогов, поэтому они могут быть запатентованы [5]. Так, биопринтные органы и ткани обладают множеством существенно отличающихся характеристик, например, состоят из клеток, созданных при помощи генной инженерии.

Биопринтные органы и ткани не выделяются из своего окружения, а создаются на основе клеток, которые уже существуют в природе и которые значительно изменяются из-за воздействия на них человека. Человек при их создании пытается повторить, создать копию аналогичных биологических органов и тканей человека. Получается, что, как и с биочернилами, биопринтные органы и ткани могут быть запатентованы, хоть и на данный момент говорить об этом не совсем уместно, т. к., во-первых, сам конечный продукт предназначается только для одного пациента, во-вторых, пока еще нельзя говорить о конвейерном, потоковом и массовом производстве органов и тканей, в-третьих, в биочернилах могут использоваться живые клетки самого пациента-«заказчика», которые, а) могут быть не совместимы с другими пациентами; б) используются однократно, разово. Поэтому если и получать патент, то только на далекую перспективу, учитывая сроки действия патентной защиты.

Сама технология биопринтинга также может быть запатентована, т. к. она не подпадает под исключения из патентоспособности и соответствует всем условиям предоставления правовой охраны. Процессы биопечати могут быть запатентованы по тем же основаниям. Технология биопринтинга и процессы биопечати являются изобретением исходя из признаков последнего. Изобретение – это техническое решение, в свою очередь технология биопринтинга и процессы биопечати также являются техническим решением, которые могут относиться как к продукту, так и к способу, а также к применению продукта или способа по определенному назначению.

Заключение.

1. Биопринтинг как технология и биопринтинг как процесс могут быть запатентованы, т. к. они могут соответствовать условиям патентоспособности (промышленная применимость, новизна и изобретательский уровень) и не подпадают под исключения из патентоспособности. Данное положение подкрепляется практикой. К примеру, расположенная в Дании Particle3D запатентовала технологию биопечати костных имплантатов, которые изготавливаются персонализировано для каждого пациента [12]. Такие патенты часто являются самым важным нематериальным активом биотехнологических организаций. Сильная позиция интеллектуальной собственности сводит к минимуму риск для инвесторов и может определить, будут ли они вкладывать средства в конкретную биотехнологическую компанию или нет.

2. Объекты, которые используются в процессе биопечати, а также продукты биопринтинга в теории могут быть запатентованы в Республике Беларусь, исходя из положений о патентоспособности биотехнологических изобретений, содержащихся в Патентной инструкции к Евразийской патентной конвенции. Определяющим фактором является степень вмешательства человека в «естественное положение дел». Такая практика складывается и в других государствах.

3. На данном этапе применить патентную охрану напечатанным органам и тканям достаточно затруднительно, т. к. касательно данного вопроса законодательно не выстроено четкой модели правового регулирования и современный научно-технический прогресс не позволяет наиболее эффективно применять запатентованные биопринтные органы и ткани.

4. Положения законодательства об интеллектуальной собственности не позволяют применить правовую охрану к цифровым моделям, которые служат шаблоном для будущего биопринтного органа или ткани, поэтому, предлагается считать их частью запатентованного объекта.

Список источников

1. О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 16 дек. 2002, № 160-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=h10200160>. – Дата доступа: 06.08.2022.
2. Конвенция о выдаче европейских патентов (Европейская патентная конвенция) [Электронный ресурс] : [подписана в г. Мюнхене 05.10.1973 г.]. – Режим доступа: https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/exhibition_corr_ormatted.pdf. – Дата доступа: 06.08.2022.
3. Гайдук, И.Е. Способ лечения как объект патентного права / И.Е. Гайдук, Н.А. Новокшонова // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2018. – № 21. – С. 51–60.
4. Althabhwai, N.M. The Patent Eligibility of 3D Bioprinting: Towards a New Version of Living Inventions' Patentability / N.M. Althabhwai, A.Z. Zainol / *Biomolecules* 12. – 2022. – № 1 (124). – С. 1–24.
5. Беликова, К.М. Биопринтинг и выращивание натуральных тканей и органов в странах БРИКС (на примере Бразилии, Индии, Китая и ЮАР): подходы законодательства об интеллектуальной собственности / К.М. Беликова // *Право и политика*. – 2020. – № 5. – С. 35–54.
6. Максимов, В.А. Условия охраноспособности произведений в авторском праве / В.А. Максимов // *Ленинградский юридический журнал*. – 2017. – С. 85–90.
7. Об авторском праве и смежных правах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 мая 2011 г., № 262-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=h11100262>. – Дата доступа: 06.08.2022.
8. Богданов, Д.Е. Технология 3D-печати как триггер четвертой промышленной революции: новые вызовы перед правовой системой / Д.Е. Богданов // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. – 2019. – № 44. – С. 238–260.
9. Патентная инструкция к Евразийской патентной конвенции [Электронный ресурс] : утв. Административным советом Евразийской патентной организации 1 декабря 1995 г. // Евразийское патентная организация (ЕАПО). – Режим доступа: <https://www.eapo.org/ru/documents/norm/instr202104-p1.pdf>. – Дата доступа: 06.08.2022.
10. Association for Molecular Pathology, et al. v. Myriad Genetics, Inc., et al. 569 U.S. 12- 398 (2013). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.supremecourt.gov/opinions/12pdf/12-398_1b. – Дата доступа: 06.08.2022.
11. Brashear, Andrea D. Evo lving biotechnology patent laws in the United States and Europe: Are they inhibiting disease research? / Andrea D. Brashear. – *12 Ind Int'l & Comp L Rev*, 2001. – 218 с.
12. Финкина, А. П. Правовой статус 3d-биопринтинга / А. П. Финкина // *Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*. – 2021. – № 13. – С. 64–70.

А.С. Кириенко

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ИНТЕНСИФИКАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются информационные технологии, как действенный инструментарий, используемый в создании интеллектуальной собственности, а также проблемные вопросы в области обеспечения прав, которые могут возникнуть при установлении авторства на результаты интеллектуальной деятельности, созданные самими алгоритмами современных информационных технологий. В том числе приведены некоторые решения проблемы правового регулирования, связанные с рассматриваемым вопросом.*

***Ключевые слова:** авторское право, авторство, информационные технологии, интеллектуальная собственность, искусственный интеллект.*

В соответствии с докладом Генерального директора Ассамблеи ВОИС Дарена Танга 14–22 июля 2022 года: «Мировое сообщество ИС должно сохранять твердую приверженность преобразованию интеллектуальной собственности (ИС) из узкоспециального инструмента, предназначенного только для специалистов, в мощный катализатор развития занятости, инвестиций и роста, поддерживающий авторов и новаторов по всему земному шару. Глобальное сообщество ИС обязано сделать ИС доступной и понятной для неспециалистов, новаторов и авторов. С этой целью были диверсифицированы каналы коммуникации. Зарегистрирована учетная запись в Instagram, где 60 процентов подписчиков – люди в возрасте 35 лет и младше, а в следующем году планируется создать аккаунт в социальной сети TikTok. Сейчас у WIPO более 350 000 подписчиков в социальных сетях, что в два раза больше, чем в период проведения прошлых Ассамблей. Мы также используем возможности цифровых технологий, с тем чтобы по-новому взаимодействовать с теми, кого интересует наша работа. С момента открытия нами виртуальной выставки, посвященной географическим указаниям, осенью прошлого года ее посетили 70 000 человек, а для того, чтобы привлечь внимание молодежи к проблеме изменения климата, мы недавно провели конкурс фотографий, на который было прислано более 230 работ со всего мира» [1].

Действительно, информационные технологии в настоящее время являются тем самым катализатором, который способствует не только распространению информации о деятельности WIPO, об интеллектуальной собственности, охране, доступности неспециалистам, развитию сделок и инвестиций, но уже прочно является фактором интенсификации процессов разработки и воспроизведения совершенно новых результатов интеллектуальной деятельности (РИД), базирующихся на творческой деятельности созданных человеком цифровых алгоритмов, информационных сред и систем [2].

В настоящее время создание объектов интеллектуальной собственности с использованием информационных технологий можно условно разделить на воспроизводство РИД по двум вариантам, представленным на рисунке 1.

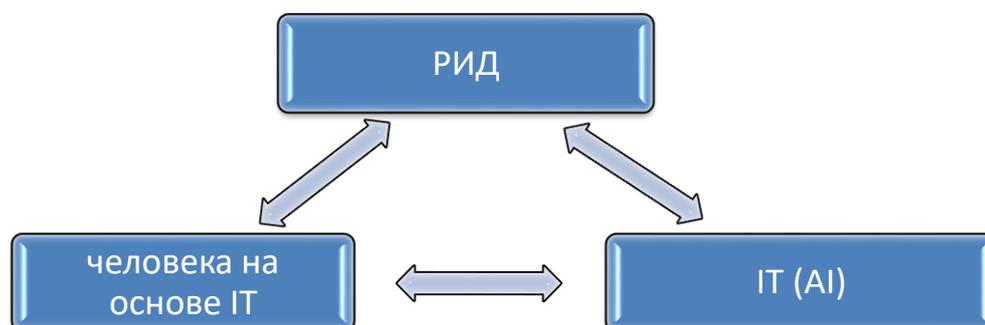

Рисунок 1. – Результаты интеллектуальной деятельности

В соответствии со схемой рис.1 первый вариант сопряжён с тем, что человек при создании объектов интеллектуальной собственности может использовать различные информационные технологии. При этом каких-либо концептуальных вопросов на уровне установления авторства или принадлежности исключительных прав не возникает. Информационные технологии в этом случае рассматриваются, как используемый инструмент либо средство создания РИД.

Например, каждый из нас использует информационные технологии в своей профессиональной деятельности. Университеты базируются в своей практике на создании умного кампуса, основой которого является информационная образовательная среда. Преподаватели создают и конструируют авторские электронные курсы на основе использования инструментов различных информационных образовательных платформ [3]. Конструкторы и технологи широко используют системы автоматизированного проектирования. Экономисты и маркетологи уже достаточно уверенно и широко используют автоматизированные процессы RPA-платформ, CRM-систем, лэндинг и др. Представители творческих профессий используют компьютерные программы для обработки голоса, музыкальных и видео файлов, а медицинские работники - информационные технологии, как средство диагностики, виртуальный инструментарий, например, искусственный интеллект (AI) IBM Watson для автоматизированных рекомендаций наиболее эффективных методов лечения пациентов и так далее. Множество приложений и информационных ресурсов в различных направлениях облегчают нашу профессиональную деятельность в настоящем, а также способствуют возникновению РИД.

Однако, на сегодняшний момент в обществе и специалистами ИС все чаще обсуждается следующий уровень развития использования информационных технологий, когда в соответствии со вторым вариантом возникновения РИД (рисунок 1) информационная технология либо алгоритм созданного и в дальнейшем само обучившегося искусственного интеллекта (AI) уже сам создает интеллектуальную собственность, которой характерны признаки оригинальности и новизны. AI становится сегодня не только средством прогнозирования или анализа данных. Он способен создавать произведения: литературные, музыкальные и изобразительные, во многом подражая их первоначальным авторам. Это подражание определяет содержание современной стадии развития систем AI, потому

что для их обучения используются материалы, созданные человеком. Так, на государственной выставке штата Колорадо в США в категории конкурса 2022 года "Цифровое искусство и фотографии с цифровой ретушью" первым призом неосознанно наградили работу «Театр космической оперы», созданную искусственным интеллектом, специализирующимся на генерации изображений Midjourney автора Аллена Джейсона, директора игровой компании Incarnate (рисунок 2).

Рисунок 2. – «Театр космической оперы». Художественная генерация изображения AI Midjourney, автора Аллена Джейсона

Причем это художественное произведение было создано AI Midjourney за несколько минут. Алгоритм при этом таков, что все, что нужно сделать, это дать письменные запросы, и AI Midjourney с разной степенью точности сгенерирует пейзаж, портрет или что угодно другое. Для этого он использует множество изображений, интегрированных в свою базу данных [4].

Также интереснейшие художественные работы, созданные непосредственно рисованием художественными кистями роботом-манипулятором на основе обучающегося искусственного интеллекта, ежегодно представляются на Международном конкурсе Robot Art Competition. Одним из победителей 2018 года является AI Independent (США) с работой «Дома Сезанна в Л'Эстаке», представленной на рисунке 3.

Рисунок 3. – «Дома Сезанна в Л'Эстаке», репродукция, созданная AI Independent (США)

Но искусственный интеллект не только рисует: он воспроизводит человеческий голос, ведет телешоу, и даже пишет музыку. Искусственный интеллект Sony Flow Machine выпустил свой первый альбом под названием IAMA1. Конечно, определенные вводные программе все-таки задаются, но это уже определенно является результатом творчества. Еще одним безусловно интересным стартом является разработка искусственного интеллекта Ampex, с которым объединила усилия певица Тарин Саутерн (Taryn Southern) и создает свои эстрадные музыкальные композиции. Обученный искусственный интеллект может писать и классические ноты. Так искусственный интеллект DeepBach несколько лет назад уже смог составить собственную композицию на основе прослушивания произведений Баха. Музыка получилась очень даже душевной.

Всемирный форум информационных технологий WCIT в Ереване 6 октября 2019 г. собрал более 2000 участников из 70 стран и открылся необычным выступлением: оркестр с нот сыграл мелодию, написанную нейросетью за несколько минут до исполнения. Идея выступления принадлежала главному дирижеру Государственного симфонического оркестра Армении Сергею Смбатяну. Он же руководил оркестром на открытии WCIT. По словам Смбатяна, алгоритм для создания музыки подбирали так, чтобы звучание мелодии напоминало национальные мотивы. Смбатян добавил, что не может определить, какая музыка лучше – сгенерированная алгоритмом или написанная живым человеком. Также, еще в 2019 году ученые смогли «воскресить дух» Густава Малера: созданная ими нейросеть дописала одну из незавершенных симфоний великого композитора.

Искусственный интеллект уже способен писать тексты, и не просто статьи, а целые книги. Особенные успехи сделал AI под названием Scheherazade-IF (interactive fiction). В 2018 году на Хэллоуин AI создал целую книгу. Она называется "Give yourself Goosebumps: Welcome To Sand Hands". Произведение написано на основе детских книг ужасов "Give yourself Goosebumps" Р. Л. Стайна.

Одним из важных событий в области создания, коммерциализации и промышленного серийного воспроизведения роботизированного искусственного интеллекта явилась презентация двух прототипов человекоподобного робота Optimus, условно относящегося к разным поколениям, см. рисунок 4.

Рисунок 4. – Прототипы человекоподобного робота Optimus

Мероприятие состоялось в ночь на 1 октября 2022 года на сцене в Пало-Альто в рамках Tesla AI Day 2022, причем глава компании Илон Маск назвал целью мероприятия привлечение талантливых кадров. На мероприятии было продемонстрировано как робот первого поколения поливает цветы в офисе, переносит коробки и поднимает металлические бруски на предприятии в Калифорнии, где производятся электромобили Tesla. Сейчас перед разработчиками Tesla стоит задача усовершенствовать манипуляторы, чтобы робот смог выполнять многие задания, позволяющие ему заменить человека в определенных сферах деятельности и обучить его искусственный интеллект. Существенным показателем является то, что компания Tesla заявила о стоимости робота Optimus 20 000 \$, в отличие от стоимости разработок конкурентов, оцениваемых минимум в 100 000 \$.

После окончания опытно-конструкторских работ и проведения масштабирования промышленного воспроизводства робота Optimus мы окажемся в иной реальности. Представьте распространение в нашей жизни, хотя бы с той же частотой, что и электрокаров Tesla, человекоподобных роботов, обладающих искусственным интеллектом, которые кроме реализации и выполнения производственных задач и бытовых работ по дому смогут быть заняты в творческой деятельности и создавать интеллектуальный продукт. Например, создавать новые музыкальные композиции, художественные произведения, научные труды и статьи, производить художественные изделия ручным и механизированным инструментом из различных конструкционных материалов, быть задействованными в образовании, причем не просто в трансляции материала учебных дисциплин, а в развитии баз данных информации по дисциплине, в анализе изучаемой области, разработке и формировании учебных программ, образовательных методик и подходов, конструировании современных структур курсов.

В момент возникновения таких произведений, как РИД искусственного интеллекта уже сейчас в профессиональном сообществе ИС возникают вопросы и различные трактовки в определении субъекта, принадлежности прав, установления авторства и так далее. В этой связи самый главный вопрос, который задают специалисты, - «А кому принадлежат исключительные права, и кто считается автором этого шедевра»?

В законодательстве ряда стран еще в конце 20 века появились нормы, регулирующие возникновение прав на объекты интеллектуальной деятельности, созданные при помощи компьютера. Они стали результатом долгой совместной работы законодателей, экспертов в сфере ИТ и делового сообщества. В нашей стране эти вопросы регулируются следующими нормами права: статьями Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах»; Гражданским Кодексом Республики Беларусь (Раздел V Интеллектуальная собственность Глава 61. Авторское право и смежные права. Статья 993. Произведения, являющиеся объектами авторского права); Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (Статья 10.15. Нарушение авторского права, смежных прав и права промышленной собственности); Уголовным кодексом Республики Беларусь (Статья 201. Нарушение авторского права, смежных прав и права промышленной собственности). В соответствии с ГК Республики Беларусь автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано. Следовательно, автором может

быть признан только тот, чьим трудом оно было создано, а также автором может являться только гражданин. В случае с искусственным интеллектом сам AI является создателем интеллектуального продукта. Разработчик AI создает в нем установки для его функционирования, дальше AI обучается самостоятельно, и приобретает новые навыки на основе своего самообучения. Но AI – это бездушная машина, которая не может обладать дееспособностью, а также не может нести ответственность за причиненный вред. Л. Соулум выдвинул аргументы, которые доказывают глупость наделяния системы искусственного интеллекта неотъемлемыми правами. Согласно его точке зрения, искусственный интеллект – это не человек, это техника, которая не может себя ставить наравне с человеком. У него нет чувств, эмоций, интересов, как у человека, это бездушная запрограммированная машина, которая является собственностью людей [5]. Используя термин «автор» и тот факт, что AI не может являться субъектом права, можно сделать вывод, что автором произведения, созданного искусственным интеллектом, может являться либо создатель AI, либо его владелец, либо данное произведение становится общественным достоянием.

Наиболее очевидна второе, поскольку право являться автором произведения, созданного искусственным интеллектом, должно принадлежать лицу, использующему данный интеллект. Данная точка зрения аргументирована тем, что искусственный интеллект – это инструмент, применяемый для создания произведения. Но такое лицо не всегда вносит свой вклад в создание произведения [6]. Этому можно было бы противопоставить правосубъектность систем AI - то есть их способность приобретать права и обязанности своими действиями.

Некоторые специалисты ИС предлагают проводить расщепление прав между AI и его создателем (владельцем). Соответственно, личные неимущественные права предлагается признавать как права авторства за искусственным интеллектом (роботом), а имущественные права признавать за разработчиком AI (робота). Основа этого мнения лежит в отсутствии потребности в имущественных правах у AI (робота). Ведь обладая таковыми правами AI не смог бы ими распорядиться. Но эта концепция находится лишь на стадии обсуждения и вряд ли в ближайшее время будет отражена в законодательстве.

Опираясь на существующие нормы ГК Республики Беларусь приходим к выводу, что человек может указать собственное авторство, если по его воле AI (робот) создал произведение. В этом случае автор произведения будет обладать всеми правами, предусмотренными законодательством. Скорее всего указание в качестве автора произведения программиста или пользователя системы AI (робота) будет соответствовать подходу, применяющемуся в странах общего права.

Однако, встречаются и одиозные мнения сторонников того, чтобы признать за искусственным интеллектом и за подобного рода системами алгоритмов некую квази субъектность, на подобие того, как в свое время уже признали субъектность юридического лица. Тем более в данном вопросе уже имеется прецедент.

Китайский Суд в 2018 году впервые вынес важнейшее, с точки зрения формирования судебного прецедента, решение. Tencent - китайская инновационная холдинговая компания, в 2015 году внедрила в процесс написания аналитических финансовых статей робота и нарекла его романтическим именем Dreamwriter.

При написании своих статей искусственный интеллект использовал данные финансовых рынков и специальные алгоритмы их анализа. После чего они размещались на сайте компании с пометкой «automatically written by Tencent Robot Dreamwriter». В 2018 году между Tencent и Shanghai Yingxun Technology Company возник конфликт, причиной которого стало копирование последней компанией финансового отчета, написанного роботом Dreamwriter на свой сайт. Суд города Шэньчжэнь вынес решение в пользу компании Tencent, в котором указал, что форма изложения материала в статье отвечает требованиям оригинальности и новизны и может быть классифицирована как охраняемый авторским правом результат интеллектуальной деятельности. Дело Tencent против Shanghai Yingxun Technology Company - первое в мировой практике, в результате рассмотрения которого суд признал, что AI обладает авторским правом на сгенерированное им произведение, не согласившись с доводами ответчика о том, что оно является общественным достоянием и может быть свободно использовано. Компанию Shanghai Yingxun Technology обязали выплатить компенсацию в размере 1,500 юаней (\$217) [7].

Традиционно право авторства на созданное роботом произведение не ставилось под сомнение, поскольку AI функционирует по определенному алгоритму, созданному человеком. Стало быть, и авторство на такое произведение признается за человеком.

Все это позволяет сделать следующие выводы. В информационном обществе мы становимся свидетелями неразрывной связи IT-IP. Сущность этого в том, что информационные технологии относятся к объектам интеллектуальной собственности, а права интеллектуальной собственности в свою очередь, создают возможность для развития информационных технологий. Формирующаяся связь в цифровой экономике «IT-IP-e-com» требует эволюции цифровых прав интеллектуальной собственности [2], поскольку между авторским правом и развивающимся искусственным интеллектом образуется большой пробел, который требует своего заполнения. Поэтому управление интеллектуальной собственностью продолжит эволюционировать с учётом развития информационных технологий [8].

Список источников

1. Дарен Танг. Доклад Генерального директора Ассамблеям ВОИС [Электронный ресурс]: 14–22 июля 2022 года. – Режим доступа : https://www.wipo.int/about-wipo/ru/dg_tang/speeches/a-63-dg-speech.html. – Дата доступа: 20.09.2022.
2. Кириенко А.С. Аспекты интеллектуальной собственности в технологическом бизнесе при коммерциализации настольной игры «Угадай, что я сделаю?» / А.С. Кириенко // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики [Электронный ресурс] : электрон. сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Новополюцк, 28 мая 2021 г. / Полоц. гос. ун-т, Регион. учеб.-науч.-практ. юрид. центр ; редкол.: В.А. Богоненко (отв. ред.) [и др.]. – Новополюцк : Полоц. гос. ун-т, 2021. – С. 65-70.
3. Кириенко А.С. Рынок образования в Республике Беларусь и совершенствование использования маркетинга в сфере образовательных услуг / А.С. Кириенко // Совершенствование подготовки педагогических кадров и методики преподавания непрофильных учебных дисциплин: материалы Международной научно-методической конференции, г. Новополюцк, 15-16 мая 2017, Полоцкий государственный университет. – г. Новополюцк. – 2017. – С. 128-133.
4. Примеры творчества ИИ [Электронный ресурс] : 19 января 2019 // [Hyper.tech](https://dzen.ru/media/hyperu/primary-tvorchestva-ii-5c3f0f4d4c6e0800aa29c2da). – Режим доступа : <https://dzen.ru/media/hyperu/primary-tvorchestva-ii-5c3f0f4d4c6e0800aa29c2da>. – Дата доступа: 15.09.2022.

5. Перекрёстова Е.А. Правовая природа и разграничение ответственности систем искусственного интеллекта // НЭЖ «Меридиан». 2020. № 14 (48). С. 171-173.
6. Воскресенская Е.В., Ворона-Сливинская Л.Г., Лойко А.Н. К вопросу о правовой природе результатов деятельности искусственного интеллекта [Электронный ресурс] : 2019 // Colloquiumjournal. 2019. № 5 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravovoy-prirode-rezultatov-deyatelnosti-iskusstvennogo-intellekta>. – Дата доступа: 15.09.2022.
7. Чуева У. За искусственным интеллектом признали авторские права / Ульяна Чуева // [Электронный ресурс]: 09.10.2020 // Закон.ру. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2020/10/09/za_iskusstvennym_intellektom_priznali_avtorskie_prava. – Дата доступа: 15.09.2022.
8. Кириенко А.С. Роль компьютерных информационных технологий в обучении учителей технического и обслуживающего труда / А.С. Кириенко // Совершенствование подготовки педагогических кадров и методики преподавания непрофильных учебных дисциплин: материалы Международной научно-методической конференции, г. Новополюцк, 15-16 мая 2017, Полоцкий государственный университет. – г. Новополюцк. – 2017. – С. 56-61.

Т.В. Ковалевская

АНАЛИЗ ПОДХОДОВ ПО СИСТЕМАТИЗАЦИИ (КОДИФИКАЦИИ) ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Аннотация. В статье приведена статистика систематизированных (кодифицированных) актов государств-членов Всемирной организации интеллектуальной собственности в сфере интеллектуальной собственности. Дан краткий анализ таких актов по виду, сфере регулирования, срокам принятия, охвату объектов интеллектуальной собственности, структуре этих актов, наличию в них процедурных норм, связанных с получением прав на такие объекты, норм об уступке и лицензионных договорах, норм о защите прав и ответственности за нарушения прав и других норм. Приведены некоторые примеры таких систематизированных (кодифицированных) актов. Сделан вывод о целесообразности рассмотрения вопроса о систематизации (кодификации) законодательства Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: систематизация, кодификация, объекты авторского права и смежных прав, объекты права промышленной собственности.

Вопрос о систематизации (кодификации) национального законодательства в сфере интеллектуальной собственности рассматривался еще в рамках реализации стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности на 2012–2020 годы [1]. Вместе с тем он не был решен в связи с наличием принципиально противоположных позиций различных государственных органов и организаций.

В Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 года [2] предусмотрено продолжение работы по вопросу о систематизации (кодификации) законодательства об интеллектуальной собственности.

Комплексное исследование данного вопроса невозможно без анализа уже имеющегося опыта зарубежных стран в части систематизации (кодификации) законодательства в сфере интеллектуальной собственности.

В литературе приводятся примеры таких кодифицированных актов как Кодекс Франции об интеллектуальной собственности, Кодекс интеллектуальной собственности Республики Филиппины, Кодекс промышленной собственности Италии.

Российская Федерация первая на постсоветском пространстве осуществила полную кодификацию законодательства об интеллектуальной собственности. В рамках части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации были объединены и систематизированы правовые нормы, относящиеся ко всем объектам интеллектуальной собственности.

Вместе с тем анализ законодательства в сфере интеллектуальной собственности 192-х государств-членов Всемирной организации интеллектуальной собственности (далее – ВОИС) (за исключением Республики Беларусь) показал, что есть еще целый ряд стран, которые также имеют систематизированные (кодифицированные) акты [3].

Так, в 69 из 192-х государств-членов ВОИС такое законодательство систематизировано (кодифицировано).

В 12 государствах-членах ВОИС приняты законы (кодексы), одновременно регулирующие отношения, связанные как с объектами авторского права, так и права промышленной собственности.

К объектам, отношения по которым регулируются в соответствии с систематизированными (кодифицированными) актами практически всех рассматриваемых стран относятся объекты авторского права и смежных прав, изобретения, полезные модели, промышленные образцы, топологии интегральных микросхем, товарные знаки и географические указания.

К специфическим для Республики Беларусь объектам, охраняемым в рассматриваемых странах, относятся награды, коммерческие слоганы, сертификационные знаки, традиционные знания, традиционные выражения культуры, торговые наименования, традиционные наименования продукции, эмблемы, логотипы.

Общим по данному вопросу является то, что в систематизированные (кодифицированные) акты в сфере интеллектуальной собственности рассматриваемых стран включены все объекты интеллектуальной собственности, которые охраняются в таких странах.

В 39 государствах-членах ВОИС действуют систематизированные (кодифицированные) акты в отношении объектов права промышленной собственности.

Необходимо отметить, что в законодательстве таких стран можно выделить объекты права промышленной собственности, которые охраняются почти во всех этих странах, а также специфические объекты права промышленной собственности, охрана которых осуществляется только в отдельных странах.

К объектам, отношения по которым регулируются в соответствии с систематизированными (кодифицированными) актами практически всех рассматриваемых стран относятся изобретения, полезные модели, промышленные образцы, топологии интегральных микросхем, товарные знаки и географические указания.

К специфическим для Республики Беларусь объектам, охраняемым в рассматриваемых странах, относятся награды, коммерческие слоганы, сертификационные знаки, традиционные знания, традиционные выражения культуры, торговые наименования, традиционные наименования продукции, эмблемы, логотипы, знаки отличия учреждений, слоганы, фабричные знаки.

Также в ряде государств-членов ВОИС действуют международные соглашения, представляющие собой систематизированные (кодифицированные) акты, регулирующие вопросы интеллектуальной собственности.

На территории 17 государств (Республика Бенин, Буркина-Фасо, Республика Камерун, Центральноафриканская Республика, Республика Чад, Республика Конго, Республика Кот-д'Ивуар, Габонская Республика, Гвинейская Республика, Республика Гвинея-Бисау, Республика Экваториальная Гвинея, Республика Мали, Исламская Республика Мавритания, Республика Нигер, Республика Сенегал, Тоголезская Республика, Союз Коморских Островов) действует Бангийское соглашение о создании Африканской организации интеллектуальной собственности (далее – Бангийское соглашение) от 14 декабря 2015 года, которое содержит положения, касающиеся различных объектов интеллектуальной собственности, охраняемых в государствах-участниках Бангийского соглашения.

При этом в Республике Конго действует еще отдельный систематизированный акт – Закон «О промышленной собственности».

Само Бангийское соглашение посвящено Африканской организации интеллектуальной собственности, ее функциям, структуре, требованиям к членам. Также Бангийское соглашение определяет функции каждого из органов этой организации, принципы деятельности и в общем виде определяет круг охраняемых объектов.

Каждое из 10 прилагаемых к Бангийскому соглашению приложений содержит материальные и процессуальные нормы и посвящено отдельному объекту права промышленной собственности.

Указанное соглашение содержит положения, касающиеся: изобретений, полезных моделей, товарных знаков, промышленных образцов, географических указаний, торговых наименований, топологий интегральных микросхем, объектов авторского и смежных прав, сортов растений. Кроме того, Приложение 8 к Бангийскому соглашению предусматривает недопущение недобросовестной конкуренции.

В Боливии, Колумбии, Эквадоре и Перу действует Решение Комиссии Картахенского соглашения от 14 сентября 2000 г. № 486 «Об установлении общего режима в отношении промышленной собственности» (далее – Решение Комиссии Картахенского соглашения).

В Боливии, Перу и на Эквадоре приняты также законодательные акты в сфере права промышленной собственности на национальном уровне. При этом в Перу и на Эквадоре такие акты также являются систематизированными (кодифицированными).

В Колумбии отношения в сфере промышленной собственности регулируются только Решением Комиссии Картахенского соглашения.

Таким образом, 53 систематизированных (кодифицированных) акта из них 51 национальный и 2 международных, действуют на территории 69 соответствующих государств-членов ВОИС.

Большинство систематизированных (кодифицированных) актов (40 актов или 75,5 %) регулируют именно сферу права промышленной собственности. Из 53-х актов 37 актов (это 69%) принято в виде законов, 11 актов (это 21%) в виде кодексов, по 2 в виде распоряжений и международных соглашений и 1 в виде указа Президента.

Основная тенденция принятия систематизированных (кодифицированных) актов прослеживается в период с 1990 по 2020 годы. Так, в период 1990–2000 годы принято 15 таких актов, в период с 2001–2010 годы – 17 актов и в период 2011–2020 годы – 14 актов. При этом следует отметить, что во многие из таких актов неоднократно вносились изменения.

Как правило, для всех систематизированных (кодифицированных) актов государств-членов ВОИС характерно деление таких актов на главы по объектам интеллектуальной собственности, наличие процедурных норм, связанных с получением прав на такие объекты, норм об уступке и лицензионных договорах, норм о защите прав и ответственности за нарушения прав.

Например, систематизированный Закон Польши о промышленной собственности содержит нормы уголовной ответственности за преступления в сфере промышленной собственности. Так, лицо, присвоившее авторство, а также лицо, которое ввело в заблуждение другое лицо относительно авторства изобретательского проекта или иным способом нарушило права автора изобретательского проекта, подлежит наказанию в виде штрафа, ограничения свободы или лишения свободы на срок до одного года.

Во многих систематизированных (кодифицированных) актах государств-членов ВОИС содержатся определения терминов, используемых в таких актах, нормы о компетенции патентного органа.

Так, например, в Самоа патентный орган уполномочен помимо прочего по ордеру Верховного суда Самоа обыскивать любое здание, судно или транспортное средство.

Еще одним интересным примером являются положения в Кодексе Эквадора о Компетентном органе по интеллектуальной собственности. Такой орган, как и НЦИС, принимает решения о регистрации или об отказе в регистрации объектов права промышленной собственности. Указанный орган также принимает участие в реализации государственной политики.

Однако помимо указанных полномочий Компетентный орган по ИС Эквадора согласовывает ставки авторского вознаграждения, применяемые организациями по коллективному управлению, вправе проводить проверки таких организаций, выполнять *ex officio* или по запросу заинтересованной стороны функции проверки, мониторинга и применения санкций для предотвращения и пресечения нарушений прав интеллектуальной собственности.

Весьма интересным является опыт Эквадора по систематизации законодательства, где действует Органический кодекс социальной экономики знаний творчества и инноваций Республики Эквадор, принятый 1 декабря 2016 г.

Кодекс Эквадора является комплексным документом, его основной целью является регулирование Национальной системы науки, технологий, инноваций и знаний предков, предусмотренной Конституцией Республики Эквадор, взаимосвязь этой системы, главным образом, с Национальной системой образования.

Кодекс Эквадора охватывает широкий спектр правоотношений, связанных с развитием Национальной системы науки, в том числе правовой охраной объектов интеллектуальной собственности и защитой прав на такие объекты, стимулированием участников Национальной системы науки.

Кодекс Эквадора состоит из 4-х книг, включающих разделы, некоторые из которых делятся на главы и статьи. Всего Кодекс Эквадора содержит 628 статей.

Книга I Кодекса Эквадора посвящена самой Национальной системе науки. В этой Книге содержится понятие Национальной системы науки, определяется ее руководящий орган – Министерство высшего образования, науки, технологий и инноваций, его функции, а также функции подчиненного ему Компетентного национального органа по интеллектуальной собственности, требования к руководителю Компетентного органа по интеллектуальной собственности и полномочия такого органа.

Книга II Кодекса Эквадора посвящена вопросам проведения исследований. В этой Книге определены критерии, которым должны соответствовать исследования, содержаться вопросы финансирования программ. Также в Книге II Кодекса Эквадора регулируются отношения, связанные с созданием и поддержкой инновационных компаний, их аккредитацией для получения льгот и другие отношения.

Книга III Кодекса Эквадора называется «Об управлении знаниями» и посвящена вопросам охраны объектов интеллектуальной собственности. Эта Книга является самой объемной и содержит 513 статей.

Книга IV Кодекса Эквадора называется «Финансирование и стимулирование авторов системы науки, технологий, инноваций и знаний».

Во многих систематизированных (кодифицированных) актах государств-членов ВОИС содержатся нормы о функционировании судебной системы, а также выделяются общая и особенная части, определяются предмет регулирования, цели, принципы соответствующего правового акта.

Кроме того, некоторые систематизированные (кодифицированные) акты государств-членов ВОИС включают административные нормы, касающиеся управления правами на объекты интеллектуальной собственности, нормы о стимулировании создания и использования объектов интеллектуальной собственности, нормы о патентных поверенных, служебных объектах патентных пошлинах, коллективном управлении (в актах, регулирующих одновременно вопросы авторского права и права промышленной собственности). Наличие отсылочных норм как к нормам самих систематизированных (кодифицированных) актов, так и к нормам иных актов встречается достаточно редко.

Таким образом, ряд государств-членов ВОИС применяют на своей территории систематизированное (кодифицированное) законодательство в сфере интеллектуальной собственности. В последние 30 лет наметилась тенденция к регулированию отношений в данной сфере именно такими актами.

Законодательство в сфере интеллектуальной собственности должно соответствовать современному уровню развития общества, стимулируя разработку и использование новых технологий при одновременном обеспечении правовой охраны и защиты интересов правообладателя. С учетом увеличения объема национального законодательства в сфере интеллектуальной собственности, необходимости унификации отдельных норм, регулирующих отношения, связанные с различными объектами интеллектуальной собственности, представляется целесообразным рассмотреть вопрос о его систематизации (кодификации).

Пунктом 6 Плана мероприятий по реализации Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 года [1] предусмотрена выработка научно обоснованных предложений по систематизации (кодификации) национального законодательства в сфере интеллектуальной собственности, в том числе предложений для формирования проекта концепции Кодекса Республики Беларусь об интеллектуальной собственности (в случае принятия решения о ее разработке). В рамках данного мероприятия необходимо рассмотреть опыт зарубежных стран по указанному вопросу и использовать при совершенствовании национального законодательства лучшие практики зарубежных стран.

Список источников

1. Об утверждении стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности на 2012–2020 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 2 марта 2012 г. № 205: с изм. и доп. от 21 марта 2018 г. // iLex. Юрист ПРОФ / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. О Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 года [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 24 ноября 2021 г. № 672 // iLex. Юрист ПРОФ / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. WIPO Lex [Electronic resource] // World Intellectual Property Organization. – Mode of access: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/index.html>. – Date of access: 24.05.2022.

М.Н. Лазутина

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОГОВОРА ФРАНЧАЙЗИНГА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. Исследование посвящено вопросам правового регулирования договора франчайзинга в Республике Беларусь. Целью исследования является раскрытие сущности договора франчайзинга. Задачами исследования являются исследовать права и обязанности сторон по договору франчайзинга, рассмотреть ответственность сторон по договору франчайзинга, изучить основания для изменения и прекращения договора франчайзинга. Объектом настоящего исследования является совокупность общественных отношений, которые возникают, изменяются или прекращаются в результате заключения сторонами договора франчайзинга в Республике Беларусь. Предмет работы, составят нормы права, которыми характеризуется регламентация договора франчайзинга в Республике Беларусь. Основные методы, которые использовались для написания данной работы – это социологический, исторический, нормативный и сравнительно-правовой. Результатами исследования стали рекомендации по совершенствованию правового регулирования в области договора франчайзинга.

Ключевые слова: договор франчайзинга, Гражданский кодекс Республики Беларусь, правовая ответственность, права и обязанности сторон, правовое регулирование договора франчайзинга.

Стратегическими национальными интересами Республики Беларусь являются устойчивое развитие экономики, ее высокая конкурентоспособность в глобальном окружении. В сложившихся реалиях 21 века одним из важнейших факторов внутренней безопасности страны становится создание необходимых условий для стимулирования деловой активности, самозанятости граждан, развития предпринимательской инициативы, особенно в малых и средних населенных пунктах. Как представляется, правовое регулирование отношений франчайзинга связано с данными проблемами. Подчеркнем, что с точки зрения юридического оформления франчайзинг представляет собой одну из самых сложных правовых сделок.

В белорусском законодательстве отношения франчайзинга регулируются договором комплексной предпринимательской лицензии, что отражается в главе 53 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) [1]. Собственно, и само понятие «франчайзинг» появилось в белорусском праве с принятием в 1998 году нового Гражданского кодекса. По общему экспертному заключению, включение этого договора в ГК стало признанием его особого места и самостоятельного значения в гражданском обороте. Между тем, тогда белорусский законодатель ограничился тем, что в статье 910 ГК дал определение договору франчайзинга, установив, что отношения по франчайзингу «регулируются законодательством», одновременно указав, что договор франчайзинга может быть заключен только в случаях, которые предусмотрены законодательством.

Таким образом, «договоры франчайзинга в нашей стране оказались вне правового регулирования до принятия новой редакции главы 53 Гражданского кодекса, которая закрепила реальную возможность для коммерческих структур и предпринимателей заключать договоры франчайзинга, а также предусмотрела более детальное правовое регулирование данной деятельности» [2].

В белорусском национальном праве под договором франчайзинга понимается договор, по которому одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на определенный в договоре франчайзинга срок либо без указания срока лицензионный комплекс, включающий право использования фирменного наименования правообладателя, других объектов интеллектуальной собственности, предусмотренных договором франчайзинга, а также нераскрытой информации в предпринимательской деятельности пользователя.

Таким образом, предметом договора франчайзинга является передача правообладателем права на использование лицензионного комплекса (то есть «делового комплекса») для использования в предпринимательской деятельности пользователя. Предоставление права на использование лицензионного комплекса сопряжено с выполнением дополнительных обязательств правообладателя по отношению к пользователю.

Сторонами по договору франчайзинга являются правообладатель и пользователь. Согласно п. 3 ст. 910 ГК Республики Беларусь субъектами договора могут быть только лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью, причем в их качестве могут выступать как юридические лица, так и индивидуальные предприниматели.

Основной обязанностью правообладателя является передача лицензионного комплекса, включающего право использования фирменного наименования правообладателя, других объектов интеллектуальной собственности, предусмотренных договором франчайзинга, а также нераскрытой информации в предпринимательской деятельности пользователя.

Среди прав франчайзера можно выделить следующие:

1) по окончании финансового года проводить аудит финансовой и бухгалтерской отчетности франчайзи за свой счет. В случае несвоевременной сдачи отчетности и задержки платежей (на срок, указанный в договоре), франчайзер имеет право на проведение аудита в любое удобное время, расходы на проведение которого оплачивает франчайзи;

2) контролировать соблюдение франчайзи общепринятых для конкретного типа производства технологических, санитарных и других норм при производстве продукта (оказании услуг);

3) контролировать содержание рекламы при проведении франчайзи рекламной кампании самостоятельно [3, с. 223].

Договором франчайзинга могут быть предусмотрены ограничения прав пользователя посредством указания на:

– обязательство пользователя не конкурировать с правообладателем на территории, на которую распространяется действие договора франчайзинга в отношении предпринимательской деятельности, осуществляемой пользователем с использованием принадлежащих правообладателю исключительных прав и нераскрытой информации;

– обязательство пользователя согласовывать с правообладателем место расположения помещений, используемых при исполнении договора франчайзинга, а также их внешнее и внутреннее оформление [4].

Основной обязанностью пользователя является обязанность по уплате вознаграждения правообладателю. Далее следуют обязанности, касающиеся требований к пользованию лицензионным комплексом:

1) использовать при осуществлении предусмотренной договором франчайзинга деятельности фирменное наименование правообладателя указанным в этом договоре образом;

2) обеспечивать соответствие качества товаров (работ, услуг), производимых (выполняемых, оказываемых) пользователем на основе договора франчайзинга, качеству аналогичных товаров (работ, услуг), производимых (выполняемых, оказываемых) непосредственно правообладателем;

3) соблюдать инструкции и выполнять указания правообладателя, направленные на обеспечение соответствия характера, способов и условий использования лицензионного комплекса тому, как он используется правообладателем, в том числе выполнять указания, касающиеся внешнего и внутреннего оформления помещений, используемых пользователем при исполнении договора франчайзинга;

4) оказывать покупателям (заказчикам) все дополнительные услуги, на которые они могли бы рассчитывать, приобретая товар, заказывая выполнение работ, оказание услуг непосредственно у правообладателя;

5) не разглашать полученную от правообладателя нераскрытую информацию, в том числе секреты производства (ноу-хау);

6) выдавать оговоренное количество комплексных предпринимательских сублицензий, если такая обязанность предусмотрена договором франчайзинга;

7) информировать покупателей (заказчиков) наиболее очевидным для них способом о том, что он использует фирменное наименование, товарный знак, знак обслуживания или иное средство индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг на основании договора франчайзинга [5].

Правообладатель и пользователь по договору франчайзинга несут ответственность как друг перед другом, так и перед третьими лицами по договорам, заключенным с ними.

Ответственность правообладателя и пользователя друг перед другом устанавливается договором франчайзинга и наступает в случаях неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по договору.

Если стороны не согласуют в договоре основания и размер имущественной ответственности, к стороне, не выполнившей обязательства или выполнившей их ненадлежащим образом, будут применяться санкции исходя из общих норм обязательственного права.

Законодательство урегулировало также вопросы ответственности правообладателя по требованиям, предъявляемым к пользователю.

В случае предъявления к пользователю требований о несоответствии качества товаров (работ, услуг), продаваемых (выполняемых, оказываемых) пользователем по договору франчайзинга, качеству аналогичных товаров (работ, услуг), продаваемых (выполняемых, оказываемых) непосредственно правообладателем, правообладатель несет субсидиарную ответственность.

Если требования предъявляются к пользователю как изготовителю продукции (товаров) правообладателя, то правообладатель отвечает солидарно с пользователем [6, с. 496].

Таким образом, ответственность правообладателя зависит от того, является ли пользователь изготовителем продукции либо выступает в качестве ее продавца. При этом нормы об ответственности правообладателя за деятельность пользователя являются императивными и не могут быть изменены соглашением сторон.

Можно не согласиться с возложением солидарной ответственности на правообладателя в любом случае. Заключение договора франчайзинга не предполагает совместной предпринимательской деятельности правообладателя и пользователя; они остаются самостоятельными участниками гражданского оборота и каждый из них согласно ст. 1 ГК осуществляет предпринимательскую деятельность под свою имущественную ответственность. В теории права необходимость солидарной ответственности правообладателя объясняют тем, что в данном случае потребитель не знает фактического изготовителя товара [7, с. 93].

На наш взгляд, данное положение закона должно быть изменено, тем более что любой потребитель знает, что вступает в отношения с самостоятельным субъектом хозяйствования, но под фирменным наименованием правообладателя, что уже обеспечено императивностью нормы законодательства о необходимости пользователя информировать потребителей наиболее очевидным для них способом об использовании средств индивидуализации на основании договора франчайзинга.

В соответствии со ст.910⁷ ГК Республики Беларусь договор франчайзинга может быть изменен по правилам главы 29 «Изменение и расторжение договора» ГК.

Изменение договора франчайзинга подлежит регистрации в порядке, установленном для регистрации договоров франчайзинга.

В отношениях с третьими лицами стороны договора франчайзинга вправе ссылаться на изменение договора с момента регистрации этого изменения.

По общему правилу договор франчайзинга может быть изменен, как и всякий другой договор, по соглашению сторон. Кроме того, в соответствии с п.2 ст. 420 ГК по требованию одной из сторон договор может быть изменен по решению суда.

Важным моментом в договоре франчайзинга является его сохранение при изменении определенных условий, например, при перемене сторон договора. В соответствии со ст.910⁸ ГК переход от правообладателя к другому лицу какого-либо исключительного права, входящего в предоставленный пользователю комплекс исключительных прав, не является основанием для изменения или расторжения договора франчайзинга. Новый правообладатель становится стороной этого договора в части прав и обязанностей, относящихся к перешедшему к нему исключительному праву.

В случае изменения правообладателем своего фирменного наименования договор франчайзинга в соответствии со ст.910⁹ ГК сохраняется и действует в отношении нового фирменного наименования правообладателя, если пользователь не потребует расторжения договора и возмещения убытков. В случае продолжения действия договора франчайзинга пользователь вправе потребовать соразмерного уменьшения причитающегося правообладателю вознаграждения.

В соответствии с п.1 ст.910¹⁰ ГК, если в период действия договора франчайзинга истек срок действия исключительного права, пользование которым предоставлено по этому договору, за исключением прекращения права на фирменное наименование без замены его новым фирменным наименованием, либо такое право прекратилось по иному основанию, договор франчайзинга продолжает действовать, за исключением положений, относящихся к прекратившемуся праву, а пользователь, если иное не предусмотрено договором франчайзинга, вправе потребовать соразмерного уменьшения причитающегося правообладателю вознаграждения.

Что касается вопроса прекращения договора франчайзинга, необходимо указать, что данный договор прекращается, прежде всего, в силу оснований расторжения договора, предусмотренных главой 29 ГК. То есть действие договора прекращается по соглашению сторон и по требованию заинтересованной стороны при существенном нарушении договора другой стороной. Также договор франчайзинга прекращается по истечении срока договора (если договор срочный).

Отличительная особенность договора франчайзинга – одно из оснований его прекращения, предусмотренное п.2 ст.910⁸ ГК: в случае смерти правообладателя – индивидуального предпринимателя и перехода в установленном законодательством порядке его прав и обязанностей по договору франчайзинга к наследнику договор франчайзинга прекращается, если наследник не зарегистрирован в течение 6 месяцев со дня открытия наследства в установленном законодательством порядке в качестве индивидуального предпринимателя.

В качестве еще одного отличительного основания прекращения договора франчайзинга выступает прекращение права на фирменное наименование правообладателя без замены его новым фирменным наименованием согласно п.2 ст.910¹⁰ ГК.

Франчайзи должен прекратить использование интеллектуальной собственности франчайзера [8, с. 189].

Законодатель также допускает возможность отказа от исполнения договора франчайзинга в одностороннем порядке. В соответствии с п.2 ст.910¹¹ ГК каждая из сторон договора франчайзинга, заключенного без указания срока, вправе в любое время полностью отказаться от исполнения договора, уведомив об этом другую сторону за 6 месяцев, если договором не предусмотрен более продолжительный срок.

Следует помнить, что в силу предписаний п.3 ст.910¹¹ ГК досрочное расторжение договора франчайзинга, заключенного с указанием срока, а также расторжение срока, заключенного без указания срока, подлежит регистрации в порядке, установленном для регистрации договоров франчайзинга. Аналогичные подходы содержатся и в ГК Российской Федерации.

Таким образом, в настоящей работе сделаны все необходимые правовые акценты, касающиеся данного вида экономической деятельности на основе существующих законодательных норм.

При этом, на наш взгляд, для развития франчайзинга в Беларуси необходимо осуществить ряд следующих мероприятий:

1) развитие рынка недвижимости, так как большинство франшиз в сфере общественного питания, розничной торговли, бытовых услуг требует размещения в современных торговых центрах с большим потоком потенциальных клиентов;

2) развитие системы информационной поддержки, обучающих программ по вопросам франчайзинга;

3) совершенствование нормативной правовой базы, регулирующей франчайзинговые отношения для привлечения иностранных брендов на белорусский рынок;

4) поддержка развития франчайзинга кредитными организациями и предоставление целевых кредитов на приобретение франшиз малым бизнесом.

Для Республики Беларусь франчайзинг является резервом не только количественного роста предпринимательского сектора, но и повышения качества бизнеса, возможностей интеграции его субъектов в систему международных экономических связей.

Список источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 декабря 1998 г. № 218-З: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г.: с изм. и доп., вступ. в силу с 4 мая 2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
2. Беляева, Т.А. Договор франчайзинга: проблемы и коллизии в законодательстве // Консультант Плюс Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2010. – Дата доступа: 20.05.2022.
3. Рыкова, И.В. Франчайзинг: новые технологии, методология, договоры: учебное пособие / И.В. Рыкова. – М.: Современная экономика и право, 2000. – 223 с.
4. Функ, Я.И. Франчайзинг в Беларуси: в ГК внесены изменения / Я.И. Функ // БНПИ. Юрид. мир. – 2004. – № 18.
5. Хлебников, Ю.В. Правовое регулирование коммерческой концессии в гражданском законодательстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Ю.В. Хлебников; Сев.-Кавказ. акад. гос. службы. – Ростов-на-Дону, 2005. – 22 с.
6. Витушко, В.А. Гражданское право: учеб. пособие. Особенная часть. – Минск: МИТСО, 2012. – 496 с.
7. Быкова, С.Н. Теоретические аспекты франчайзинга и франшиз / С.Н. Быкова // Молодой ученый. – 2019. – № 38. – 93 с.
8. Климова, С.В. Правовой режим франчайзинга в национальном и международном обороте: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / С.В. Климова. – М., 2011. – 189 л.

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ:
СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И МЕХАНИЗМЫ**

Аннотация. *Статья посвящена современным тенденциям международного права интеллектуальной собственности. Автор показывает основные векторы и детерминанты развития международно-правового регулирования охраны и защиты интеллектуальной собственности. Представлены механизмы унификации и гармонизации норм об интеллектуальной собственности, а также оценка степени кодификации этих норм на международном уровне. Определены основные центры разработки новых универсальных стандартов охраны и защиты прав интеллектуальной собственности. Выделены вопросы цифровой повестки в международном праве интеллектуальной собственности. Сформулированы тезисы по проблеме ненормативного и негосударственного регулирования в аспекте развития международного права интеллектуальной собственности. Изложены выводы о стратегии Республики Беларусь относительно взаимоотношения национального и международного права интеллектуальной собственности.*

Ключевые слова: *интеллектуальная собственность; международное право интеллектуальной собственности; ВОИС; цифровизация интеллектуальной собственности; унификация; кодификация; международное частное право.*

Международное право интеллектуальной собственности обширно по составу источников и решает несколько задач, которые со временем меняются. Соответственно выделяются этапы, через которые проходит развитие международного права интеллектуальной собственности. Международное сотрудничество в области интеллектуальной собственности стало активно развиваться во второй половине XIX в., что к концу XX в. привело к формированию разветвленной системы двусторонних, региональных и универсальных договоров, благодаря которым иностранцы крайне редко оказываются без возможности доступа к национально-правовым системам интеллектуальной собственности, а национальное право практически любого государства мира проходит оценку на соответствие т.н. «международным стандартам» интеллектуальной собственности. Если государство стремится участвовать во взаимовыгодном международном обмене знаниями, технологиями, а также получать прибыль от международной торговли товарами, воплощающими объекты интеллектуальной собственности, следование международному праву интеллектуальной собственности, оно принимает на себя значительный массив международно-правовых обязательств и в первую очередь речь идет о соизмерении национального законодательства с положениями международных договоров.

Наибольший интерес в международном праве интеллектуальной собственности вызывают правила, которые непосредственно регулируют частноправовые отношения интеллектуальной собственности: основания и объем охраны объектов интеллектуальной собственности, характеристики исключительных прав,

их ограничения, способы защиты и т.п. В международных соглашениях по вопросам интеллектуальной собственности эти правила оформлены в единообразные стандарты, которые должны быть предусмотрены в национальном праве государств-участников. Именно в этой области на современном этапе развития международного права интеллектуальной собственности мы усматриваем наиболее значимую проблему.

Права интеллектуальной собственности имеют территориальный характер. Это означает, что они регулируются национальными законами, не имеют экстерриториального действия и не зависят от каких-либо таких прав, существующих в других странах. Принцип территориальности интеллектуальной собственности широко признан и традиционно рассматривается как ключевая проблема, в ответ на которую осуществляется унификации [1, с. 653-654].

В правовой доктрине стандарты охраны и защиты интеллектуальной собственности обычно освещаются без особого внимания к динамике процесса международного нормотворчества и перспективе его развития. Между тем, мы усматриваем определенные проблемы, накопившиеся на сегодняшний день. С одной стороны, международное право интеллектуальной собственности затрагивает все насущные аспекты интеллектуальной собственности по перечню объектов, охране и защите прав интеллектуальной собственности в аспекте их территориальности. С другой стороны, регулирования в глубь, по сути, нет. Даже если рассмотреть нормы международных соглашений по интеллектуальной собственности как самоисполнимые и непосредственно порождающие права и обязанности сторон частноправовых отношений, детализация правового регулирования все равно перемещается на уровень национального права. В результате переплетения механизмов коллизионного, материального и юрисдикционного разрешения частноправовых отношений интеллектуальной собственности с иностранным элементом на практике оказывается, что ожидания от стандартов международных соглашений оказываются преувеличенными. Например, несмотря на правила Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений о запрете формальных требований для авторско-правовой охраны, регистрация косвенным образом является необходимой, иначе правообладатель может лишиться значительных преимуществ во многих государствах-участниках.

Противоречие текущего состояния международного права интеллектуальной собственности состоит в том, что, уже довольно давно, как минимум на начало двухтысячных, подготовлен плацдарм для того, чтобы пойти дальше в развитии системной унификации материального права интеллектуальной собственности, в частности принять новые нормы по: системе интеллектуальной собственности в целом; блоковым вопросам в ее составе (например о способах и мерах защиты); отдельным объектам интеллектуальной собственности. Есть примеры работы в международных организациях в данном направлении, однако значительные прорывы отмечаются, пожалуй, только в ходе гармонизации в рамках региональной экономической интеграции ЕС. Так, значительна детализация с введением новелл правового регулирования для т.н. «сиротских произведений», защиты прав интеллектуальной собственности, коллективного управления, авторских прав в цифровой среде. Однако региональное международное право интеллектуальной собственности в рамках экономической интеграции работает

на решение проблемы территориального характера прав интеллектуальной собственности при поддержке особых механизмов и, в принципе, в условиях совершенной иной правовой среды, нежели чем универсальное международного права интеллектуальной собственности. Так, в ЕС территориальность в большей степени снимается не гармонизацией, а всей совокупностью проявлений коммунарного правопорядка (принцип свободы перемещения товаров, прямая применимость и прямое действие актов вторичного права, единые системы охраны прав интеллектуальной собственности, например, т.н. «европейские права интеллектуальной собственности», региональный принцип исчерпания и т.д.)».

Негативные аспекты территориальности интеллектуальной собственности на универсальном уровне минимизируются в значительной части именно за счет того, что в государствах-участниках международного соглашения действуют приблизительно одинаковые правила и иностранный правообладатель оказывается в транспарентной правовой среде. Поэтому так важно развитие унификационных стандартов международного права интеллектуальной собственности. Соответственно для их согласования во всемирном масштабе установлено тесное институциональное взаимодействие между ключевыми организациями: Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) и Всемирная торговая организация (ВТО). Однако на сегодня мы видим, что даже солидные организационные основы не содействуют дальнейшему развитию единообразных универсальных правил интеллектуальной собственности. Наоборот, все больше проявляется невозможность достичь в этом направлении значительных успехов.

Правила международного права интеллектуальной собственности в источниках, разработанных и принятых в рамках универсальных международных организаций согласованы и взаимосвязаны. Национальный режим, на котором построены международные договоры, администрируемые ВОИС [2], а также режим наибольшего благоприятствования, привнесенный Соглашением по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (далее ТРИПС) благодаря ВТО [3], обеспечивают стабильность правового положения иностранного правообладателя, который нуждается в международной охране интеллектуальной собственности. Доступ к охране и защите прав интеллектуальной собственности в чужих для него юрисдикциях облегчен одинаковыми базовыми правилами, которые он встречает в большинстве стран мира. Однако для выстраивания стратегии продвижения товара, воплощающего объекты интеллектуальной собственности их недостаточно. Для каждой страны необходимо просчитывать отдельный алгоритм действий по обеспечению охраны и получению защиты.

Стандарты международных универсальных соглашений по интеллектуальной собственности по своему содержанию носят довольно общий характер, они базовые и составляют компромисс между государствами с разными интересами на мировом рынке интеллектуальной собственности в аспекте территориальности прав интеллектуальной собственности. Эти достижения международного сотрудничества по вопросам интеллектуальной собственности уже не соответствуют современным вызовам, в частности они не выдерживают стремительных темпов наращивания межстрановых потоков и наполнения мирового рынка товарами, воплощающими объекты интеллектуальной собственности. Требуется их существенная детализация.

Кроме того, назрела необходимость ответить на новые вызовы. Так, современное международное право интеллектуальной собственности универсального уровня в незначительной степени затрагивает вопросы мультиюрисдикционного характера отношений интеллектуальной собственности в условиях цифровой экономики и интернета. Последнее обстоятельство наиболее тревожно, поскольку генезису международного права интеллектуальной собственности в целом присущ прогрессивный характер. Сейчас же мы наблюдаем, что модели правил для новых явлений в содержании и субъектном составе отношений по интеллектуальной собственности, которые проявляются в силу новых вызовов, например, в обстоятельствах цифровой среды, формируются за рамками международного права.

Некоторые вопросы цифровизации отражены в национальном, и в международном праве. Так, в ответ на широкое распространение интернета в 1996 г. были приняты два договора ВОИС: один по авторскому праву, другой по смежным правам. Однако по настоящему прорывным актом международно-правового регулирования последних лет, который предложил новый паттерн для национального права, можно назвать, пожалуй, только Директиву (ЕС) № 2019/790 об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке [4].

В ответ на некоторый правовой вакуум в настоящее время происходит довольно интересный процесс развития саморегулирования цифровых отношений интеллектуальной собственности. Новые правила для интеллектуальной собственности на современном этапе глобализации складываются преимущественно как собственные или внутренние стандарты цифровой среды. Они вырабатываются самими участниками под влиянием разных факторов: технические характеристики и параметров инфраструктуры; копирование шаблонов наиболее популярных ресурсов и платформ и т.п. Должное поведение в электронном обмене данными; цифровые способы идентификации автора произведения и поиска правообладателя; протоколы заключения и исполнения сделок о передаче прав интеллектуальной собственности онлайн; ответственность интернет-сервис провайдеров за создание условий для нарушения прав интеллектуальной собственности и многие другие вопросы нуждаются в каких-то ориентирах и соответствующие правила формируются. Однако происходит это довольно спорадически, не совсем согласуются с национальным и международным правом и эффект регулятивного воздействия данных правил является довольно неопределенным. Они появляются в сложной зоне правовых регуляторов, которые в юридико-технической терминологии описываются с помощью условных терминов. Например, их можно отнести к т.н. «ненормативному регулированию», которое представляет собой «целенаправленное воздействие на общественные отношения, осуществляемое при помощи совокупности собственно-правовых и иных социальных и естественных средств и факторов индивидуально-ситуативного характера» [5]. Цифровая среда и виртуальное пространство очень техничны и возможность воздействия на поведение лиц профессиональными участниками, которые поддерживают ее, в частности обеспечивают нахождение в ней пользователей, довольно естественна.

Иной ракурс рассмотрения возможен ввиду выделения в науке международного частного права значительного влияния на частноправовые отношения с иностранным элементом т.н. «негосударственного регулирования». Данный

концепт объединяет правила, возникшие в процессе деятельности участников отношений, в особую группу регуляторов в противовес источникам правового регулирования, исходящими от государств в форме актов законодательства или международных договоров, хотя может и использоваться в контексте разграничения правового и неправового регулирования [6, с. 38].

Правовая характеристика феномена саморегулирования в цифровой среде довольно затруднена и это подрывает его эффективность. Учитывая значительный опыт, который накоплен со стороны академических кругов, национальных и международных структур, особенно ВОИС, назрела необходимость ввести соответствующие правила в прозрачное правовое поле. В первую очередь международные договоры необходимы по вопросам, которые затрагивают территориальность интеллектуальной собственности в отношениях, которые связаны с несколькими юрисдикциями, в которых понадобится обращаться в судебные органы для решения вопросов о признании прав, присуждении материальной компенсации за нарушение. Для частноправовых отношений интеллектуальной собственности с иностранным элементом это имеет особое значение. Примечательно, что в моделях саморегулирования действие прав интеллектуальной собственности в разных юрисдикциях вообще не затрагивается, например заявляя виртуальную претензию о нарушении прав интеллектуальной собственности на каком-либо ресурсе необходимо подтвердить наличие охраны вообще, а не в определенной стране, правила решения конфликта интересов практически всех популярных интернет платформ и ресурсов ссылаются на американское законодательство, в частности Digital Millennium Copyright Act – Закон об авторском праве в цифровую эпоху (DMCA). Эти два обстоятельства довольно проблематичны с точки зрения международного частного права.

Если отношения могут быть полностью реализованы в цифровой среде, то правила саморегулирования сработают. Однако в тех случаях, когда отношения выйдут за рамки режима онлайн, понадобится решить классические вопросы международного частного права: по законам какого государства решается принадлежность прав интеллектуальной собственности, в суде какого государства может быть рассмотрено дело, и государственное регулирование в четких правовых предписаниях устранил правила онлайн. Вряд ли даже будет возможно принять их во внимание с помощью таких конструкций, как обычаи, заведенный порядок ведения дел, выбор сторонами применимого права (автономия воли).

В рамках ВОИС уделяется значительное внимание аспектам цифровизации отношений интеллектуальной собственности. Приняты документы, в которых обобщается опыт разрешения данных отношений. Данная организация первой обратилась к проблеме решения проблемы нарушения прав интеллектуальной собственности в доменных именах, оперативно реагирует на актуальные проблемы цифровизации. ВОИС обеспечивает согласование интересов всех стейкхолдеров и учитывает практику, складывающуюся в разных регионах мира. Так, из последних наработок в рассматриваемой сфере непосредственный интерес для международного нормотворчества представляет обобщение практики стран-членов ВОИС по противодействию контрафакту и пиратству в интернете [7]. ВОИС – именно та международная организация, где международные соглашения по прогрессивному развитию международного права в цифровую эпоху должны появиться.

Переходя от наиболее остро стоящих вопросов перед международным правом интеллектуальной собственности к поступательному процессу развития того нормативного массива, который уже есть, констатируем определенную стагнацию в данном процессе. Для развития международного права интеллектуальной собственности вплоть до ТРИПС, особенно на рубеже 60-70 гг. очень характерна доминанта согласования государствами новелл правового регулирования на универсальном уровне, закрепления их в международных договорах, а потом имплементации в национальное право. Для большинства стран мира характерно введение в национальное право новых норм и институтов права интеллектуальной собственности благодаря универсальным международным договорам. Так произошло с институтами смежных прав, сортов растений, интегральных микросхем, географических указаний. Последним соглашением, внесшим для многих стран революционный пересмотр системы права интеллектуальной собственности стало ТРИПС, благодаря которому развивающиеся страны значительно повысили уровень охраны интеллектуальной собственности.

ТРИПС подвело своеобразную черту результатам международного права интеллектуальной собственности в глобальном измерении. Учитывая имплементационный процесс по данному соглашению, новый этап развития международного права интеллектуальной собственности определяется началом нового тысячелетия. ТРИПС четко обозначило контуры международного права интеллектуальной собственности. Достигнут существенный прогресс по унификации перечня основных объектов интеллектуальной собственности и базовых начал интеллектуальной собственности. Значительное количество международных договоров ВОИС в свою очередь отчетливо показывает архитектуру международного права интеллектуальной собственности с явным выделением трех групп договоров: по правовому режиму охраны и защиты; об оформлении прав промышленной собственности; о классификациях и упрощении взаимодействия международных и национальных патентных ведомств. На протяжении периода в двадцать с лишним лет не произошло кардинальных подвижек в первой группе. Основные успехи приходится на две другие группы договоров. Развитие глобальных регистрационных систем и нормативно, и технически действительно колоссально, что еще раз подчеркивает снижение активности по унификации правил охраны и защиты интеллектуальной собственности.

Из достижений ВОИС по развитию системы договоров первой группы можно назвать Пекинский договор по аудиовизуальным исполнениям (принят 24 июня 2012 г., вступил в силу 28 апреля 2020 г., далее – Пекинский договор) и Марракешский договор об облегчении доступа слепых и лиц с нарушениями зрения или иными ограниченными способностями воспринимать печатную информацию к опубликованным произведениям (принят 27 июня 2013 г., вступил в силу 30 сентября 2016 г., далее – Марракешский договор). Пекинский договор затронул довольно серьезную проблему и предлагает унификационный стандарт, которого нет в праве многих стран. На сегодняшний день к данному договору присоединились 46 государств [8], что в принципе немало. Однако об успехе данного договора говорить пока рано, поскольку из стран со значительным рынком для аудиовизуальных исполнений к нему присоединилось не так много стран, в частности стран-члены ЕС (за исключением Словакии) и США не участвуют. Китай, Япония и ряд других стран присоединились с оговорками. Пекинский

договор вызывает опасения у многих стран ввиду того, что в нем затронуты вопросы смежных прав, которые во многих странах мира пока недостаточно развиты как нормативно, так и институционально (например, в отношении коллективного управления). Кроме того, велика вероятность удорожания аудиовизуальной продукции и необходимости повышения эффективности мер, предпринимаемых против пиратства. Поэтому вызывает интерес практика последующего мониторинга за соблюдением Пекинского соглашения на рынках таких государств-участников, как Российская Федерация, Индонезия, Филиппины, Мексика.

Марракешский договор вполне успешен. К нему присоединилась и Республика Беларусь. Однако он посвящен скорее не развитию унификационных стандартов интеллектуальной собственности, а налаживанию инфраструктурного взаимодействия стран в деле практической реализации положений об изъятиях и ограничениях авторского права, широко признанных в мире для людей с ограниченными возможностями по зрению.

Деятельность ВОИС по развитию международного права интеллектуальной собственности довольно четко структурирована в организационном плане и регулярно освещается в программных документах. В структурных подразделениях ВОИС по авторскому праву, промышленной собственности, другим ключевым областям интеллектуальной собственности проводятся мероприятия, на которых обсуждаются вопросы, которые возможно станут предметом новых международных договоров. Однако, выработка новых унификационных стандартов охраны и защиты интеллектуальной собственности самой ВОИС сейчас не ставится в ряд первоочередных задач. В Среднесрочном стратегическом плане ВОИС на 2022-2026 гг. сказано, что приоритетным направлением является работа по гармонизации и установлению технических стандартов для эффективного функционирования регистрационных систем [9, с. 10]. Обеспечение процесса обсуждения странами-членами ВОИС и проведение мероприятий по другим вопросам осуществляется скорее не для составления новых правил, а в целях предоставления площадки для обмена информацией и опытом для содействия более глубокому пониманию новых и сложных вопросов интеллектуальной собственности. Таким образом, основные усилия сосредоточены вокруг формирования т.н. «экосистемы интеллектуальной собственности» и инфраструктурного обеспечения партнерских связей между патентными ведомствами, а также удобного интерфейса для пользователей этих систем: правообладателей, заявителей и других частных лиц.

В отношении разработки сбалансированной и эффективной международной правовой базы в области интеллектуальной собственности в Среднесрочном стратегическом плане ВОИС отмечаются определенные сложности. В частности сказано, что в последние годы сотрудничать по политическим вопросам и вопросам существа правовой охраны стало намного сложнее. Несмотря на то, что удалось добиться некоторых успехов, например, заключить Пекинский и Марракешский договоры, нормотворческая повестка ВОИС по нескольким переговорным процессам, которые длятся уже довольно долго, не приносят существенных результатов. Причины в цитируемом документе отнесены на счет сложности рассматриваемых проблем, меняющийся характер рассматриваемых вопросов и широкой геополитической динамики.

По линии ТРИПС в рамках ВТО также имеются новые события в развитии международного права интеллектуальной собственности. В целом их можно охарактеризовать как углубление в вопросы международной торговли интеллектуальной собственности, а не совершенствование унификационных стандартов охраны и защиты интеллектуальной собственности. По сути, ТРИПС свело базовые стандарты по широкому полю интеллектуальной собственности и закрепило их в переработанном виде, однако ТРИПС не является кодифицированным международным правовым актом по интеллектуальной собственности. Данное соглашение имеет довольно четко обозначенные специальные цели в отношении стран-членов ВТО, и они сосредоточены на международной торговле. В частности, это обозначено в преамбуле и ст. 7 ТРИПС. В стандартах ТРИПС изначально заложен довольно широкий диапазон усмотрения государств-участников при их имплементации в национальное законодательство, и многие вопросы, например, сорта растений, которые уже прочно вошли в международное понимание интеллектуальной собственности к середине 90-ых годов XX в., специально оставлены за рамками данного соглашения. В результате динамика продвижения по пути развития международно-правового регулирования интеллектуальной собственности в ВТО либо характеризуется сугубо аспектами международной торговли, что обозначено в изменении ТРИПС в 2017 г. путем принятия ст. 31 bis, приложения и дополнения, либо же стопорится дискуссией по проблеме ТРИПС-плюс между отдельными группами стран-членов ВТО [10, с. 12-15].

В профильных комитетах и рабочих группах ВОИС сейчас находятся действительно довольно сложные и интересные вопросы охраны и защиты интеллектуальной собственности: ограничения и изъятия из авторского права и смежных прав; права вещательных организаций; ограничения патентных прав; качественные патенты и процедуры возражения при патентовании; патентоспособность изобретений, созданных с использованием искусственного интеллекта; ускоренная патентная процедура; фармакологические патенты и здравоохранение; принудительное лицензирование; конфиденциальность в отношениях с патентными поверенными; графические пользовательские интерфейсы в качестве промышленных образцов; выставочная охрана промышленных образцов; использование названий стран, национальных брендов, национально значимых географических названий в средствах индивидуализации и доменных именах; экспертиза и объем охраны географических указаний; права интеллектуальной собственности в отношении генетических ресурсов, традиционных знаний и фольклора.

Перед Республикой Беларусь стоит непростая задача фокусировки на приоритетных направлениях участия в международном сотрудничестве по вопросам интеллектуальной собственности и стратегии соотнесения национального права с международным правом интеллектуальной собственности. С одной стороны, вопросов в повестке международного обсуждения довольно много, с другой стороны, все четче обрисовывается основная причина приостановления унификационного процесса в отношении правил охраны и защиты интеллектуальной собственности – сосредоточение государств на своих интересах экономического развития и неготовность принять общие стандарты. На наш взгляд, расширение форм участия в международном сотрудничестве должно сосредоточиться на международной экосистеме интеллектуальной собственности и самым сложным станет присоединение к Лиссабонской системе по регистрации географических

указаний, но оно крайне необходимо ввиду огромной коммерческой ценности наименований мест происхождения товаров для лидирующих позиций белорусского экспорта, в частности пищевых продуктов. Среди вопросов охраны и защиты интеллектуальной собственности ВОИС наиболее интересными с точки зрения экономики Республики Беларусь представляются: ограничения и изъятия из авторского права и смежных прав; качественные патенты; процедуры возражения в процессе оформления прав промышленной собственности; совершенствование правового режима промышленных образцов и географических указаний. Присоединения к Пекинскому договору считаем преждевременным и возможным после налаживания эффективной системы управления смежными правами на основе частной инициативы правообладателей.

Список источников

1. Stauder, D., Mühlendahl, A. Territorial Intellectual Property Rights in a Global Economy – Transit and Other ‘Free Zones’ / D. Stauder, A. Mühlendahl // MPI Studies on Intellectual Property, Competition and Tax Law: Patents and Technological Progress in a Globalized World: MSIP. – 2009. – Vol. 6. – P. 652-673.
2. WIPO-Administered Treaties [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/treaties/en/> (дата обращения 10.07.2021).
3. Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights [Electronic resource]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/27-trips_01_e.htm (дата обращения 10.07.2021).
4. Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market and amending Directives 96/9/EC and 2001/29/EC [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://data.europa.eu/eli/dir/2019/790/oj> (дата обращения 11.07.2022).
5. Кучков, Д.С. Право в ненормативном регулировании общественных отношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Д.С. Кучков. – Владимир, 2009 [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/pravo-v-nenormativnom-regulirovanii-obshchestvennykh-otnoshenii> (дата обращения 11.07.2021).
6. Мажорина, М.В. Нормы негосударственного регулирования в парадигме международного частного права: коллизия права и неправа / М.В. Мажорина // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2021. – №3 (79). – С. 34–48.
7. New Developments in Combating Counterfeiting and Piracy on the Internet. WIPO/ACE/OD/1/PRESENTATIONS [Electronic resource]. – Режим доступа: https://www.wipo.int/meetings/en/doc_details.jsr?doc_id=552135 (дата обращения 12.07.2022).
8. Beijing Treaty on Audiovisual Performances [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/treaties/en/ip/beijing/> (дата обращения 13.07.2022).
9. Комитет по программе и бюджету Тридцать вторая сессия Женева, 12–16 июля 2021 г. Среднесрочный стратегический план (СССП) на 2022–2026 гг. WO/PBC/32/3 [Electronic resource]. – Режим доступа: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/govbody/ru/wo_pbc_32/wo_pbc_32_3.pdf (дата обращения 13.10.2021).
10. Леанович, Е.Б. Права интеллектуальной собственности на мировом рынке: перспективы для Республики Беларусь / Е.Б. Леанович. – Минск: БГУ, 2018. – 183 с.

С.С. Лосев

КОДИФИКАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ СИСТЕМНОГО РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

***Аннотация.** В статье рассматриваются ключевые аспекты возможной кодификации законодательства Республики Беларусь в области интеллектуальной собственности. Автор приходит к выводу о том, что кодификация может выступить эффективным инструментом реформирования институтов отечественного права интеллектуальной собственности в соответствии со стоящими перед ними вызовами.*

***Ключевые слова:** гражданское право; право интеллектуальной собственности; систематизация законодательства; кодификация законодательства.*

Законодательство Республики Беларусь в области права интеллектуальной собственности представляет собой сформировавшуюся комплексную подотрасль законодательства, основу которой составляют нормы гражданского права, в которую входят также нормы административно-правового характера, регулирующие процедуры выдачи охранных документов (патентов, свидетельств). Нормы отечественного законодательства основываются на положениях действующих для Беларуси международных договоров, формирующих глобальную систему охраны прав интеллектуальной собственности и в целом обеспечивают функционирование национальной системы интеллектуальной собственности.

Однако объективный системный анализ правовых норм, обзор практики применения законодательства, изучение передового зарубежного опыта, а также необходимость ответа на вызовы глобального характера, стоящие перед национальной системой интеллектуальной собственности и национальной правовой системой в целом, требуют концептуального пересмотра всего массива законодательства в рассматриваемой области. При этом кодификация законодательства может и должна выступать в качестве инструмента такого системного пересмотра.

Последние несколько лет в Беларуси обсуждается вопрос о целесообразности **кодификации законодательства в области права интеллектуальной собственности**, что во многом предопределено логикой развития национальной системы законодательства в целом. В Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г. № 205, отмечается, что отличительной чертой законодательства республики является стремление к активной кодификации и консолидации нормативных правовых актов, при этом главный путь развития системы законодательства состоит в кодификации, позволяющей достичь единого, юридически цельного регулирования в отраслях и определенных институтах права.

Как отмечают специалисты в области общей теории права, кодификация – это сведение к единству всего правового материала путем переработки его внутреннего содержания в стройную, логически цельную и внутренне согласованную систему. В результате кодификации происходит как внутренняя, так и внешняя

переработка действующего законодательства в ходе подготовки и принятия нового кодифицированного акта [1, с. 35]; кодификация и сегодня остается основным средством развития права в правовых системах романо-германской правовой семьи; через кодификацию национальные правовые семьи поднимаются на новый уровень развития [2, с. 29]. В ходе кодификации предполагается комплексная переработка определенного нормативного массива на основе выработанных доктринальных приемов с изданием единого кодекса (кодифицированного акта), содержащего систематизированное изложение правовых предписаний, направленных на полное регулирование определенной области общественных отношений [3, с. 81-82].

Данная статья не имеет своей целью анализ аргументов в пользу кодификации, – они были приведены в более ранних публикациях автора [4]. В настоящий момент уже можно говорить о том, что вопрос кодификации переходит в **практическую плоскость**. Ее целесообразность была отмечена в рекомендациях Совета по вопросам правовой и судебной деятельности при Президенте Республики Беларусь, рассмотревшего в ноябре 2021 г. вопрос «О совершенствовании национального законодательства в области права интеллектуальной собственности и его кодификации». В Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 года, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 ноября 2021 г. № 672, упоминается необходимость в целях развития системы интеллектуальной собственности проработки вопроса о кодификации законодательства, а в прилагаемом к Стратегии плане мероприятий по ее реализации упомянута «выработка научно-обоснованных предложений по систематизации (кодификации) национального законодательства в сфере интеллектуальной собственности, в том числе предложений для формирования проекта концепции Кодекса Республики Беларусь об интеллектуальной собственности».

Однако кодификация законодательства не должна рассматриваться как самоцель. Кодификация является **инструментом**, позволяющим осуществить не только систематизацию, но и комплексный пересмотр правовых норм, исключить устаревшие и принять новые нормы, адекватные складывающимся общественным отношениям. Поэтому ключевым является вопрос о **задачах**, которые должны быть решены при проведении кодификации.

Как отмечал в свое время В. А. Дозорцев, которого принято считать основным «идеологом» кодификации российского законодательства в области интеллектуальной собственности, она была призвана решить несколько основных задач. Во-первых, это выделение общих положений для всех видов исключительных прав и их основных групп. Общие положения имеют значение не только с точки зрения законодательной техники, они консолидируют всю систему, четко и полно формулируют общие принципы, подлежащие последовательному проведению во всех отдельных институтах. Во-вторых, необходимо определить критерии дифференциации отдельных институтов и тем самым консолидировать всю систему законодательства, его структуру. Нужно выделить положения, связанные с объектами, субъектами, правами и обязанностями, их действием, сроками действия, возникновением и прекращением, переходом, договорами, осуществлением, защитой и т.п. Регламентации подлежат основные признаки каждого из видов объектов и основные черты их правового режима – по единой для

всех исключительных прав схеме. Только при этом условии можно направить специальное развернутое законодательство об отдельных видах исключительных прав так, чтобы оно образовало единую систему [5, с. 354]. В. А. Дозорцев также отмечал, что кодификация решает и некоторые дополнительные задачи, – она призвана внутренне согласовать отдельные институты, устранить противоречия и пробелы, необоснованные расхождения в смежных институтах, не вытекающих из органически присущих им особенностей, а также обеспечить стыковку их норм. Кодификация также позволяет избавиться от некоторых ошибочных положений по существу, накопившихся в ходе исторического развития, обусловленных конъюнктурными факторами, чисто юридико-техническими недоразумениями, правовыми ошибками и т. п. [5, с. 355].

Однако, говоря о задачах кодификации, хотелось бы начинать с основных проблем, с которыми столкнулось право интеллектуальной собственности. В качестве основных вызовов, стоящих перед национальной системой интеллектуальной собственности Беларуси сегодня, следует назвать **цифровую трансформацию общественных отношений**, а также **необходимость пересмотра ценностных подходов к самому феномену интеллектуальной собственности**.

Проблема влияния цифровых технологий на право интеллектуальной собственности сложна и многогранна. На ее фоне особо выделяется проблема, связанная с развитием систем искусственного интеллекта, которые в настоящее время способны создавать результаты, схожие с результатами творческой деятельности человека. Такие результаты, по образному выражению исследователей, «выпадают» из сферы правового регулирования в связи с отсутствием автора – физического лица, творческим трудом которого созданы эти результаты, как обязательного элемента, необходимого для предоставления им правовой охраны [6, с. 9-10]. Можно сказать больше: основная проблема, связанная с активным развитием систем искусственного интеллекта, состоит в том, что их применение подрывает основы современного права интеллектуальной собственности, основывающегося на таких понятиях как «автор» и «творческая деятельность». Поэтому законодателю необходимо принять концептуальное решение, определяющее природу результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта, их возможное место в системе объектов права интеллектуальной собственности, вид и содержание прав в отношении таких результатов, лиц, признаваемых правообладателями, а также правила разрешения возможных конфликтов между такими результатами и результатами интеллектуальной деятельности человека, которые, по убеждению автора данной статьи, должны решаться в пользу последних. При этом такое решение законодателя должно быть комплексным и затрагивать все виды охраняемых результатов интеллектуальной деятельности.

Второй глобальный вызов, стоящий перед правом интеллектуальной собственности, мы определили как «пересмотр ценностных подходов к самому феномену интеллектуальной собственности». О чем идет речь? Все чаще современные исследователи обращают внимание на то, что права интеллектуальной собственности – это не только защищаемые законом частные права; объекты интеллектуальной собственности обладают социально-экономической, культурной либо научной ценностью, а возможность доступа к ним представляет собой признаваемый и охраняемый общественный интерес. В связи с этим основной

проблемой права интеллектуальной собственности становится поиск и законодательное закрепление баланса частных интересов правообладателей и общественных интересов, а задачей, стоящей на сегодняшний день, – *пересмотр подходов к определению этого баланса*.

События последнего времени максимально обострили проблему баланса частных и общественных интересов. Как оказалось, интеллектуальная собственность – не только «самая священная из всех видов собственности», но и инструмент для злоупотреблений правом со стороны его обладателя. Злоупотребление правами со стороны правообладателей не является для права интеллектуальной собственности новой проблемой, и вопрос о необходимости ограничения действий правообладателей, стремящихся к получению сверхприбылей путем поддержания монопольно высокой цены на товары, содержащие объекты интеллектуальной собственности, осуществления антиконкурентной лицензионной практики, злоупотребления механизмами защиты и т.п. давно обсуждается юридической наукой. Однако санкционные меры, вводимые западными странами и отдельными зарубежными компаниями в отношении поставок как высокотехнологичной продукции, так и товаров народного потребления, в том числе жизненно необходимых, придали этой проблеме новое качество. Необходимо прямо говорить о том, что права интеллектуальной собственности стали инструментом экономического давления со стороны промышленно развитых государств и имеют своей целью нанесение существенного ущерба национальной экономике. И одним из возможных ответов на данный вызов может стать пересмотр норм национального законодательства об интеллектуальной собственности.

Сложившаяся ситуация требует комплексного решения одновременно по двум направлениям: стимулирование отечественных разработок, ориентированных на замещение «выпадающих» иностранных технологий и противодействие использованию интеллектуальной собственности в качестве санкционного инструмента. При этом первое, что необходимо сделать, – это изменить ценностные ориентиры в отношении права интеллектуальной собственности. Как очень верно в свое время заметил российский правовед А. Ю. Иванов, оценивая ситуацию с охраной интеллектуальной собственности в Российской Федерации, «...по сути охрана интеллектуальной собственности в нашей стране превратилась в инструмент государственной охраны интересов узкой группы рантье – в основном транснациональных корпораций и представляющих их интересы в России местных торговых домов (дистрибьюторов). При этом логика работы этого института у нас сегодня такова, что мощнейший публичный ресурс, в том числе ресурс государственного принуждения, используется для того, чтобы всемерно удовлетворить коммерческие интересы указанной узкой группы и за счет остальных граждан и местных инновационных компаний обеспечить усиление их рыночной власти и, как следствие, получение ими рентных, экономически неоправданных доходов» [7, с. 88]. И такой односторонний подход в восприятии права интеллектуальной собственности только как прав правообладателя без учета общественных интересов требует концептуального пересмотра.

Как представляется автору данной статьи, право интеллектуальной собственности должно выполнять двуединую задачу: поощрять творчество и инновационную активность, обеспечивая возможности коммерциализации объектов интеллектуальной собственности, и при этом обеспечивать общественный интерес,

состоящий в возможности доступа к достижениям культуры, научно-технического прогресса, а также к инновационным товарам и услугам по конкурентным ценам.

Начиная работу по пересмотру системы правовых норм, необходимо обратиться к теоретическим основам. Принципиально важным является то, что новая система правовых норм, регулирующих отношения, связанные с объектами права интеллектуальной собственности, в процессе предполагаемой кодификации должна быть построена на основе **единой концепции исключительных прав**. Как признают современные исследователи, исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, объекты, субъекты, содержание этого права, его ограничения и пределы, особенности, отличающие исключительное право от субъективных гражданских прав других типов, его разновидности, сроки и сфера действия – решение этих вопросов в правовых нормах в совокупности образует и почти исчерпывает ту отрасль объективного гражданского права, которую принято называть правом интеллектуальной собственности [8]. Поэтому вопрос о направлениях развития института исключительных прав по существу определяет направления развития права интеллектуальной собственности в целом, и он должен решаться в рамках работ по кодификации законодательства.

Анализ существующего в действующем законодательстве Беларуси регулирования исключительных прав позволяет назвать следующие ключевые проблемы:

- установление пределов осуществления и ограничений исключительного права;
- определение обладателя (обладателей) исключительного права;
- определение правового режима служебных результатов интеллектуальной деятельности;
- определение правовой природы результатов, создаваемых искусственным интеллектом, определение возможного места этих результатов в системе объектов интеллектуальной собственности и определение правообладателей в отношении таких результатов;
- трансформация системы договоров, применяемых для распоряжения исключительным правом, в условиях цифровизации общественных отношений;
- совершенствование специальных мер гражданско-правовой ответственности, применяемых в отношении нарушителей исключительного права;
- реформа существующей системы выдачи патентным органом охранных документов (патентов, свидетельств).

Как представляется, названные проблемы требуют более подробного освещения.

Как мы уже отмечали, ключевой проблемой права интеллектуальной собственности является определение справедливого *баланса интересов* обладателей прав интеллектуальной собственности и общества, заинтересованного в получении максимально возможного свободного доступа к достижениям науки, культуры и технического прогресса, в том числе охраняемым в качестве объектов интеллектуальной собственности. Как отмечают современные исследователи, цели правового регулирования должны включать в себя не только защиту прав авторов и правообладателей, но и создание условий для развития общества знаний и инновационной экономики, включая обеспечение доступа к достижениям науки, культуры и научно-технического прогресса [9, с. 6].

В контексте решения проблемы установление пределов осуществления и ограничений исключительного права актуальными являются следующие задачи:

- для института авторского права и смежных прав – пересмотр допускаемых законом случаев свободного использования охраняемых объектов в целях обеспечения более широкого доступа к информации, в том числе в деятельности традиционных библиотек и специально создаваемых электронных библиотек, а также в целях обеспечения образовательного процесса с учетом более широкого использования цифровых технологий; определение механизмов допускаемого использования так называемых «сиротских» произведений, правообладатели которых неизвестны либо не могут быть найдены; учет особенностей использования объектов в цифровой среде, в том числе расширение практики допускаемого использования объектов без согласия правообладателя с выплатой справедливого вознаграждения; использование в отечественном праве элементов доктрины *fair use / fair dealing*;

- для института патентного права особую актуальность представляет развитие механизмов принудительного лицензирования, в первую очередь – включение в национальное право норм, допускающих выдачу принудительных лицензий в общественных интересах;

- для всех институтов права интеллектуальной собственности актуальным является пересмотр норм об исчерпании исключительного права с максимально возможным переходом от национального к региональному или международному принципу исчерпания права.

При определении общих пределов осуществления исключительных прав должен применяться принцип недопустимости злоупотребления правом, при этом одним из механизмов реализации данного принципа должно выступать активное применение норм антимонопольного законодательства, в том числе исключение из антимонопольного законодательства любых «иммунитетов» для прав интеллектуальной собственности.

В контексте **вопроса об обладателях исключительного права** следует назвать в качестве требующих решения:

- вопрос о возможности и целесообразности для государства (Республики Беларусь и ее административно-территориальных единиц) выступать в качестве обладателя исключительных прав в отношении охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации;

- вопрос о возможности совместного обладания исключительным правом, в том числе в отношении служебных результатов интеллектуальной деятельности, а также возможности выделения доли в исключительном праве и ее участия в гражданском обороте.

Системы **искусственного интеллекта** в настоящее время способны создавать результаты, схожие с результатами творческой деятельности человека. В первом приближении возможен вариант предоставления результатам деятельности систем искусственного интеллекта, соответствующих понятию произведения науки, литературы или искусства, охраны в качестве нового объекта смежных прав, в отношении которого не признаются личные неимущественные права; тем самым будет обеспечен экономический интерес владельца системы, создавшей такой результат, и при этом исключен конфликт с авторским правом

на аналогичный результат, созданный творчеством человека. Решение о правовом статусе технических решений, создаваемых системами искусственного интеллекта и соответствующих понятию изобретения, пока не очевидно.

В контексте правового регулирования исключительных прав следует говорить о необходимости развития института **служебных результатов интеллектуальной деятельности**, в том числе унификации подходов в определении принадлежности исключительного права на служебный результат и учете имущественных интересов автора, не наделяемого исключительным правом. В частности, необходимо более четкое определение условий признания результата деятельности работника служебным, включая прямое указание на наличие трудовых отношений, определение понятия «задание нанимателя» и ограничение его трудовой функцией работника, а также исключение критерия использования опыта или средств нанимателя как основания для признания служебными изобретений, полезных моделей, промышленных образцов. Необходимо дальнейшее развитие законодательства, регулирующего выплату вознаграждения авторам служебных объектов; при этом следует обратить внимание на то, что нормы действующего законодательства не гарантирует авторам служебных произведений и исполнений права на получение вознаграждения, что объективно не стимулирует авторов, являющихся наемными работниками, к созданию творческих результатов.

Трансформация системы договоров, применяемых для распоряжения исключительным правом, в условиях цифровизации общественных отношений, предполагает необходимость более широкого применения электронных документов в отношении всех юридически значимых действий, включая оформление договора, а также его регистрацию (если таковая требуется), а также развитие норм об открытых лицензиях, учет сложившейся в мире практики применения свободных лицензий семейств *GPL*, *Creative Commons* и др.

Задача совершенствования **специальных мер гражданско-правовой ответственности**, применяемых в отношении нарушителей исключительного права, требует, в первую очередь, совершенствования правовых норм, посвященных взысканию компенсации вместо возмещения убытков, причиненных нарушением исключительного права. Применение компенсации как меры гражданско-правовой ответственности за нарушения исключительных прав вызывает ряд теоретических и практических вопросов, к числу которых относятся вопросы о правовой природе компенсации, критериях, которые должны учитываться при определении ее размера, соотношении размера присуждаемой компенсации и размера понесенных правообладателем убытков, возможности взыскания компенсации в отсутствие вины нарушителя и др.

Особого внимания требует проблематика защиты авторских и смежных прав в сети Интернет. Для эффективной борьбы с нарушениями в законодательстве должен быть закреплен механизм ограничения доступа к произведениям, исполнениям, фонограммам, незаконно размещенным в сети, по требованию их правообладателя; при этом наиболее эффективным является сочетание судебного и административного порядка пресечения нарушений. Для реализации такого механизма необходимо законодательное определение правового статуса информационного посредника, определение пределов его гражданско-правовой ответственности за нарушения авторских (смежных) прав лицами,

пользующимися его услугами, а также оснований для освобождения информационных посредников от указанной ответственности.

Реформирование системы выдачи патентов (свидетельств) должно включать в себя, в первую очередь, широкое внедрение современных информационных технологий. Системы искусственного интеллекта могут взять на себя основную тяжесть проведения информационного поиска и патентной экспертизы, а использование информационных технологий позволит существенно упростить весь процесс получения охранного документа, начиная с онлайн подачи заявки, отслеживания этапов ее рассмотрения патентным органом «в режиме реального времени» с возможностью оперативного решения возникающих вопросов, и заканчивая выдачей электронного патента (свидетельства).

Также представляется обоснованным применение системы оппозиции при предоставлении правовой охраны отдельным объектам права промышленной собственности, обеспечивающей возможность для заинтересованного лица заявить возражение против предоставления правовой охраны определенному решению еще до принятия соответствующего решения патентным органом.

Масштабность и сложность стоящих задач требуют комплексного решения, которое возможно только в рамках **системного пересмотра** всего массива законодательства об интеллектуальной собственности, осуществляемого в форме его **кодификации**.

Говоря о кодификации, необходимо четко определить, в какой форме она должна осуществляться: в рамках ГК или в виде отдельного акта. Российский законодатель в свое время не воспринял предложения ученых о разработке отдельного кодифицированного акта – Кодекса интеллектуальной собственности Российской Федерации [10, с. 16]. В то же время показательной является позиция В. И. Еременко, который, будучи принципиальным противником полной кодификации, тем не менее отмечает, что «... часть четвертая ГК РФ в ее нынешнем виде, по сути, представляет собой кодекс интеллектуальной собственности в ГК РФ. Проблема заключается в том, чтобы придать его фактическому статусу («кодекс в кодексе») легальный характер путем принятия отдельного от ГК РФ кодификационного акта в сфере интеллектуальной собственности, оставив в ГК РФ лишь минимальное количество общих норм, регламентирующих взаимодействие двух кодексов по вопросам интеллектуальной собственности» [11, с. 47-48]. Поэтому можно сделать вывод о том, что с учетом достаточной «автономности» норм, составляющих право интеллектуальной собственности, а также с учетом межотраслевого характера правового регулирования отношений в области интеллектуальной собственности, выражающегося в том, регулирование данных отношений наряду с гражданско-правовыми нормами осуществляется также нормами административного и трудового права, вариант отдельного от ГК кодифицированного акта **представляется предпочтительным**.

Отдельный вопрос связан с включением в кодекс норм, регулирующих вопросы процедуры получения патента (свидетельства), а также объема таких норм. Отношения, возникающие между заявителем и патентным ведомством в процессе оформления прав на объекты промышленной собственности, являются не гражданско-правовыми, а административно-правовыми. Однако, как отмечают исследователи, административно-правовое регулирование порядка проведения экспертизы и регистрации результатов изобретательской деятельности

неотделимо от отношений, связанных с созданием и использованием изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, носящих гражданско-правовой характер. По мнению И. А. Близнаца, обосновывающего необходимость принятия отдельного кодифицированного акта, «...комплексный подход, закрепление в едином нормативном акте согласованных между собой гражданско-правовых, административно-правовых и процессуальных положений придаст особую эффективность положениям Кодекса интеллектуальной собственности России, даст возможность обеспечить оптимальное сочетание частно-правовых и публично-правовых методов воздействия на регулируемые отношения и позволит полностью учитывать все сложности, возникающие при решении задачи обеспечения надлежащего правового регулирования данной сфере общественных отношений» [10, с. 16-17]. Поскольку речь идет о разработке отдельного кодифицированного акта, такое сочетание гражданско-правовых и административно-правовых норм, необходимых для комплексного регулирования общественных отношений, связанных с созданием и использованием результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, представляется вполне оправданным. Более того, российский опыт кодификации доказывает практическую возможность перенесения в кодекс всех норм, ранее содержащихся в специальных законах, посвященных объектам права промышленной собственности, с сохранением существующего детального регулирования процедурных вопросов на подзаконном уровне.

В рамках данной статьи мы назвали основные вызовы, стоящие перед национальной системой интеллектуальной собственности, а также обозначили ключевые проблемы, присущие основным институтам права интеллектуальной собственности Беларуси.

Предлагаемое реформирование институтов права интеллектуальной собственности на основе единой концепции исключительных прав, а также решение обозначенного комплекса проблем, как представляется, возможно только в рамках масштабной работы по пересмотру правовых норм и систематизации законодательства, наиболее эффективной формой которой является его кодификация.

Список источников

1. Сигалов, К.Е. Кодификация и правовое время / К.Е. Сигалов // История государства и права. – 2007. – № 23. – С. 35-37.
2. Сільчанка, М.У. Актуальныя праблемы сістэматызацыі беларускага заканадаўства / М.У. Сільчанка // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4, Правазнаўства. – 2011. – № 1. – С. 22-29.
3. Калинин, С.А. О подходах к совершенствованию и систематизации законодательства / С.А. Калинин // Теоретико-методологические и конституционные основы развития системы права Республики Беларусь / Белорусский государственный университет. – Минск: Право и экономика, 2011. – С. 80-89.
4. Лосев, С.С. Кодификация законодательства Республики Беларусь об интеллектуальной собственности: цели и задачи / С. С. Лосев // Право.by. – 2021. – № 1. – С. 18-26; – № 2. – С. 31-35.
5. Дозорцев, В.А. Система законодательства об исключительных правах / В.А. Дозорцев // Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. Сб. статей. / Исслед. центр частного права. – М.: Статут, 2005. – 416 с.
6. Сесицкий, Е.П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е.П. Сесицкий. – Москва, 2019. – 27 с.

7. Иванов, А.Ю. Мифы о легальной монополии, или сказ о том, почему в России не развиваются инновации при упорной охране интеллектуальной собственности / А.Ю. Иванов // Закон. – 2020. – № 2. – С. 86-102.
8. Маковский, А.Л. Исключительные права и концепция части четвертой Гражданского кодекса / А.Л. Маковский // КонсультантПлюс : Россия [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс». – Москва, 2022.
9. Назаров, А.Г. Пределы осуществления исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности : моногр. / А.Г. Назаров. – М.: Проспект, 2016. – 184 с.
10. Близнец, И.А. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации : теоретико-прикладное исследование : дисс. ... д-ра. юрид. наук / И.А. Близнец. – Москва : Рос. акад. государственной службы при Президенте Росс. Федерации, 2003. – 381 с.
11. Еременко, В.И. Некоторые проблемы кодификации законодательства об интеллектуальной собственности / В.И. Еременко // Законодательство и экономика. – 2014. – № 2. – С. 47-48.

Н.А. Маалуф

РЕКОМЕНДАЦИИ И ДОКУМЕНТЫ ВОИС И ИНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ОБЪЕДИНЕНИЙ ПО ВОПРОСАМ РЕГУЛИРОВАНИЯ КОМПЛЕКСНОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ЛИЦЕНЗИИ

***Аннотация.** В материале дается обзор различных документов, положений и рекомендаций необязательного характера, разработанных международными организациями и бизнес-ассоциациями в области развития и продвижения франчайзинга. Отдельно выделены вопросы, на которые необходимо обязательно обращать внимание как франчайзеру (правообладателю), так и франчайзи (правоприобретателю) при обязательном заключении соглашения о передаче права на пользования франшизой. Сделаны определенные выводы о сферах деятельности, где дальнейшее развитие франчайзинга в Республике Беларусь будет наиболее востребованным.*

***Ключевые слова:** франчайзинг, малые и средние предприятия, управление бизнес-проектами, брендинг, маркетинг, ВОИС, ПРООН.*

Актуальность тематики данного исследования обусловлена прежде всего тем, что совершенствование национальной экономической системы, обеспечение ее стабильности в долгосрочной перспективе, создание новых рабочих мест лежит в том числе в плоскости устойчивого развития сегмента малых и средних предприятий, а также их сотрудничества с крупными компаниями на национальном и международном рынках. Франчайзинг в данном случае является наиболее эффективным способом реализации такой стратегии.

Целью данного исследования является изучение документов, публикаций и рекомендаций, разработанных высококвалифицированными экспертами международных организаций и объединений высокого уровня по вопросам регулирования комплексной предпринимательской лицензии.

Задачей исследования является выработка рекомендаций по использованию франчайзинга в качестве эффективного бизнес-инструмента для привлечения иностранных франчайзеров в Республику Беларусь с последующей успешной и гармоничной реализацией бизнес-проектов.

На текущий момент **Всемирная организация интеллектуальной собственности (далее – ВОИС)** пока не разрабатывала либо не представляла широкой общественности отдельных нормативных документов обязательных к исполнению странами-членами ВОИС в сфере франчайзинга. Ввиду новизны данного направления в интернационализации глобальных экономических связей и международной торговли ВОИС, как основной консультационный международный форум по вопросам охраны, защиты и управления правами на объекты интеллектуальной собственности, разрабатывает только рекомендации, которые можно использовать в дальнейшем.

Одной из первых рекомендаций ВОИС относительно расширения успешного бизнеса как внутри одного государства, так и за его пределами, является

выбор франчайзинга в качестве такого варианта. Это продиктовано, прежде всего, отсутствием необходимого объема капитала для создания нового предприятия либо возможности его привлечения, а также недостаточностью оборотных средств в существующей компании. Наличие своеобразных гарантий при заключении соглашения о партнёрстве либо создании альянса, когда материнское предприятие делит как доходы, так и возникающие риски с партнером, также способствует использованию франчайзинга в развитии собственного бизнеса. Дополнительным преимуществом согласно рекомендациям ВОИС по использованию франчайзинга в различных бизнес-стратегиях является сама его основа, а именно лицензирование интеллектуальной собственности. Также его преимущества с точки зрения экспертов ВОИС выражаются в возможности снизить правовую, налоговую, финансовую и аудиторскую нагрузку на бизнес, используя его механизмы при объективно возникающих различных нормативных и правовых условиях ведения бизнеса в разных территориальных юрисдикциях. Однако главным вопросом, как отмечают эксперты Офиса интеллектуальной собственности Великобритании и Британской ассоциации франчайзинга, очевидно является проведение правильной маркетинговой стратегии по привлечению «именно тех самых» заинтересованных и компетентных людей, которые соответствовали бы требованиям вашей компании и стратегии развития франчайзинга [1].

Второй рекомендацией ВОИС является проведение комплексной оценки бизнеса, в котором можно использовать франчайзинг, т.к. не все виды бизнеса для него пригодны. Подходящий бизнес должен быть воспроизводимым [2]. К таким видам бизнеса, например, можно отнести любую творческую либо техническую деятельность, которая требует не только узкоспециализированных специальных навыков, но ещё и большого периода времени на их приобретение. Также к ним относят низкомаржинальный бизнес в отличие от высокой оборачиваемости традиционного масс-маркет ритейла. Франчайзинг вовсе неприменим к бизнес-моделям младше 5 лет либо не использующим различные системы операционного менеджмента и бизнес-анализа, что ведет к формированию серьезных недостатков в реализации различных бизнес-проектов.

Третья рекомендация ВОИС состоит в обязательном заключении соглашения о передаче права на пользования франшизой. Основными видами соглашений, которыми необходимо пользоваться владельцам франшизы по мнению экспертов Отдела малых и средних предприятий ВОИС (далее – МСП ВОИС) являются прямой франчайзинг, генеральное соглашение о франшизе и соглашение о развитии направления. У каждого из этих видов соглашений есть свои преимущества и недостатки. А задача как владельца франшизы, так и ее пользователей, определиться с наиболее подходящим вариантом для себя, учитывая территориальную юрисдикцию, степень возможного контроля как за пользователями субфраншизы, так и самого предприятия-партнера в рамках генерального соглашения, или возможность одного предприятия реализовать все обязательства в рамках соглашения о развитии бизнеса.

Отдельной рекомендацией ВОИС для пользователей франшиз является руководство «практикой разумного предпринимательства, подписывать юридически обязательные соглашения, только если они располагают «всецелой

фактов» [2, с. 25]. Это связано с недобросовестным отношением некоторых владельцев франшиз и их желанием существенно преумножить свои капиталы за счет продажи бесполезных или вовсе несуществующих франшиз. Также ввиду отличия законодательства о раскрытии информации от страны к стране ВОИС сформировала список параметров, по которым будущий пользователь франшизы может оценить предлагаемые возможности и свои риски, связанные с приобретенной франшизой. К таким параметрам отнесено:

- описание делового формата, т.е. виды франшизы,
- подробная информация о ее экспериментальном тестировании и продолжительности предпринимательской деятельности ее владельца,
- конкурентный анализ рынка в данном сегменте,
- обзор специального законодательства о требованиях специальных лицензий или разрешений.

Следующий блок параметров включает сведения о чистой кредитной и уголовной истории владельца франшизы, где необходимо изучить вопросы возможного мошенничества, нарушения законов о франчайзинге с его стороны, преследования иных владельцев франшизы, объявления банкротства, если таковые были, наличия неудавшихся проектов с данной конкретной франшизой. Дополнительное внимание уделяется вопросам расходов и особенно первоначальным инвестициям, расходам на страхование и снабжение, которые могут не покрываться за счет владельца франшизы. Сюда же можно отнести и территориальные ограничения для пользователя франшизы, которые могут сузить выбор поставщиков, определить неразрешенные к продаже товары и районы, где пользователь франшизы собирается осуществлять свою предпринимательскую деятельность. Учитывая тот факт, что при использовании франчайзинга в целях расширения и развития бизнеса в транснациональном измерении именно лицензирование интеллектуальной собственности является основным вопросом дальнейших взаимоотношений сторон, ВОИС рекомендует внимательно анализировать документ о раскрытии информации и возможностях ее использования. Это касается всей информации об объектах интеллектуальной собственности (товарные знаки, коммерческая тайна (know-how), образцы, авторские права и патенты), которые будут переданы в распоряжение пользователя франшизы, истечения сроков патентов и возобновления действия товарных знаков, их статусе на территории и механизмах разрешения споров. Отдельным и очень важным вопросом в данном документе являются положения и правила о предоставлении финансовой отчетности со стороны владельца франшизы, что отсылает нас к уже упомянутым вопросам кредитной состоятельности, финансовой устойчивости и отсутствия мошенничества с его стороны. Также должны быть четко прописаны положение о возврате и методы урегулирования споров между сторонами. Игнорирование данных вопросов либо недостаточное их освещение и проработка может в будущем привести к ситуации неоткрытия либо закрытия всех предприятий, начавших свою работу в рамках франчайзинга, с дополнительным риском судебных издержек и тяжб.

Необходимо отдельно остановиться на рекомендациях ВОИС о пресечении нарушений в отношении секретов производства в рамках договора франчайзинга, которые наряду с такими объектами интеллектуальной собственности как товарные

знаки, промышленные образцы, патенты, объекты авторского права и смежных прав подлежат равнозначной охране. Как правило, большинство компаний не имеет всестороннего подхода к охране любой конфиденциальной информации коммерческой ценности, а в лучшем случае распределяет ответственность за ее сохранность между различными департаментами, например, информационных технологий, управления человеческими ресурсами либо непосредственно производственным блоком. Как отмечал Руководитель отдела МСП ВОИС г-н Гурикбаль Сингх Джайя в своей презентации на национальном семинаре по вопросам интеллектуальной собственности и развитию сектора франчайзинга, состоявшемся в Пакистане в декабре 2007 года, «распределенная ответственность – это рецепт создания проблем. Наиболее распространенная проблема распределенной ответственности это – отсутствие чьей-либо ответственности в принципе. И поэтому для большинства компаний это рецепт движения к катастрофе». [3, с. 11]. Современное развитие цифровых технологий и их доступность по всему миру также повышает уровень уязвимости информации о секретах производства. Наилучшим примером является использование электронной почты либо приложений с системами мгновенного обмена сообщениями (мессенджерами), когда конфиденциальная информация непреднамеренно передается огласке, либо их пользователи становятся обыкновенными жертвами технологических манипуляций со стороны конкурирующих компаний, некорректного управления мобильностью данных и настойчивого предложения о смене лояльности за определенное вознаграждение безопасным способом. Это не только выбрасывает на рынок находящуюся в доступе пользователя франшизы информацию о секретах производства, но и создает условия для появления ещё одного конкурента на рынке. С учетом вышесказанного наиболее оптимальным вариантом охраны своих секретов производства является изначальное определение круга вопросов (аудит), которые включают в себя секреты производства, и их подробное описание в тексте генерального соглашения о пользовании франшизы. Такой подход существенно снижает риск бесполезных судебных разбирательств, где в большинстве случаев доказать правоту истца в отношении нарушений условий использования секретов производства не представляется возможным.

Вторым важным шагом в сохранении секретов производства и предотвращении нарушений является внутреннее обучение как топ-менеджеров, так и рядовых сотрудников по вопросам соблюдения конфиденциальности, ежедневного использования методических рекомендаций по утечке данных, прохождения выходных собеседований и соблюдения задокументированных обязательств о неразглашении после увольнения в течение указанного срока либо бессрочно. Также существует практика обязать бывшего сотрудника сообщать предыдущим работодателям о своем местонахождении в настоящее время и текущем роде занятий. И отдельной рекомендацией экспертов отдела МСП ВОИС является необходимость указать в Генеральном соглашении о пользовании франшизой обязательное требование по возврату всех прав на полученные секреты производства ее пользователями обратно владельцу после окончания действия соглашения.

Среди прочего ВОИС рекомендует присоединяться к деятельности различных франчайзинговых ассоциаций, многие из которых являются членами **Всемирного совета по франчайзингу или Международной ассоциации франчайзинга**

(далее – Ассоциация франчайзинга). Ассоциации такого рода являются хорошими экспертными площадками для получения профессиональных консультаций по решению конкретных вопросов, возникающих у пользователей франшиз, что прежде всего содействует защите их интересов на практике.

Вторым информационным источником среди международных организаций по вопросам регулирования комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) являются рекомендации **Программы развития Организации Объединенных Наций (далее – ПРООН)**. Ее опыт в данной области включает в себя как работу с пользователями франшизы, т.к. именно от него зависит, какой вид франшизы будет выбран, и как будет развиваться данный бизнес в будущем, так и с владельцем франшизы, который стремится к максимально быстрому развитию своего бизнеса. Основной рекомендацией ПРООН для пользователей франшизы является необходимость осознанного выбора вида комплексной предпринимательской лицензии в соответствии со своими планами, возможностями, способностью работать в команде, следовать установленным правилам и стандартам, готовностью нести ответственность за свой бизнес самостоятельно, несмотря на поддержку особенно на начальном этапе со стороны франчайзера, а также уровнем правовой культуры. Правильный выбор в такой ситуации потенциальный владелец франшизы может сделать, ответив на два основных вопроса:

- готов ли я к созданию собственного бизнеса?
- подходит ли мне бизнес по франшизе?

Базовой рекомендацией ПРООН для владельца франшизы является тщательная подготовка и выработка конкретного подхода развития своего бизнеса как на конечном рынке, так и на рынке потенциальных франчайзи. Такой подход формируется после тщательного исследования этих двух рынков, расчета потенциального уровня рентабельности, подготовки бизнес-модели к тиражированию, регистрации и закрепления передачи прав на объекты интеллектуальной собственности, в данном случае на товарные знаки, в договоре [4].

Ассоциация франчайзинга также дает свои рекомендации участникам франчайзинговых схем, но не в виде каких-либо нормативных документов либо регламентов, а различных информационных материалов, публикаций и сборников контактов заинтересованных партнеров, к которым можно обращаться напрямую по различным вопросам. Так, например, недавно Ассоциацией франчайзинга был выпущенный сборник “International Franchise Association 2021. Marketing, Operations & Development Toolkit” с описанием инструментария в области маркетинга и операционного менеджмента, который используют такие конкретные компании-пользователи франшизы как Voxel, Constant Contact, Divvy, Location3, Paychex, Scorpion или Zipwhip. По мнению авторов публикации именно «опробованные маркетинговые подходы, стратегии операционного менеджмента и развития, направленные на стремительный рост бизнеса, являются источником максимального раскрытия потенциала любого бренда, что и лежит в основе франчайзинговой деятельности» [5].

Общее направление рекомендаций Ассоциации франчайзинга сводится к приобретению следующих навыков ведения бизнеса, которым получатель франшизы собирается заниматься:

- непосредственное изучение самого бизнеса/сферы деятельности;

- составление планов продаж и их поступательного увеличения;
- расширение клиентской базы;
- получение постоянной обратной связи от своих клиентов;
- масштабирование бизнеса с учетом меняющихся потребностей своих клиентов;
- ценообразование особенно в ситуациях экономической рецессии либо чрезвычайных обстоятельств, как например, эпидемиологическая обстановка с распространением коронавирусной инфекции COVID-19;
- брендинг выпускаемой продукции либо предоставляемых услуг, т.к. условия получения франшизы, как правило, содержат большое количество положений об использовании бренда компании (собственника франшизы), ее логотипов, фирменных словесных выражений, сопроводительной маркетинговой и рекламной продукции;
- бюджетирование и предотвращение перерасхода имеющихся средств, т.к. недостаток опыта в данном вопросе может привести к печальным последствиям нехватки оборотных средств или даже банкротства после сдачи первых бухгалтерских отчетов и выявления фактов перерасходования. Одним из реальных и наиболее эффективных способов решения данной проблемы является наличие у компании корпоративной платежной карты, услуги по открытию которой в Республике Беларусь предоставляют многие банки, например, Минский Транзитный Банк, Белгазпромбанк, Альфа-Банк и др.
- грамотное, своевременное и аккуратное составление и ведение бухгалтерской отчетности;
- ведение маркетинговой деятельности, в которой политика бонусов, скидок и программ лояльности не должна приводить к выдаче «невозвратного кредита»;
- разработка кадровой и политики управления человеческими ресурсами (Human Resources Management), на принципы и ресурсы которой всегда можно положиться;
- работа со сторонними агентствами (outsourcing) в сфере рекламы, цифрового многоканального маркетинга, изучения рынка, планирования, анализа большого количества данных, организации массовых рассылок посредством смс-сервисов, социальных сетей и мобильных приложений или веб-сервисов для мгновенного обмена сообщениями.

В результате проведенного исследования имеющихся в открытом доступе материалов международных организаций и объединений можно сделать следующие выводы о регулировании комплексной предпринимательской деятельности (франчайзинга):

1) франчайзинг предполагает глубокое исследование рынка как со стороны владельца, так и потенциального пользователя франшизы для достижения своей главной цели – передачу и получение в распоряжение какого-либо объекта интеллектуальной собственности от пользующегося доверием бизнес-источника в профессионально подготовленную среду, желающих стать частью уже успешного бизнеса. Более того такое изучение на начальном этапе существенно минимизирует последствия плохой кредитной истории, слабой подготовки пользователей франшизы, неуместностью рынка сбыта, снижает репутационные риски и повышает уровень доверия обеих сторон;

2) в результате расширения бизнеса посредством передачи франшизы в рамках соглашения обязательно происходит создание новых рабочих мест не только в компании-пользователе, но и сторонних, связанных с ней, организациях. Таким образом, увеличивается количество потенциальных пользователей франшиз в будущем, что принесет большую прибыль конечному владельцу и может способствовать решению проблемы занятости в таком сегменте белорусского рынка труда как малое и среднее предпринимательство особенно в сельской, труднодоступной либо малонаселенной географической местности;

3) посредством получения франшизы в пользование, проведения грамотной маркетинговой политики, брендинга, а также рекламы на белорусском рынке могут появляться совершенно новые и очень востребованные товары и услуги в сфере консалтинга, печати и полиграфии, развития розничной торговли, гостиничного сервиса, национального туризма и общепита, садоводства, автомобильной промышленности и технического обслуживания, курьерской службы, сферы развлечений, спорта и отдыха.

Список источников

1. How to market your research [Electronic resource] / British Franchise Association. – Abingdon : Oxfordshire. – Mode of access: <https://www.thebfa.org/expert-advice/how-to-market-your-franchise/>. – Date of access: 29.07.2021.
2. Гурикбаль Сингх Дж. В хорошей компании. Вопросы интеллектуальной собственности во франчайзинге / Дж. Гурикбаль Сингх, Т. Наяккара. – Женева: Всемирная организация интеллектуальной собственности, 2019. – 91 с. – Серия «Интеллектуальная собственность для бизнеса» ; № 5.
3. Singh Jaiya, G. Managing trade secrets in a franchising agreements [Electronic resource] // World Intellectual Property Organisation, National Seminar on Intellectual Property and Development of the Franchising Sector in Pakistan. – Mode of access: https://www.wipo.int/meetings/en/doc_details.jsr?doc_id=90195. – Date of access: 06.08.2021.
4. Леонтьева, О.В. Франчайзинг : практическое пособие для предпринимателей / О.В. Леонтьева. – Минск: Программа развития ООН в Республике Беларусь; Минск : ООО «Альтиора Форте», 2018. – 46 с.
5. IFA 2021 Marketing, operations & development toolkit [Electronic resource] / International Franchise Association. - Washington, DC, 2021. – Mode of access: <https://mydigitalpublication.com/publication/?i=705819>. – Date of access: 29.07.2021.

А.А. Максуров

ЗАЩИТА ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ЗА РУБЕЖОМ: КООРДИНАЦИЯ ПОДХОДОВ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы защиты деловой репутации юридических лиц в развитых национальных правовых системах мира. Показаны особенности учета свойств деловой репутации как, с одной стороны, нематериального актива, и, как с другой стороны, результата интеллектуальной деятельности. В работе автор приходит к выводу о том, что в зарубежном праве, как доктрина, так и суды стремятся к согласованию этих свойств деловой репутации и рассматривают такое их сочетание как набор компонентов гудвилл, подлежащих судебной защите. В то же время, судебная защита в таком случае не может быть и абсолютной, с чем связаны и процессуальные особенности рассмотрения дел о защите деловой репутации, а также ее концепция как особого вида имущества.

Ключевые слова: деловая репутация, гудвилл, суд, иск, категории исков, ущерб, активы.

Роль деловой репутации в современном мире сложно переоценить. Знание деловой репутации товаропроизводителя или продавца способствует реализации потребительского выбора, продвижению товаров и услуг и, как следствие, развитию честной конкуренции и рыночной транспарентности. Коммерческая ценность такого свойства субъекта коммерческого оборота как деловая репутация год от года возрастает. Все большее число компаний рассматривают ее в числе ключевых корпоративных активов.

Эта отчетливо сформированная тенденция заставляет как представителей бизнес-сообщества, так и юристов уделять все большее внимание эффективной правовой охране данного объекта. В то же время остается значительным и число правовых конфликтов, связанных с деловой репутацией. Реализуются недобросовестные стратегии «пользования» чужой положительной деловой репутацией. Одновременно и обладатели деловой репутации все чаще пытаются «заработать» на предъявлении исков о защите деловой репутации, стараются с помощью норм об охране деловой репутации исключить конструктивную критику своей продукции, качества и уровня обслуживания потребителей. В связи с этим ученым и юристам-практикам принципиально важно, с одной стороны, усовершенствовать механизмы защиты правомерных интересов юридических лиц на деловую репутацию как приобретенное позитивное свойство, с другой - пресечь недобросовестные действия обладателей деловой репутации, направленные на сокрытие рыночных недостатков своей деятельности, влияющих на потребительский выбор.

Принципиальное значение для рыночной экономики имеют также вопросы распоряжения правами на деловую репутацию. Коль скоро деловая репутация стала ценным корпоративным активом, принципиально важно определить правила допуска к ней иных лиц.

В зарубежной юридической науке до настоящего времени не выработалась единой концепции деловой репутации юридических лиц, имеющей значительную специфику. Нет единства мнений относительно разновидностей правоотношений в сфере деловой репутации. Не определены алгоритмы осуществления и защиты гражданских прав в области деловой репутации. Рассмотрение указанных проблем требует научного анализа.

По результатам анализа зарубежной гражданско-правовой доктрины полагаем, что сравнительный анализ вопросов защиты деловой репутации в России и за рубежом возможен по следующим основным направлениям.

С точки зрения *доктрины* большинство зарубежных национальных правовых порядков в теории защиты деловой репутации юридических лиц исходит из категории «гудвилл» [1, с. 171]. В отличие от российского и белорусского права, где институты деловой репутации юридического лица, товарного знака, фирменного наименования, доменного имени, наименования места происхождения товара (работы, услуги) и иные результаты интеллектуальной деятельности разделены по механизму своего регулирования, за рубежом категория «гудвилл» включает в себя множество компонентов и том числе деловую репутацию, а также как связанные с нею (бренды, уровень доверия клиентов, связи с органами власти и прочие элементы публичности), так и не прямо не взаимодействующие (наличие секретов производства, гармоничный творческий коллектив, эффективное руководство и проч.) элементы.

С одной стороны, это с очевидностью упрощает правовое регулирование в рассматриваемой сфере, позволяет обеспечить комплексную защиту нарушенных прав и охраняемых законом интересов. Это экономит меры государственно-властного принуждения, позволяет быстрее и эффективнее защищать нарушенные права, сразу же запускать весь предусмотренный законом механизм судебной защиты.

С другой стороны, такой подход не позволяет осуществить «точечное» правовое регулирование и очень многие вопросы, причем не только в англо-саксонской, но и в романо-германской (континентальной) правовой семье, отдаются «на откуп» судебным инстанциям, что не способствует правовой определенности участников гражданского оборота.

В целом, большинство правовых порядков развитых стран не создает в нормативных правовых актах четкого перечня компонентов «гудвилл», предполагая данную категорию гибкой и изменчивой, очень зависящий от влияния рынка. Хотя сам термин «гудвилл» родом из англо-саксонской правовой семьи, аналоги этого англоязычного термина присутствуют в праве и экономической теории многих европейских стран в виде "achallandage" (Франция), "Unternehmensmehrwert" (Германия) и "avviamento" (Италия).

Другой особенностью гражданско-правовой доктрины защиты деловой репутации юридических лиц за рубежом является применение (иногда, одновременно в рамках одной национальной правовой системы) различных подходов к категории «гудвилл».

Выше мы уже указывали на два основных подхода: когда «гудвилл» рассматривается в качестве имущества и когда «гудвилл» – это совокупность компонентов. Поскольку в нормативно-правовых актах четкого определения «гудвилл»,

как правило, не имеется, то большинство вопросов решается судебной практикой. При этом налицо приоритет понимания «гудвилл» как некоего имеющего имущественные характеристики блага.

Толкование «гудвилл» в качестве имущества основано на трудах экономистов, а также на практике Европейского Суда по правам человека, считающего «гудвилл» в целом и по компонентам – имуществом. Для этого имущества с точки зрения доктрины и законодательства характерно следующее.

Во-первых, «гудвилл» – это ценность с точки зрения теории частных прав. Это некоторое преимущество, которое предоставляется субъекту гражданского оборота.

Во-вторых, «гудвилл» – это нематериальный актив в понимании ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции по правам человека [2, с. 13]. Поэтому, в частности, данный актив и не может рассматриваться в качестве вещи как объекта права собственности.

В-третьих, выступая в качестве нематериального актива, «гудвилл» имеет более сложную, чем некоторые иные нематериальные активы природу. Например, хотя «гудвилл» как нематериальный объект не может передаваться от одного субъекта рынка к другому, однако в ряде случаев может иметь место переход субъективных гражданских прав на отдельные составляющие «гудвилл». При этом, часть компонентов «гудвилл» уже сама по себе очевидно способна к переходу (право на товарный знак, на фирменное наименование, ноу-хау и т.п.), а часть – явно передаче не подлежит, как, например, эффективный менеджмент и сформировавшееся положительное общественное мнение по поводу продукции компании, столь тесно связанные с конкретным бизнесом коммерсанта, что не могут существовать от него отдельно [3, с. 556].

Не будет ошибкой, если указать, что в настоящее время в судебной практике других стран также существует два основных подхода к защите деловой репутации юридических лиц.

Для первого подхода характерно рассмотрение деловой репутации как основы «гудвилл» в виде некоторой характеристики предпринимательской деятельности, осуществляемой конкретной компанией (юридическим лицом) или предпринимателем. То есть, это – позитивное свойство бизнеса, позволяющее в наиболее полной мере учитывать потребительские предпочтения [4], лояльность потребителя не только к товару (работе, услуге), но и к самой компании [5].

Такого рода дела обычно предполагают, что крупного ущерба от дискредитации компании для бизнеса не было, однако распространение неких сведений о компании или совершение действий, направленных на умаление ее деловой репутации, создают сложности для текущей деятельности компании, причем эти сложности трудно оценить в денежной форме. То есть, по таким делам суды решают вопрос о запрете дискредитации и обязанности опровергнуть порочащие компанию сведения, по сути, о восстановлении «доброго имени» компании без взыскания какого-либо ущерба (кроме судебных расходов), по ряду причин. Во-первых, по таким делам ущерб обычно непросто подсчитать. Во-вторых, сложно обосновать, так как обычно к неблагоприятному для фирмы исходу, например, в рамках переговоров о заключении контракта и т.п. одновременно могут привести различные факторы (цена вопроса, наличие у фирмы сети дистрибуции

и проч.) или их совокупности, а не только (и не столько) лишь порча деловой репутации; то есть, доказывание причинной связи между чьими-либо действиями и причиненным в результате таких действий ущербом не всегда возможно. Наконец, в-третьих, ущерба как такового может и не быть, хотя вполне может иметь место ситуация возможности получения компанией ущерба в будущем – именно эту возможность и следует предотвратить (минимизировать), опровергнув порочащие деловую репутацию сведения сегодня.

Интересно, что в этом случае с процессуальной точки зрения возможно лишь последовательное возбуждение двух процессов: в первом процессе при отсутствии ущерба, но наличии действий по дискредитации деловой репутации, происходит «восстановление» деловой репутации путем опровержения определенных сведений и даже изъятием их из информационного поля («право на забвение»); если же в будущем, после первого процесса, компания претерпела материальные трудности вследствие дискредитации, то возбуждается второй процесс, где встают вопросы о доказывании 1) ущерба в конкретном размере и 2) причинной связи между ущербом и действиями нарушителя, а сама порочность (противоправность) действий ответчика уже является преюдициально установленной – установленной в рамках рассмотрения первого дела.

Второй подход, как мы отмечали выше, предполагает многокомпонентность «гудвилл», где оценивается не только лишь деловая репутация, но и «личность собственников, природа и характер бизнеса, месторасположение, влияние на современный рынок и социально-экономический климат» [6].

В практике зарубежных судов возникает вопрос, как рассчитать размер фактически причиненного ущерба при распространении, например, недостоверных сведений о компании, порочащих ее деловую репутацию. Он решается различными способами, не все из которых возможны к восприятию отечественным законодателем, однако существуют и вполне пригодные для имплементации механизмы.

Так, по нашему мнению, расчет может быть произведен следующим образом: за основу берется уменьшение рыночной доли (прибыли) после дискредитации (отток покупателей-клиентов), но при отсутствии других факторов-причин уменьшения доли рынка (сокращения прибыли). Бремя доказывания должно распределяться так: истец-потерпевший доказывает уменьшение доли рынка (прибыли) и т.п., а на ответчике-нарушителе лежит обязанность доказать, что уменьшение рыночной доли (прибыли) потерпевшего вызвано иными, не связанными с дискредитацией, факторами, в противном же случае презюмируется, что уменьшение доли рынка (прибыли) вызвано именно дискредитацией.

Несколько слов следует сказать и о позитивных особенностях гражданского процессуального права других стран, возможных к учету в будущем и отечественным законодателем.

В частности, гражданский процесс Австрии предусматривает возможность обращения в суд с исками о защите деловой репутации юридического лица в рамках альтернативной подсудности: как по месту нахождения самого ответчика, так и по месту нахождения его конкретных предприятий, подразделений, управленческих органов и проч. [7, с. 152].

Во Франции таким образом указывается на подсудность по месту нахождения «главных вокзалов» - данный термин включает в себя даже представителей юридического лица, например, журналистов, допустивших дискредитацию

деловой репутации, однако, возможна и альтернатива: подсудность по месту причинения вреда. В Германии в качестве альтернативы указывается на возможную подсудность по месту причинения вреда. В Швейцарии альтернативная подсудность возможна «по связи дел», однако, важное значение здесь имеет имущественный характер требований: если потерпевшее юридическое лицо требует только лишь опровержения распространенных сведений, порочащих его деловую репутацию, то данное правило не применяется. В Греции для данной категории исков не сделано исключений и предусмотрена общая подсудность, однако, если речь идет о совершении уголовно наказуемой дискредитации юридического лица, то вступает в действие правило об альтернативной подсудности: такой иск может быть рассмотрен также и по месту совершения преступления. В Испании деликтные иски такого рода рассматриваются не только по месту domicilia ответчика, но и по месту причинения вреда и даже по месту хранения экземпляров, содержащих клеветническую информацию в отношении юридического лица – потерпевшего. В Италии для данной категории исков установлена лишь общая подсудность. В Великобритании споры такого рода относятся к совместной компетенции судов графств и Высокого суда с установлением общего правила подсудности по месту нахождения ответчика.

В США такие иски могут рассматриваться с учетом правил альтернативной подсудности (по месту нахождения ответчика или по месту совершения деликта) различными федеральными судами, исходя из особых критериев (цена иска и проч.). Вообще, для американского законодателя в последние десятилетия характерны как расширение сферы применения деликтов, так и постепенное переложение большинства подлежащих доказыванию фактов на ответчика [8, с. 338].

Таким образом, мы полагаем верным применение зарубежным законодателем правил об альтернативной подсудности и считаем, что и в арбитражном процессуальном праве как Российской Федерации, так и Республики Беларусь должны быть установлены максимально широкие правила определения истцом подсудности при обращении в суд о защите деловой репутации: помимо общего правила о месте нахождения ответчика (его представительства или филиала), можно говорить и о возможности рассмотрения судом такого рода спора по месту нахождения истца, по месту совершения деликта и по месту нахождения материалов, содержащих дискредитирующие юридическое лицо сведения.

Отдельное стоит остановиться на позиции Европейского Суда по правам человека, который, с одной стороны, при рассмотрении случаев дискредитации юридического лица постоянно акцентирует вопрос на нарушении прав на имущество в смысле Конвенции о правах человека (не сводя эти имущественные права к праву собственности в узком смысле слова), а с другой стороны, рассматривая деловую репутацию (или, скорее, «гудвилл») максимально широко.

То есть, Европейский Суд по правам человека относится к деловой репутации как к имуществу, то есть как к некоей характеристике, свойству юридического лица, которые сами по себе способны генерировать некоторый доход, поэтому и имеют ярко выраженную имущественно-стоимостную окраску [9], [10], [11].

В частности, из изученных судебных актов следует, что Европейский Суд по правам человека относит деловую репутацию к «собственности» [12], [13], но не как вещь (обособленный предмет материального мира), а как иной актив,

обладающий экономической ценностью. Указанное обстоятельство, в свою очередь, предполагает и особые способы защиты деловой репутации как прав стороны в отношении собственности [14, с. 78].

Анализ судебных актов Европейского суда по правам человека свидетельствует о необыкновенно широком понимании Судом как самой деловой репутации или, что чаще, «гудвилл», так и возможных способов и форм ее дискредитации [15].

Между тем, решения Суда по данной категории дел при установлении им фактов нарушения положений Конвенции далеко не очевидны.

Так, Европейский Суд по правам человека, безусловно, ориентируясь на просительную часть поступающих в суд по данным вопросам заявлений (жалоб) [16, с. 20], однако избегает делать выводы как о порочности распространенных сведений, так и о размере причиненного ущерба, полагая, что это – дело национальных судебных систем [17, с. 44].

Чаще всего, Суд указывает, что национальная судебная система была «не на высоте», все обстоятельства дела должным образом в ее рамках не исследованы и права заявителя нарушены, в связи с чем последний имеет право на компенсацию [18, с. 29].

Таким образом, Суд (в этом контексте мы рассматриваем только лишь случаи удовлетворения заявленных требований) устанавливает следующие обстоятельства: 1) имела место дискредитация деловой репутации, понимаемой максимально широко (какой именно элемент «гудвилл» пострадал от неправомерного посягательства Суд указывает в решении), 2) конкретные действия нарушителя (какие именно, указывается в решении) привели к умалению деловой репутации и 3) права заявителя при рассмотрении его дела национальным судом нарушены, подлежат восстановлению в рамках национального правопорядка, а самому заявителю присуждается компенсация.

Ущерб же или потенциальная угроза причинения ущерба предполагается, поскольку любое умаление деловой репутации уже является вредом юридическому лицу, установление точного размера которого (иногда Суд в решении просто указывает сумму ущерба, заявленную подателем жалобы в качестве исходной для национального судебного исследования) интересует Суд уже в гораздо меньшей степени [19, с. 7-8].

Существенным вопросом в такой ситуации будет то обстоятельство, должна ли российская судебная система при повторном рассмотрении дела (возврате к рассмотрению дела) однозначно учитывать как безусловный факт установление Европейским Судом по правам человека случая дискредитации деловой репутации юридического лица как деликта конкретными действиями делинквента. Мы полагаем, что это именно так, тем более, что сумма причиненного компании ущерба посягательством на ее деловую репутацию Судом, как правило, не предрешается [20, с. 34].

По результатам исследования полагаем зарубежный опыт рассмотрения дел о защите деловой репутации юридических лиц во многих аспектах полезным для российского и белорусского законодателя.

В частности, в отличие от российского и белорусского права, где институты деловой репутации юридического лица, товарного знака, фирменного наименования, доменного имени, наименования места происхождения товара (работы,

услуги) и иные результаты интеллектуальной деятельности разделены по механизму своего регулирования, за рубежом категория «гудвилл» включает в себя множество компонентов и том числе деловую репутацию, а также как связанные с нею (бренды, уровень доверия клиентов, связи с органами власти и прочие элементы публичности), так и не прямо не взаимодействующие (наличие секретов производства, гармоничный творческий коллектив, эффективное руководство и проч.) элементы.

Такого рода подход имеет как позитивные, так и негативные черты. Пока, по нашему мнению, он не может быть воспринят национальной правовой системой.

Другой особенностью гражданско-правовой доктрины защиты деловой репутации юридических лиц за рубежом является применение (иногда, одновременно в рамках одной национальной правовой системы) различных подходов к категории «гудвилл».

То же самое наблюдается и в зарубежной судебной практике.

Как правило, с процессуальной точки зрения возможно лишь последовательное возбуждение двух процессов: в первом процессе при отсутствии ущерба, но наличии действий по дискредитации деловой репутации, происходит «восстановление» деловой репутации путем опровержения определенных сведений и даже изъятием их из информационного поля («право на забвение»); если же в будущем, после первого процесса, компания претерпела материальные трудности вследствие дискредитации, то возбуждается второй процесс, где встают вопросы о доказывании 1) ущерба в конкретном размере и 2) причинной связи между ущербом и действиями нарушителя, а сама порочность (противоправность) действий ответчика уже является преюдициально установленной – установленной в рамках рассмотрения первого дела. Этот подход характерен и для белорусского и российского права.

По нашему мнению, расчет может быть произведен следующим образом: за основу берется уменьшение рыночной доли (прибыли) после дискредитации (отток покупателей-клиентов), но при отсутствии других факторов-причин уменьшения доли рынка (сокращения прибыли). Бремя доказывания должно распределяться так: истец-потерпевший доказывает уменьшение доли рынка (прибыли) и т.п., а на ответчике-нарушителе лежит обязанность доказать, что уменьшение рыночной доли (прибыли) потерпевшего вызвано иными, не связанными с дискредитацией, факторами, в противном же случае презюмируется, что уменьшение доли рынка (прибыли) вызвано именно дискредитацией.

Мы полагаем верным применение зарубежным законодателем правил об альтернативной подсудности и считаем, что и в арбитражном процессуальном праве Российской Федерации и Республики Беларусь должны быть установлены максимально широкие правила определения истцом подсудности при обращении в суд о защите деловой репутации: помимо общего правила о месте нахождения ответчика (его представительства или филиала), можно говорить и о возможности рассмотрения судом такого рода спора по месту нахождения истца, по месту совершения деликта и по месту нахождения материалов, содержащих дискредитирующие юридическое лицо сведения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Максуров, А.А. Проблемы защиты деловой репутации юридических лиц в России и за рубежом / А.А. Максуров. – Mauritius: Palmarium Academic Publishing, 2021. – 180 с.
2. Buzescu v. Romania, judgment of 24 May 2005. § 80. See also Van Marle and Others v. the Netherlands, judgment of 26 June 1986. – Series A. – № 101. – P.13–21.
3. Rogers, E.S. Comments on the Modern Law of Unfair Trade / E.S. Rogers // Illinois Law Review. – 1909. – № 3. – P. 551–558.
4. Comm'rs of Inland Revenue v. Muller & Co's Margarine, Ltd. [1901]. A.C. 217, 223; A. Bourjois & Co. v. Katzel, 260 U.S. 689 (1923); McCarthy J.T. McCarthy on Trademarks and Unfair Competition. 2004. – 340 p.
5. Cruttwell v. Lye, 34 Eng. Rep. 129, 134 (1810); Dodge Stationery Co v. Dodge, 78. – P. 879–882.
6. CIT v. B.C. Srinivasa Setty (SC) Supreme Court Decision dt.19-02-1981. 128 ITR 294 (SC). 21 CTR 138 (SC).
7. Елисеев, Н.Г. Гражданское процессуальное право зарубежных стран. / Н.Г. Елисеев. – Москва: Проспект, 2014. – 780 с.
8. Основные институты гражданского права зарубежных стран / В.В. Залесский [и др.]; Норма; под общ. ред. В.В. Залесского. – Москва, 2019. – 580 с.
9. Makarova v. Russia; N 7023/03: постановление Европейского суда по правам человека от 24.02.2005 по делу "Макарова против России" // СПС "Консультант Плюс".
10. Plotnikovy v. Russia; N 43883/02: постановление Европейского суда по правам человека от 24.02.2005 по делу "Плотниковы против России" // СПС "Консультант Плюс".
11. Teteriny v. Russia; N 11931/03: постановление Европейского суда по правам человека от 30.06.2005 по делу "Тетерины против России" // СПС "Консультант Плюс".
12. Дело Европейского суда по правам человека "Ван Марле и другие против Нидерландов" (Van Marle and Others v. Netherlands, N 8543/79) // СПС "Консультант Плюс".
13. Дело Европейского суда по правам человека "Бузеску против Румынии" (Buzescu v. Romania, N 61302/00) // СПС "Консультант Плюс".
14. Максуров, А.А. Защита права собственности в Европейском Суде по правам человека / А.А. Максуров. – М.: Инфра-М, 2012. – 344 с.
15. Malinovskiy v. Russia; N 41302/02: постановление Европейского суда по правам человека от 07.07.2005 по делу "Малиновский против России" // СПС "Консультант Плюс".
16. Максуров, А.А. Обращения в Европейский Суд по правам человека по вопросам защиты права собственности: методы исследования / А.А. Максуров // Вопросы экономики и права. – 2010. – № 4. – С. 18–21.
17. Максуров, А.А. Защита права собственности как международная обязанность Российского государства / А.А. Максуров // Юридический академический журнал. – 2006. – № 4 (26) (октябрь-декабрь). – С. 43–49.
18. Максуров, А.А. Защита права собственности в Европейском Суде: теоретические основы / А.А. Максуров // Законодательство и экономика. – 2010. – № 9. – С. 28–33.
19. Максуров, А.А. Проблемы действия решений Европейского Суда по правам человека в Российской Федерации / А.А. Максуров // Налоги. – 2010. – № 34. – С. 7–8.
20. Максуров, А.А. Проблемы обязательности учета позиции Европейского суда по правам человека в правоприменительной практике в Российской Федерации / А.А. Максуров // Адвокат. – 2010. – № 9. – С. 32–38.

Ю.В. Нечепуренко

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

***Аннотация.** Выполнен сопоставительный анализ основных трендов интеллектуализации мировой экономики и экономики Республики Беларусь, который показал, что по многим показателям эти тренды не совпадают. Сделан вывод, что интеллектуальная собственность не стала драйвером развития национальной экономики. Выявлены основные проблемы института интеллектуальной собственности на современном этапе, сдерживающие ускоренное развитие социально-экономического развития страны, что требует принятие дополнительных мер по разработке новых бизнес-моделей и стратегий управления интеллектуальными ресурсами на национальном и корпоративном уровнях. На основании проведенного исследования сформулированы приоритетные направления совершенствования института интеллектуальной собственности в Республике Беларусь.*

***Ключевые слова:** интеллектуальная собственность, институт интеллектуальной собственности, интеллектуализация экономики, инфраструктура, коммерциализация, подготовка кадров, проблемы и решения, Республика Беларусь.*

В Республике Беларусь на уровне государственного и корпоративного управления признается определяющая роль интеллектуальной собственности (ИС) в социально-экономическом развитии общества. Для этого создано законодательство, в целом соответствующее мировым стандартам [1]. Однако экономическое развитие страны в последние годы показывает, что ИС не стала драйвером развития национальной экономики [2]. В статье анализируются основные проблемы в сфере ИС, на основании которых формулируются направления совершенствования института интеллектуальной собственности в Республике Беларусь.

Преобладающим трендом современной экономики является ее интеллектуализация, характеризующаяся следующими основными признаками, описанными в работе [2].

1. Темпы прироста количества объектов интеллектуальной собственности превышают темпы прироста ВВП. По данным Всемирного банка в период 2010–2019 гг. прирост ВВП мировой экономики изменялся в пределах 2,6–4,5%, в то время как согласно статистике Всемирной организации интеллектуальной собственности годовые темпы прироста заявок на изобретения достигали 9,2%, на полезные модели – 34,7%, на промышленные образцы – 19,4%, на товарные знаки – 30,2%.

2. Увеличение доли нематериальных активов (НМА) в мировом ВВП и в рыночной стоимости ведущих корпораций мира. В структуре НМА стоимость прав на результаты научно-технической деятельности (НТД) и объекты интеллектуальной собственности составляет, как правило, порядка 90%. Поэтому

их изменение в абсолютном и относительном выражении является важным индикатором экономического развития национальных экономик и отдельных организаций (предприятий).

Оценки макроэкономического вклада нематериального капитала в производство показывают, что в период 2000–2014 гг. доля НМА в мире составляла в среднем 30,4%, что почти в два раза больше доли материального капитала. В последующие годы она изменялась незначительно, а мировая стоимость НМА на начало 2021 г. оценивалась порядка 75 трлн долларов США [3, с. 16].

Аналогичные тенденции наблюдались и для транснациональных корпораций и высокотехнологичных компаний. Для 500 компаний, имеющих наибольшую капитализацию в настоящее время (компании S&P 500), нематериальные активы более чем в пять раз превышают их материальные активы. В период с 1975 по 2020 годы доля нематериальных активов S&P 500 увеличилась с 17% до 90% [4].

Доля НМА в активах предприятий промышленного сектора Беларуси в 2001–2004 гг. составляла всего 0,16–0,27%. Несмотря на предпринятые в последние годы усилия, доля НМА в общих активах предприятий остается незначительной и составляет порядка одного процента. Поэтому не случайно в Глобальном инновационном индексе 2021 г. по показателю НМА Беларусь занимала 129 место [5, с. 52].

3. Влияние интеллектуальной собственности на развитие производства и экспорта высокотехнологичного сектора товаров и услуг. Основа наукоемких рынков включает в себя электронную и аэрокосмическую промышленность, вычислительную и оргтехнику, nanoиндустрию, фармацевтику, биотехнологии, программное обеспечение, телекоммуникации, роботостроение, производство и переработку газа, информационные услуги и др. По данным Национального центра интеллектуальной собственности количество поданных по национальной процедуре в 2016–2020 гг. заявок на изобретения, относящихся к V и VI технологическим укладам, варьировалось в пределах от 41 до 70 в год, что явно недостаточно, хотя их доля в общем количестве заявок составила от 9% до 23,5% [6, с. 28].

4. Интеллектуальная собственность является основой цифровой трансформации экономики. Для реализации цифровой трансформации экономики необходимо развитие программного обеспечения, которое относится к объектам авторского права, и наличие программно-аппаратных комплексов (систем), базирующихся на патентах на изобретения в сфере ИКТ.

В Республике Беларусь объемы и удельный вес заключенных договоров на право использования компьютерных программ в общем числе договоров о предоставлении права использования результатов интеллектуальной деятельности в период с 2013 г. до 2019 г. росли, однако с 2020 г. этот показатель в национальной статистической отчетности был исключен. Что же касается патентов на изобретения, выданных национальным заявителям в сфере ИКТ, то их количество уменьшилось с 61 в 2013 г. до 9 – в 2020 г. Соответственно, падал и их удельный вес в общем количестве выданных национальных патентов на изобретения [6, с. 28].

5. Темпы роста платежей и сборов за использование интеллектуальной собственности превышают темпы роста мирового ВВП. Как следует из результатов исследования, описанных в [2], динамика изменения объемов

мировой торговли объектами ИС к предыдущему году, темпы роста платежей и сборов за использование ИС в период 2010–2019 гг. были выше темпов роста мировой экономики. Для Республики Беларусь такая тенденция в явном виде не прослеживается.

6. Расширение сферы использования индикаторов интеллектуальной собственности для оценки эффективности научно-технической и инновационной деятельности на национальном, региональном и корпоративном уровнях. За последние 20 лет в международных сравнениях были использованы более 200 различных индикаторов ИС, причем наблюдается тренд к расширению использования нормированных показателей для стран и фирм в части подачи заявок на объекты права промышленной собственности по международной процедуре (РСТ, Мадридская процедура, Триады заявок, семейств патентов-аналогов), а также в сфере высоких технологий (аэрокосмическая отрасль, ИКТ, биотехнологии, фармацевтика, нанотехнологии, технологии с области охраны окружающей среды) [7; 8, с. 56-72].

В настоящее время для оценки эффективности научно-технической и инновационной деятельности в Республике Беларусь индикаторы ИС активно не используются. Так, их нет в основных показателях деятельности организаций, выполнявших исследования и разработки, а также в перечне индикаторов, характеризующих инновационную деятельность в Республике Беларусь, и в системе показателей оценки уровня технологического развития отраслей экономики.

Ранее нами была установлена корреляции между уровнем затрат на исследования и разработки, изобретательской и патентной активностью и конкурентоспособностью, которая проявляется как на национальном, так и на корпоративном уровнях [9, с. 24]. Как следует из Аналитического доклада «О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2020 года», в период 1990-2020 гг. наукоемкость ВВП и количество исследователей в расчете на 10 тыс. населения в нашей стране уменьшились в 3,8 раза [10, с. 25-26]. В результате, количество заявок на изобретения, выданных национальным заявителям по национальной и региональной (евразийской) процедурам в 2010-2020 гг. уменьшилось в 4,4 раза, а патентов – в 2,5 раза (рисунок).

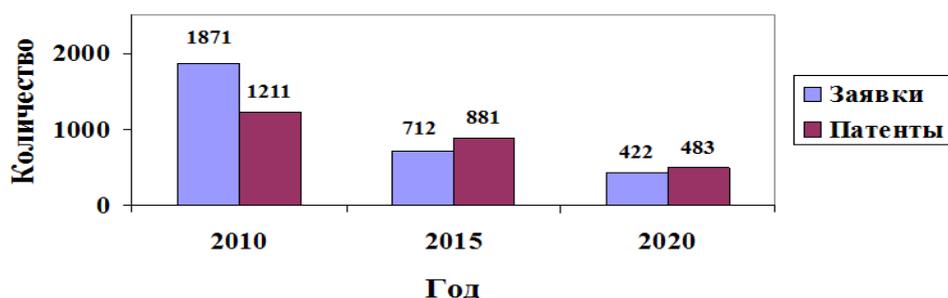

Рисунок. – Количество поданных национальными заявителями заявок и выданных по ним патентов на изобретения в 2010-2020 гг.

Источник: составлено автором на основе данных годовых отчетов и баз данных Национального центра интеллектуальной собственности и Евразийской патентной организации [11-14].

Существуют значительные проблемы, связанные с коммерциализацией объектов ИС. Проведенные исследования показали, что доля лицензионных договоров о предоставлении права использования изобретений, зарегистрированных

в национальном патентном ведомстве, составляет всего 3,6%, а договоров уступки патентов на изобретения – 2,4%. Для полезных моделей эти значения составляют 1,8% и 0,8%, для промышленных образцов – 0,6% и 0,6%, а для сортов растений – 3,1 и 0,1% соответственно. В Российской Федерации – основном торговом партнере Республики Беларусь, доля лицензионных и сублицензионных договоров о предоставлении права использования изобретений, зарегистрированных в Роспатенте, была 7,1%, полезных моделей – 5,4%, промышленных образцов – 0,6% и сортов растений – 18,0% [6, с. 118, 127]. Основные объемы торговли приходятся на товарные знаки.

Среди имеющихся проблем института интеллектуальной собственности, сдерживающих развитие национальной экономики, можно выделить следующие.

1. Существует разрыв между действующим законодательством в сфере ИС и применением его в практической деятельности, что в значительной мере связано с отсутствием в организациях (на предприятиях) четко выработанной стратегии продвижения своей продукции, базирующейся на объектах ИС, на рынок в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе. Это является сдерживающим фактором для повышения ее конкурентоспособности.

2. Отсутствие развитой инфраструктуры сфере ИС, которая является неотъемлемой составной частью инновационной инфраструктуры. Она в значительной степени определяет эффективность коммерциализации результатов научно-технической деятельности, базирующихся на объектах ИС, и в конечном счете играет ключевую роль в повышении конкурентоспособности организаций (предприятий).

На стадии обеспечения правовой охраны объектов ИС в Беларуси очень мало специалистов в IT-сфере и патентных поверенных, имеющих базовое техническое или естественнонаучное образование, что затрудняет подготовку качественных заявок на выдачу патентов на изобретения на уровне РСТ и в высокотехнологических областях.

Низкая эффективность функционирования элементов инфраструктуры, ответственных за коммерциализацию результатов научно-технической деятельности, обусловлена, прежде всего, слабым менеджментом, нерешенностью вопроса об источниках их финансирования на различных уровнях управления инновационным процессом, а также отсутствием критической массы работающих в этих структурах высококвалифицированных специалистов.

3. Отсутствие в Республике Беларусь эффективной системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров в сфере бизнес-образования, включая управление ИС, и как следствие, недостаточное количество менеджеров, способных работать в реальных экономических условиях. Результатом является наблюдающееся в последние годы падение активности в изобретательской сфере, что нашло отражение в ухудшении позиции Республики Беларусь в Глобальном инновационном индексе.

К первоочередным направлениям совершенствования института интеллектуальной собственности на современном этапе можно отнести следующие:

– гармонизация законодательства в сфере ИС в рамках региональных процедур, прежде всего государств ЕАЭС, что позволит более эффективно осуществлять правовую охрану результатов НТД и их коммерциализацию;

- совершенствование правоприменительной практики через доведение до всеобщего сведения положительного опыта в сфере ИС путем проведения семинаров, конференций, публикации материалов в научно-популярных изданиях и различных средствах массовой информации;

- развитие инфраструктуры в сфере ИС, прежде всего, путем совершенствования на предприятиях, в научных организациях и в университетах инфраструктуры коммерциализации результатов научно-технической деятельности, включая объекты ИС, определив основные показатели их деятельности и источники финансирования, а также создания таких подразделений при их отсутствии;

- совершенствование системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров в сфере бизнес-образования, для чего целесообразно разработать и поэтапно реализовать совместно с бизнес-сообществом, имеющим успешный опыт в реализации инновационных проектов, национальную систему бизнес-образования для инновационной сферы, включая управление интеллектуальной собственностью;

- введение государственного заказа в рамках Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на переподготовку специалистов на базе высшего образования и повышение квалификации специалистов и руководящих работников в сфере ИС; расширение целевой подготовки в аспирантуре и докторантуре по юридическим и экономическим специальностям в области ИС и др.

Несмотря на признание решающей роли интеллектуальной собственности в социально-экономическом развитии общества, сопоставительный анализ интеллектуализации мировой экономики и экономики Республики Беларусь показал, что по многим показателям эти тренды не совпадают. Это касается: темпов роста создаваемых объектов ИС; стоимости прав на результаты НИД в качестве нематериальных активов, их доли во внутреннем валовом продукте страны и в рыночной стоимости ведущих предприятий производственного сектора; доли и количества патентов на изобретения в высокотехнологичном секторе страны, включая ИКТ; использования индикаторов ИС для оценки эффективности научно-технической и инновационной деятельности на национальном, региональном и корпоративном уровнях и др.

Выявлены основные проблемы в сфере ИС, сдерживающие ускоренное развитие национальной экономики на базе новейших научно-технических достижений, что требует принятия дополнительных мер по усилению влияния интеллектуальной собственности на экономическое развитие страны.

На основании проведенного исследования сформулированы приоритетные направления совершенствования института интеллектуальной собственности в Республике Беларусь в части гармонизация законодательства в сфере ИС в рамках региональных процедур на Евразийском экономическом пространстве, расширения правоприменительной практики, дальнейшего развития инновационной инфраструктуры в области ИС и совершенствования системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров в сфере бизнес-образования.

Реализация комплекса предлагаемых мер позволит Республике Беларусь направить дополнительные усилия на дальнейшее развитие института интеллектуальной собственности, обеспечив его необходимыми кадрами по различным направлениям деятельности для решения социально-экономических задач, стоящих перед страной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Национальный центр интеллектуальной собственности: Законодательство [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ncip.by/zakonodatelstvo/> (дата обращения: 12.07.2022).
2. Нечепуренко, Ю.В. Республика Беларусь в контексте мировых тенденций интеллектуализации экономики / Ю.В. Нечепуренко // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. Вып. 15. – Минск : БГЭУ, 2022. – С. 327-334.
3. 2021 Global Intangible Finance Tracker report [Electronic resource]. – URL: <https://brandirectory.com/download-report/brand-finance-gift-2021.pdf> (дата обращения: 12.07.2022).
4. VISUAL CAPITALIST : The Soaring Value of Intangible Assets in the S&P 500 [Electronic resource]. – URL: <https://www.visualcapitalist.com/the-soaring-value-of-intangible-assets-in-the-sp-500/> (дата обращения: 12.07.2022).
5. World Intellectual Property Organization : The Global Innovation Index 2021 [Electronic resource]. – URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/en/2021/ (дата обращения: 12.07.2022).
6. Нечепуренко, Ю.В. Рынок объектов промышленной собственности, созданных в Республике Беларусь / Ю.В. Нечепуренко. – Минск: БГУ, 2022. – 147 с.
7. Нечепуренко, Ю. Индикаторы интеллектуальной собственности для оценки эффективности научно-технической и инновационной деятельности / Ю.В. Нечепуренко // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2015. – № 4. – С. 68-76.
8. Кудашов, В.И. Оценка и коммерциализация результатов интеллектуальной деятельности / В.И. Кудашов, Ю.В. Нечепуренко, Л.Ю. Пшебельская. – Минск: Амалфея, 2017. – 308 с.
9. Кудашов, В.И. Интеллектуальная собственность: экономические и организационно-правовые механизмы управления: монография / В.И. Кудашов, Ю.В. Нечепуренко. – Минск: Амалфея–Мисанта, 2013. – 192 с.
10. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2020 года: Аналитический доклад / Под ред. А.Г. Шумилина, В.Г. Гусакова. – Мн.: ГУ «БелИСА», 2021. – 372 с.
11. Национальный центр интеллектуальной собственности : Годовые отчеты [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ncip.by/izdaniya-i-publikatsii/godovoy-otchet> (дата обращения: 13.07.2022).
12. Национальный центр интеллектуальной собственности : Базы данных объектов промышленной собственности [Электронный ресурс]. – URL: <http://search.ncip.by/database/index.php?pref=inv&lng=ru&page=1> (дата обращения: 13.07.2022).
13. Евразийская патентная организация : Годовые отчеты [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.eapo.org/ru/?publs=reports> (дата обращения: 13.07.2022).
14. Евразийская патентная организация : Реестр евразийских патентов [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.eapo.org/ru/?patents=reestr> (дата обращения: 13.07.2022).

А.В. Пашкова

КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СПОРТИВНОЙ СФЕРЕ

***Аннотация.** Спорт в настоящий момент является реальным доходом, источником которого выступают объекты интеллектуальной собственности. Автор рассматривает взаимосвязь интеллектуальной собственности и спорта. В данной работе рассмотрены объекты интеллектуальной собственности в спортивной сфере, которые могут использоваться в коммерческих целях. Интеллектуальная собственность составляет важную часть спортивной сферы. Для лучшего понимания приведены примеры различных объектов интеллектуальной собственности, которые используются в спортивной сфере.*

***Ключевые слова:** коммерциализация, интеллектуальная собственность, спортивное право, объекты интеллектуальной собственности*

В современных условиях ведения бизнеса, важную роль и значение занимает коммерциализация объектов интеллектуальной собственности, поскольку это способствует дополнительному доходу компании и повышает ее ценность на рынке. Бесспорно, результаты интеллектуальной деятельности человека приносят доход, а также могут выступать предметом сделки [1].

Под коммерциализацией интеллектуальной собственности можно понимать следующее – это общественные отношения, которые складываются по поводу вовлечения результатов интеллектуального труда в хозяйственный оборот [2].

Одним из важных условий успешной коммерциализации объектов интеллектуальной собственности является грамотно построенная маркетинговая система. Поскольку структура маркетинговой службы, начиная от инновационного менеджмента до сбыта должна отвечать стратегии компании. Цели компании могут быть следующими: выход на новый рынок, разработка и эффективное внедрение результатов интеллектуальной деятельности, что также может повысить узнаваемость компании на рынке.

Коммерциализацию можно рассматривать как процесс преобразования интеллектуальной собственности в нематериальный актив, что может приносить стабильный доход правообладателю объекта интеллектуальной собственности. При этом стоит отметить, что коммерциализация имеет преимущества не только в предпринимательской деятельности, но также и в спортивной сфере.

Объекты интеллектуальной собственности широко используются в спортивной сфере. Для каждого объекта интеллектуальной собственности определяется наиболее подходящий режим правовой охраны. Права на все объекты регистрируются, депонируются, патентуются, при необходимости вводится режим коммерческой тайны (ноу-хау, секреты производства). Определяются способы коммерциализации интеллектуальной собственности, способные максимизировать прибыль компании.

Так можно рассмотреть коммерциализацию товарных знаков. В Республике Беларусь используется коммерциализация товарных знаков, также, как и в Российской Федерации, США, Испании, Италии и других странах. Если рассмотреть на примере Республике Беларусь данный способ коммерциализации имеет популярность среди спортивных клубов, которые используют зарегистрированный товарный знак на всей своей продукции. Например, товарный знак «БАТЭ» действующее свидетельство № 313412 действует до 22.09.2025, правообладателем является ОАО «Борисовский завод автотракторного электрооборудования» [3]. Гражданским кодексом Республики Беларусь предусмотрено, что владелец товарного знака имеет исключительное право использования товарного знака и распоряжаться этим исключительным правом, а также имеет право запрещать использование товарного знака другим лицам. Никто не может использовать товарный знак без разрешения его владельца [4].

В процессе коммерциализации объектов интеллектуальной собственности принимают участие три категории лиц:

1. Создатели интеллектуальной собственности, обладающие первоначальными правами и передающие права на использование результатов интеллектуальной деятельности другим лицам.

2. Правообладатели, лица, которые тем или иным способом получили права на результаты интеллектуальной деятельности.

3. Пользователи – лица использующие интеллектуальную собственность [5].

В феврале 2017 г. в патентное бюро США была подана жалоба от компании «Adidas» на Tesla. Спортивный бренд требовал запретить автопроизводителя использовать товарный знак своей компании. В свою очередь Tesla изменила полосы на цифру, заявив, что изменения связаны с брендинговыми решениями, а не претензией компании «Adidas» [6].

В Испании есть практика регистрации фамилии спортсмена в качестве товарного знака. Нападающий футбольного клуба «Барселона» Лионель Месси получил разрешение на регистрацию товарного знака «MESSI» в 2020 году. Данное право футболиста оспаривало предприятие Massi, которое занимается продажей в Испании одежды для спорта. Заявление на регистрацию товарного знака Лионеля Месси было подано летом 2011 года в EUIPO. EUIPO отказало спортсмену в регистрации товарного знака в 2013-ом, согласившись с Massi в вопросе о схожести обозначений. После чего Месси оспорил первое решение в Европейском суде первой инстанции. Лионель Месси, широко известен как футболист, и потребители спортивной одежды без труда смогут отличить спортивную одежду, которая будет под брендом футболиста, от бренда Massi [7]. Прибыль за коммерциализацию своего товарного знака футболист получает самостоятельно, продвигая личный бренд спортсмена. В данном случае владельцем и правообладателем на товарный знак является Лионель Месси, однако можно рассмотреть вариант, если бы данный товарный знак зарегистрировал спортивный клуб, правообладателем был бы спортивный клуб, который смог получать от его использования дополнительный доход, при договоренности с игроком на выгодных ему условиях. Так спортивный клуб имел бы возможность распоряжаться товарным знаком в своих коммерческих целях.

Многие компании признают большой маркетинговый потенциал спортсменов-звезд, компании также готовы платить миллионы долларов известным спортсменам и другим выдающимся личностям за рекламу их продукции. Некоторые компании разрабатывают целую линейку спортивных товаров с именами спортсменов. Именно так поступила фирма Nike, создав целые серии спортивных товаров с именами баскетбольных суперзвезд Майкла Джордана и Леброна Джеймса. Многие спортсмены, представляющие самые различные виды спорта, например, Льюис Хэмилтон, Дэвид Бекхэм, Рори Макилрой, Линдси Вон, Мария Шарапова и др. извлекли значительную выгоду в результате заключения таких сделок.

Спортивные организации, а также различные компании, находящиеся в спортивной сфере, также регистрируют промышленные образцы в рамках патентного права.

Промышленным образцом по законодательству Республики Беларусь признаются художественное или художественно-конструкторское решение изделия, определяющее его внешний вид и являющееся новым и оригинальным [4]. Именно дизайн позволяет выделить одну спортивную организацию или компанию от другой, в условиях конкуренции рынка спортивных товаров и услуг. Именно в качестве промышленного образца компании могут коммерциализировать свой дизайн, который их будет отличать от других. В условиях жесткой конкуренции спортивного рынка дизайн позволяет провести четкое различие между теми или иными спортивными соревнованиями, командами и спортивными товарами. Любой спортивный товар или спортивное мероприятие становится более привлекательными и интересным для потребителей благодаря дизайну, который играет решающую роль в повышении коммерческой стоимости и востребованности на рынке такого товара или спортивного мероприятия. Так, к примеру, спортивный бренд Puma патентует внешний вид одежды, что позволяет ей быть одним из узнаваемых брендов. Так данный бренд выпустил кроссовки с применением технологии Fit Intelligence (Fi) эффективно сочетают дизайн и интеллектуальные технологии, позволяющие спортсменам регулировать подгонку обуви во время движения [8].

Три полосы у фирмы «Adidas» подлежат правовой охране во многих странах мира. Поэтому сложилась определенная судебная практика между фирмой «Adidas» и другими компаниями.

Производитель спортивной одежды и обуви «Adidas» подал в суд на своего конкурента, компанию «Nike». Причина – полосы на форме футболиста Лионеля Месси. Компания «Adidas» обвинила «Nike» в плагиате – копировании своего фирменного стиля и дизайна. На экипировке игроков футбольного клуба «Барселоны» изображены полосы, напоминающие фирменные полосы «Adidas». А поверх них значится эмблема «Nike» [9].

В спортивной сфере в настоящее время применяется не только интеллектуальное спортивное оборудование, которое оснащено различными датчиками, но и другие сложные информационно-коммуникационные технологии. После тестирования на практике эти технологии появляются на рынке, к примеру:

– очки Recon Jet (Спортивная альтернатива Google Glass очки Recon Jet, являются интерактивными очками, созданными для того, чтобы помочь любителям

активного вида спорта. Они оснащены многими техническими характеристиками, такими как процессор, камера, которая может снимать видеол в HD-разрешении, имеет слот памяти, беспроводной интерфейс и 3D-акселератор);

- лазерное футбольное поле. Лазерную футбольную площадку запустила компания Nike, что являлось необычным в одно и тоже время спортивным и социальным проектом. Компания Nike создала микроавтобус, который перемещался по различным районам и создавал на площадях, парковках и других территориях различные варианты спортивной площадки);

- Ipod Nano (Ipod Nano заявлено компанией Apple, что данный плеер для спортсменов. Данный плеер был придуман для нужд людей, занимающихся спортом);

- Adidas MiCoach Elite (Adidas MiCoach Elite – технология от Adidas, данная компания запустила технологию цифрового тренера. Главная футбольная лига США – MLS, поддержала данный проект и оснастила каждого игрока и тренера комплектом данного устройства, которое позволило контролировать физическое состояние игроков во время матчей и тренировок);

- miCoach Smart Ball. Футбольный мяч, который может в автоматическом режиме определять пересек он линию ворот или нет, именно такой miCoach Smart Ball был создан компанией Adidas. Он может выступать в качестве личного тренера для футболиста, помогая ему точно отточить мастерство по нанесению разнообразных ударов) [10].

Многие спортивные организации объединяются с высокотехнологичными компаниями, чтобы сделать спортивный контент и товары более прибыльными.

Одно из наиболее перспективных направлений коммерциализации объектов интеллектуальных прав в спорте является способ использования авторского права и смежных прав. Поскольку спортивные организации зависят от вещательных компаний. Спортивные мероприятия как таковые обычно не подпадают под авторско-правовую охрану, медиакомпания платят огромные суммы за эксклюзивные права на прямую трансляцию важнейших спортивных соревнований.

В настоящее время основным источником дохода большинства спортивных организаций является продажа прав вещательных и медийных компаний. Доходы от трансляции Олимпийских игр 2016 г. в Рио-де-Жанейро составили порядка 2868 млн дол. США, при этом 90 процентов средств, полученных МОК в результате спонсорских сделок и продажи прав на вещание, реинвестируются в развитие спорта во всем мире [8].

Так можно говорить о том, что компании могут использовать две основные формы коммерциализации интеллектуальной собственности:

- возмездная передача прав на объекты интеллектуальной собственности;
- производство и продажа продукции, для создания которой используются объекты интеллектуальной собственности.

Если рассматривать два этих способа, то производство и продажа продукции будет обеспечивать наиболее высокий доход для спортивных компаний.

Передача исключительного права на тот или иной объект интеллектуальной собственности возможен:

- по лицензионному договору;

- договору коммерческой концессии;
- договору лизинга [5].

Наиболее распространенным является лицензионный договор в спортивной сфере.

Делая выводы, следует сказать о том, что создаваемые объекты интеллектуальной собственности в спортивной сфере должны не только охраняться, но и использоваться для получения прибыли.

Права на интеллектуальную собственность лежат в основе большинства коммерческих отношений, связанных со спортивными мероприятиями.

Использование объектов интеллектуальной собственности в спортивной сфере открывает широкие возможности для содействия экономическому росту. Но стоит отметить, что коммерческая деятельность в области спорта требует создания прочной правовой базы для содействия использованию и торговли правами на объекты интеллектуальной собственности, а также должно способствовать подготовке высококвалифицированных кадров, что также будет способствовать созданию большего количества рабочих мест, а также позволяет обеспечить благоприятную политику и наличие правовой среды, а также решать оперативные и логистические задачи, связанные с организацией спортивных мероприятий.

В Республике Беларусь, как и в Российской Федерации, коммерциализация объектов интеллектуальной собственности не получила пока широкого распространения в отличие от США, Испании и др. стран, но правовое регулирование интеллектуальной собственности находится на достойном уровне. Законодательная база, которая необходима для защиты, а также патентования, регистрации и охраны интеллектуальной собственности в Республике Беларусь есть. При этом она адаптирована также к международному праву, поскольку Республика Беларусь старается участвовать практически во всех международных соглашениях и строго следует принципам заложенных в них. Однако в действующем законодательстве недостаточно норм, регулирующих отношения интеллектуальной собственности в спортивной сфере.

Заключение договоров по поводу объектов интеллектуальной собственности в спортивной сфере, способно принести одной из сторон доход, значительные суммы, которые могут достигать десятков и сотен миллионов долларов. Определение верной стратегии и выбора соответствующей тактики в отношении интеллектуальной собственности является одним из действенных рычагов управления современным производством, позволяющим рационально организовать текущее и перспективное планирование.

Список источников

1. Коммерциализация объектов интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] / Belprofpatent патентное бюро. – Режим доступ: <https://belprofpatent.by>. – Дата доступа: 25.09.2022.
2. Файзуллина, Н.Г. Коммерциализация интеллектуальной собственности / Н.Г. Файзуллина // Креативная экономика. Экономика и бизнес. – 2014. – № 6 (90).
3. Товарный знак «БАТЭ» [Электронный ресурс] / СоюзПатент. – Режим доступа: <https://sojuzpatent.com/ru/trademarks-search/TM/313412>. – Дата доступа: 25.09.2022.
4. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

5. Коммерциализация интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] / N'RIS. – Режим доступа: <https://nris.ru/blog/kommercializaciya-intellektualnoj-sobstvennosti/>. – Дата доступа: 25.09.2022.
6. Tesla изменила логотип Model 3 из-за жалобы Adidas [Электронный ресурс] / Sostav. – Режим доступа: <https://www.sostav.ru/publication/tesla-izmenila-logotip-model-3-iz-za-zhaloby-adidas-25575.html>. – Дата доступа: 25.09.2022.
7. Товарный знак от Месси в ЕС (Messi) [Электронный ресурс] / Главное патентное БЮРО. – Режим доступа: <https://glavpatent.ru/товарный-знак-messi.html>. – Дата доступа: 25.09.2022.
8. Интеллектуальная собственность и спорт: на стыке интересов [Электронный ресурс] / WIPO. – Режим доступа: https://www.wipo.int/ip-outreach/ru/ipday/2019/ip_sports.html. – Дата доступа: 25.09.2022.
9. Adidas подала в суд на Puma [Электронный ресурс] / BIRD IN FLIGHT. – Режим доступа: <https://birdinflight.com/ru/novosti/20170222-stripes.html>. – Дата доступа: 25.09.2022.
10. Слияние спорта и технологий [Электронный ресурс] / Спорт высоких технологий. – Режим доступа: <https://novate.ru/blogs/140813/23740/>. – Дата доступа: 25.09.2022.

К.Д. Савицкая

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ АККАУНТА В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ

Аннотация. В статье исследуется понятие, правовой режим аккаунта в социальной сети. Рассмотрена возможность применения к данному объекту режима составного произведения, базы данных, мультимедийного произведения. Аккаунт проанализирован на предмет наличия признаков мультимедийного произведения: сложность, наличие в структуре компьютерной программы (оригинального программного кода), интерактивность, цифровая форма выражения.

Ключевые слова: аккаунт в социальных сетях; мультимедийное произведение; составное произведение; база данных; сложность; интерактивность; цифровая форма; компьютерная программа; авторское право; интеллектуальная собственность.

В современном мире аккаунт в социальной сети – это не только средство самовыражения и коммуникации, но и инструмент для продвижения товаров, работ, услуг в информационном пространстве. В интернете встречаются предложения о продаже аккаунтов, обладающих коммерческой ценностью за счет ряда параметров (количество подписчиков, особый контент, длительное существование и др.).

Аккаунт может являться полноценным источником дохода. В 2020 году журнал Форбс составил рейтинг российских блогеров, которые больше всего зарабатывают на рекламе в Инстаграм. Согласно данным журнала, возглавила рейтинг Ксения Собчак, за год ее заработок составил \$1,48 млн. На втором месте в рейтинге певица Полина Гагарина – \$0,89 млн. На третьем – Ида Галич – \$0,85 млн. [1].

Недобросовестные пользователи, пытаясь минимизировать свои затраты на создание и ведение аккаунта, копируют контент (тексты постов, фото, видео пр.), а иногда аккаунты целиком без указания источника заимствования. На практике возникает вопрос о защите аккаунта как объекта интеллектуальной собственности, что актуализирует проблему определением его правового режима.

Правовая природа аккаунта в социальной сети исследовалась в работах К. С. Митягина [2], М. А. Рожковой [3]. Возможность отнесения аккаунта к числу объектов гражданских прав была проанализирована О. И. Босык [4], Е. Е. Кирсановой [5], Л. В. Санниковой, Ю. С. Харитоновой [6], С. И. Суловой [7]. Вопросы наследования аккаунтов были детально изучены Е. С. Гринь [8], М. М. Панариной [9]. Специфика использования объектов авторского права в социальных сетях была рассмотрена С. С. Лосевым [10].

Несмотря на достаточно большое количество публикаций в юридической литературе, вопрос определения их правового режима по-прежнему остается дискуссионным и требует детального рассмотрения. Отметим, в Республике Беларусь комплексные работы, по данному вопросу, отсутствуют.

В нормативных правовых актах Республики Беларусь не содержится определения термина «аккаунт». В связи с этим приведем дефиниции, предлагаемые

в юридической доктрине. По мнению исследователей, аккаунт в социальной сети представляет собой:

- 1) цифровой актив [3];
- 2) запись на сервере собственника социальной сети [9, с. 28];
- 3) права и обязанности из соглашения с организатором социальной сети [9, с. 28];
- 4) «компьютерный код, содержащий сведения, которые пользователь сообщает о себе компьютерной системе, а пользователи воспринимают его как личную страницу, содержащую совокупность неких сведений на определенном Интернет-ресурсе» [4, с. 91];
- 5) элемент сетевой инфраструктуры, который служит для обмена информацией и данными [6];
- 6) нематериальный объект, созданный в результате творчества условного автора, как правило, являющегося пользователем какой-либо информационной площадки – социальной сети [5].

На основании изложенного, можно заключить, что единого подхода к определению аккаунта в социальных сетях нет. Вместе с тем аккаунт можно рассматривать с точки зрения авторско-правовой охраны, если он будет соответствовать критериям охраноспособности объектов авторского права: будет являться результатом творческой деятельности и иметь объективную форму выражения. Представляется, что объективной формой выражения аккаунта является цифровая. Творческий характер труда автора (владельца) аккаунта следует доказать в каждом конкретном случае. Поскольку аккаунты делятся на различные виды и могут как содержать творческий характер труда: оформление страницы, подбор оригинальных текстов, создание видео, название и пр., так и представлять собой исключительно информационный аккаунт с официальными данными об организации или содержать исключительно новостной материал [8, с. 129].

По мнению К. С. Митягина страницу в социальной сети можно рассматривать как: сложный объект (мультимедийное произведение), составное произведение, базу данных [2]. Согласно позиции Е. С. Гринь, аккаунты могут представлять мультимедийные произведения либо составные произведения [8, с. 130]. М. М. Панарина указывает, что аккаунт может охраняться как база данных [9, с. 27]. Схожую позицию высказывает Е. Е. Кирсанова [5].

Систематизируя имеющиеся в доктрине воззрения, можно выделить основные точки зрения в отношении его правовой природы:

1. Аккаунт является составным произведением.
2. Аккаунт – это база данных.
3. Аккаунт представляет собой мультимедийное произведение.
4. В зависимости от вида и особенностей, аккаунт может являться составным произведением, базой данных, мультимедийным произведением.

Полагаем последний подход наиболее обоснован, поскольку выбор правового режима будет зависеть от особенностей контента страницы, размещенного на странице и характера деятельности по её созданию.

Аккаунт может охраняться как составное произведение – произведение, представляющие собой по подбору или расположению материалов результат творческого труда (абзац 31 статьи 4 Закона Республики Беларусь от 17 мая

2011 г. №262-3 «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон № 262-3). Авторское право распространяется на составное произведение только в том случае, если осуществленные автором (составителем) подбор и расположение материалов представляют результат творческого труда. Творческая деятельность составителя заключается в отборе необходимого материала и расположении его по своей оригинальной системе [11, с. 17]. Применительно к аккаунту в социальной сети это означает, что аккаунт – это не просто совокупность отдельных составных элементов - постов (текстов, в том числе иллюстрированных, видеороликов, фотографий, гиперссылок на другие страницы в сети Интернет и т.д.), а что указанные элементы страницы являются материалами, *подбор и расположение которых представляют результат творческого труда* [2].

Аккаунт может защищаться как база данных. В соответствии с абзацем 2 статьи 4 Закона №262-3, под базой данных понимается «совокупность данных или другой информации, выраженная в любой объективной форме, представляющая собой по подбору или расположению этих данных или другой информации результат творческого труда». В Республике Беларусь базы данных охраняются как составные произведения (часть 1 статьи 14 Закона № 262-3). Авторское право защищает базу данных, но не любую, а созданную творческим трудом. Охрана, предоставляемая базе данных, не распространяется на содержащиеся в ней данные или другую информацию.

Творчество автора при разработке базы данных проявляется в особом способе отбора материалов из большого массива или в оригинальной систематизации и упорядочении материалов внутри базы данных. Применительно к аккаунту в социальной сети оригинальная систематизация достигается путем использования проставления в материалах страницы (постах) меток (тегов), которые позволяют выполнять поиск и сортировку материалов страницы в соответствии с содержанием меток.

Аккаунт может охраняться как мультимедийное произведение. В законодательстве Республики Беларусь указанный объект отсутствует. Вместе с тем, авторское право распространяется на произведения, являющиеся результатом творческой деятельности, существующие в какой-либо объективной форме (пункты 1 и 2 статьи 6 Закона № 262-3). Перечень видов произведений, которые при соответствии указанным признакам могут охраняться авторским правом, является открытым (пункт 5 статьи 6 Закона № 262-3), что позволяет рассмотреть мультимедийное произведение как самостоятельный объект авторского права.

По нашему мнению, мультимедийное произведение представляет собой результат интеллектуальной деятельности, для которого характерны следующие признаки: цифровая форма выражения, наличие в структуре компьютерной программы (оригинального программного кода), интерактивность, сложность [12, с. 112]. Рассмотрим более подробно аккаунт в социальной сети на предмет наличия обозначенных признаков.

1. Объективной формой выражения аккаунта является **цифровая форма**.
2. Обязательным элементом аккаунта является **компьютерная программа (оригинальный программный код)**, которая обеспечивает уникальную творческую связь между использованными в его структуре элементами, его целостное восприятие, существование и использование.

3. **Интерактивность** означает возможность пользователя воздействовать на произведение, осуществлять взаимодействие [13, с.112]. В социальных сетях интерактивность реализуется посредством возможности пользователя взаимодействовать с аккаунтом множеством способов. Пользователь может добавлять фото и видео публикации, истории и видео, объединить несколько фото в одно с помощью функции «Коллаж», редактировать их, указать месторасположение и подпись, применить эффекты или фильтры и др. Полагаем, что функциональные возможности социальных сетей позволяют в полной мере реализовать взаимодействие с пользователем, что подтверждает наличие признака интерактивности.

4. **Сложность** означает, что в структурном составе мультимедийного произведения сочетаются нескольких разнородных результатов интеллектуальной деятельности, образующих единый объект правовой охраны; права на результаты интеллектуальной деятельности в составе мультимедийного произведения принадлежат различным субъектам [14].

Исследование аккаунтов в социальных сети позволяет выделить объекты, которые входят в его структуру. Аккаунт может содержать:

Объекты авторского права (литературные произведения (посты, чек-листы, гайды; музыкальные произведения с текстом и без текста; аудиовизуальное произведение (видео, вебинары, онлайн курс, сохраненные эфиры); произведения изобразительного искусства (шрифты, стикеры); фотографические произведения и др.).

Объекты смежных прав (исполнения и фонограммы).

Товарные знаки. На практике широко применяется регистрация в качестве товарных знаков логина пользователя в социальной сети, изображения аккаунта.

Неохраняемые результаты интеллектуальной деятельности (произведения народного творчества, авторы которых неизвестны, государственные символы, официальные документы и др.).

В зависимости от вида аккаунт будет варьироваться перечень входящих в его состав объектов. Важно также чтобы права на эти объекты принадлежали различным субъектам, поскольку если у аккаунта несколько авторов, например, автор текстов - копирайтер, автор контента - контент-менеджер, фотограф, дизайнер-оформитель, видеограф, то речь может идти о соавторстве или о построении авторства как в сложном объекте интеллектуальных прав, когда авторы отдельных результатов творческого труда передают свои права организатору (например, владельцу блога) [8, с. 129].

На основании проведенного исследования, можно констатировать, что единство взглядов в отношении понятия и правового режима аккаунта в социальной сети в доктрине отсутствует. Аккаунт рассматривается как: составное произведение, база данных, мультимедийное произведение. По нашему мнению, не представляется возможным использовать один универсальный режим правовой охраны для всех аккаунтов в социальных сетях. Правовой режим аккаунта и выбор средств защиты будут зависеть от особенностей контента, размещенного в аккаунте и характера деятельности по его созданию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Forbes назвал доходы топовых российских блогеров в Instagram [Электронный ресурс] Ведомости. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2020/08/26/837794-forbes-nazval-dohodi-rossiiskih-blogerov-v-instagram?ysclid=l6rrham0ur216151324>. – Дата доступа: 20.07.2022.
2. Митягин, К.С. Правовая природа страницы социальной сети [Электронный ресурс] / К.С. Митягин // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – Режим доступа: <http://ipcmagazine.ru/legal-issues/the-legal-nature-of-a-social-network-page?ysclid=l595cla1jp392681473>. – Дата доступа: 20.07.2022.
3. Рожкова, М.А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым [Электронный ресурс] / М.А. Рожкова // Закон. ру. – 2018. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym. – Дата доступа: 20.07.2022.
4. Босык, О.И. Страница в социальной сети как объект гражданских прав / О.И. Босык // Наука и инновации XXI века: Сборник статей по материалам VI Всероссийской конференции молодых ученых, Сургут. – 2019. – Т. 27. – С. 90-94.
5. Кирсанова, Е.Е. Аккаунт как объект гражданских прав [Электронный ресурс] / Е.Е. Кирсанова // Вестник арбитражной практики. – 2020. – № 2. – КонсультантПлюс. Технология Проф [Электронный ресурс] / Консультант Плюс: Версия Проф. [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс». – Москва, 2022.
6. Санникова, Л.В., Харитоновна, Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ // Монография / Л.В. Санникова, Ю.С. Харитоновна // КонсультантПлюс. Технология Проф [Электронный ресурс] / Консультант Плюс: Версия Проф. [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс». – Москва, 2022.
7. Сусллова, С.И. О проблеме непоименованных объектов гражданских прав на примере аккаунта в социальной сети / С.И. Сусллова // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 2020 г. / Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России); отв. редакторы А.М. Бычкова, С.И. Сусллова. – Иркутск, 2020. – С. 251-256.
8. Гринь, Е.С. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт / Е.С. Гринь // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17. – № 2 (135). – С. 128-134.
9. Панарина, М.М. Наследование аккаунта в социальных сетях и вопросы цифрового наследования: правовое исследование / М.М. Панарина // Наследственное право. – 2018. – № 3. – С. 29–30.
10. Лосев, С.С. Использование объектов авторского права в социальных сетях / С.С. Лосев // СПС «БизнесИнфо». – Режим доступа: <https://bii.by/tx.dll?d=319973&pr=1&w=1>. – Дата доступа: 20.07.2022.
11. Глуховская, Г.И. Авторское право на составные произведения / Г.И. Глуховская // Судовы веснік. – 2006. – № 4. – С. 17.
12. Савицкая, К.Д. Понятие, признаки, правовой режим мультимедийных произведений / К.Д. Савицкая // Интеллектуальная собственность в современном мире: вызовы времени и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 20 окт. 2021 г. : в 2 ч. / Нац. центр интеллектуал. собственности ; под ред. В.А. Рябоволова. – Минск, 2021. – Ч. 2. – С. 109–113.
13. Большая компьютерная энциклопедия. – М. Эксмо, 2007. – 480 с.
14. Савицкая К.Д. Понятие и признаки сложного объекта в авторском праве [Электронный ресурс] / К.Д. Савицкая // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики : электрон. сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 28 мая 2021 г. / Полоц. гос. ун-т, Регион. учеб.-науч.-практ. юрид. центр ; редкол.: В.А. Богоненко (отв. ред.), Н.А. Бесецкая, В.П. Шарикова. – Новополоцк, 2021. – 1 электрон. опт. диск (CD-R).

Э.В. Скурьят, Т.В. Семёнова

**ГЕОИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ, ГЕОДЕЗИЧЕСКИЕ
И КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
КАК ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ**

***Аннотация.** В статье рассмотрены элементы геоинформационных систем, определен их правовой режим. Геоинформационная система состоит из базы данных, компьютерной программы и картографических, геодезических и иных материалов, каждый из которых охраняется законодательством об интеллектуальной собственности. Кроме того, на вышеперечисленные объекты распространяется действие технических нормативных актов, без которых отнесения к геодезическим и картографическим материалам не допускается, а соответственно и к особым объектам авторского права. Делается вывод о том, что в процессе работы геоинформационной системы создаются новые объекты интеллектуальной собственности из имеющегося материала путем переработки, анализа и моделирования, исключительные права на которые принадлежат авторам-разработчикам геоинформационной системы.*

***Ключевые слова:** авторское право, автоматизированная система, геоинформационные системы, интеллектуальная собственность, картографическая деятельность, базы данных.*

Согласно Указу Президента Республики Беларусь от 7 мая 2020 г. № 156 «О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021-2025 годы» исследования в области геоинформационных технологий относятся в основном к п.1, а также касаются п.3, 5, 6 приоритетных направлений, чем обуславливается значимость данной работы [1].

Актуальность внедрения и правовой защиты геоинформационных систем связана с Государственной программой «Цифровое развитие Беларуси» на 2021-2025 годы, утвержденной Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 02 февраля 2021 г. № 66 (далее – Постановление № 66). В главе 7 программы указаны мероприятия, результаты которых будут иметь системообразующий характер для развития технологий «умных городов» во всех регионах Республики Беларусь. К таким мероприятиям относится создание и (или) совершенствование геоинформационных систем для обеспечения работы государственных цифровых платформ, переход к применению на практике технологий информационного моделирования градостроительных единиц и городских пространств (создание «цифровых двойников» городов, которые позволяют эффективно моделировать развитие городской территории и управлять различными сферами жизни города). Однако масштаб применения геоинформационных

систем более широк, и затрагивает главу 6 указанной программы, касательно мониторинга здоровья населения, а также оптимизации процессов управления предприятиями [2].

Кроме того, в Постановлении № 66 в комплексе мероприятий предусмотрена программа по созданию автоматизированной системы оперативного контроля хода работ по геологическому изучению недр и прироста запасов полезных ископаемых, а также создание национального геопортала [2].

Необходимо учитывать и тот факт, что на сегодняшний день Республика Беларусь обладает достаточно развитой информационной индустрией. Интеллектуальная собственность в свою очередь является важнейшей составляющей «экономики знаний» и играет значимую роль в развитии человеческого капитала, ускорении роста и повышении глобальной конкурентоспособности национальных экономик, создании высокотехнологичных производств, развитии инвестиционной и экспортной деятельности. О чем указывается в Постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 24 ноября 2021 г. № 672 «О стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 года» (далее – Стратегия) [3].

Актуальность обусловлена также целями и задачами, выдвигаемыми в Стратегии. Согласно им, ключевым приоритетом Республики Беларусь является инновационный путь социально-экономического развития, включающий цифровую трансформацию экономики, развитие высокотехнологичных производств и услуг, повышение производительности труда и создание новых рабочих мест, наращивание экспортного потенциала [3]. В данном случае геоинформационные системы можно отнести к высокотехнологичным услугам. Для достижения таких целей необходимо формирование эффективной системы охраны, управления и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, отвечающей актуальным и перспективным потребностям экономики и общества, способствующей развитию инновационной деятельности, повышению конкурентоспособности отечественных товаров (работ, услуг), что в свою очередь реализуется через совершенствование законодательства, совершенствование механизмов правовой охраны объектов интеллектуальной собственности.

Геоинформационные системы (далее – ГИС) представляют собой автоматизированные информационные системы, отображающие пространственные данные о самых разных явлениях природы и общества [4]; класс информационных систем, позволяющих хранить и оперировать информацией о пространственном размещении объектов и явлений, а также средствами графического отображения их на карте [5].

Для ГИС существует также и законодательные определения, содержащиеся в ст.1 Закона Республики Беларусь от 14 июля 2008 г. № 369-З «О геодезической и картографической деятельности» (далее – Закон О геодезической и картографической деятельности). Существует географическая информационная система специального назначения – автоматизированная система, предназначенная для сбора, обработки, анализа, моделирования и отображения данных о географических объектах, а также решения информационных и расчетных задач

с использованием цифровой картографической, аналоговой и текстовой информации, необходимость создания которой определяется потребностями государственных органов, иных организаций, физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей [6]. Отдельно выделяют государственные географические информационные системы – автоматизированная система, предназначенная для сбора, обработки, анализа, моделирования и отображения данных о географических объектах, а также для решения информационных и расчетных задач общегосударственного, межотраслевого значения с использованием цифровой картографической, аналоговой и текстовой информации [6].

Основное различие двух понятий лишь в специальном назначении, в первом случае такими системами вправе пользоваться все для решения насущных задач. Во втором такая система нужна для решения общегосударственных, межотраслевых задач, а также для обеспечения достаточного уровня надежности информации.

Определение картографических и геодезических материалов также содержится в ст.1 Закона О геодезической и картографической деятельности: геодезические и картографические материалы и данные – все виды конечной и промежуточной геодезической, топографической, картографической, в том числе нивелирной, гравиметрической, аэрокосмосъемочной, гидрографической, и иной продукции, полученной в результате геодезической и картографической деятельности, независимо от ее вида и способа закрепления информации (карты, издательские и другие оригиналы, аэро- и космические снимки, негативы, записи цифровой информации на магнитных носителях и иная подобная продукция), а также технические отчеты о выполненных геодезических и картографических работах [6].

Если исходить из определения, то это все то, что является не только результатом работы, но и результатом интеллектуальной деятельности автора(-ов). Данное мнение подтверждается ст.22 Закона О геодезической и картографической деятельности, декларирующий, что геодезический и картографические материалы и данные являются объектами интеллектуальной собственности. Указанный подход позволит в полной мере урегулировать многие аспекты геодезической и картографической деятельности правом интеллектуальной собственности.

Той же позиции придерживается законодатель, указав в абз.2 п.1 ч.1 ст.980 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) в объектах интеллектуальной собственности: результаты интеллектуальной деятельности в виде произведения науки [7]. Из этого следует, что на геодезические и картографические материалы распространяет действие гл. 60 ГК.

Важное значение имеет отнесение геодезических и картографических материалов к объектам авторского права. Анализируя п.2 ст.992 ст.993 ГК можно понять, что геодезические и картографические материалы относятся к произведениям письменным, видеозафиксированным, изображениям и т.д. (исходя из анализа ст.1 Закона О геодезической и картографической деятельности), что в свою очередь свидетельствует об отнесении геодезических и картографических материалов к объектам авторского права.

Кроме указанных объектов можно выделить также: атлас, государственные топографические планы и карты, общегеографические карты, специальные карта, план, атлас или карта-схема, тематические карта, план, атлас или карта-схема, топографическая карта, топографический план [6]. Как видно из приведенных объектов, пласт материала может быть огромен.

В статье 7 того же закона приведено разделение геодезических и картографических работ на типы исходя из назначения. Выделяют государственного и специального назначения [6]. С подходом на интеллектуальную собственность, главными различиями стоит считать дальнейшее право собственности на материалы и данные, полученные в ходе таких работ.

Главной особенностью материалов ГИС является их неукоснительное следование техническим нормативным правовым актам. Согласно ст.15 Закона О геодезической и картографической деятельности к техническим нормативным правовым актам в области геодезической и картографической деятельности относятся:

- геодезические, картографические нормы и правила;
- технические нормативные правовые акты в области технического нормирования и стандартизации геодезической и картографической деятельности.

Нормы и правила, технические нормативные правовые акты устанавливают:

- основные технические требования к точности, способам, методам и технологиям производства геодезических и картографических работ, геодезическим сетям, содержанию карт, планов и атласов, цифровых моделей местности, иные основные требования к производству и качеству геодезических и картографических работ;

- классификацию карт и планов;
- требования к математической обработке и оценке точности определений и измерений при выполнении геодезических и картографических работ;

- условные знаки для всех видов создаваемых карт и планов, в том числе топографических, тематических и т.п., для единообразного отображения на картах и планах географических объектов, природных и общественных явлений, их количественных и качественных характеристик;

- технические требования к отдельным видам геодезических и картографических работ, в том числе связанных с внедрением новых технологий, средств измерений, приборов и качественно новых материалов;

- технические требования к полученным в результате геодезических и картографических работ геодезическим и картографическим материалам и данным, их применению, хранению и реализации;

- технические требования к оказанию услуг в области геодезической и картографической деятельности и т.д. [6].

Технические нормативные правовые акты регулируют круг вопросов при проведении работ, а также при составлении готовых материалов. Т.е., если субъект не соблюдает данные нормы, то подобные материалы не будут использоваться как геодезические и картографические материалы.

В указанном правиле есть исключение, а именно: геодезические, картографические нормы и правила являются обязательными для соблюдения государственными органами, иными организациями и индивидуальными предпринимателями при осуществлении ими геодезической и картографической деятельности [6]. Что освобождает физические лица, при проведении научных изысканий, от строгого соблюдения технических норм. Уже в дальнейшем, в случае решения использовать такие материалы физических лиц, либо при желании пустить их в коммерческое использование, такие материалы должны пройти редактирование или доработку.

Для работ государственного назначения применяются государственные системы геодезических координат, высот, гравиметрических измерений и масштабный ряд государственных топографических карт и планов. А на территориях административно-территориальных или территориальных единиц Республики Беларусь при выполнении геодезических и картографических работ государственного и специального назначения могут применяться местные системы координат при условии обеспечения их взаимосвязи с государственной системой геодезических координат (ст.16 Закона О геодезической и картографической деятельности) [6]. А в ч.4 той же статьи указано, что есть отступление от правил при производстве научно-исследовательских работ и решении хозяйственных задач. Это сделано для удобства подрядчиков, исследователей, которые могут являться нерезидентами.

Углубляясь в тему координат и высот, необходимо проанализировать проекции земного шара как объекты права интеллектуальной собственности [8]. Проекция содержит в себе способ определения расстояний путем установления постоянной в системе координат. Однако такие проекции не являются законом охраняемыми объектами, что подтверждается п.4 ст.992 ГК, ведь проекция относится именно к идеям, методам, системам, или способам [7]. Это всего лишь математическая концепция изображения плоскости земной поверхности, и лишь конкретное проекционное изображение будет охраняться правом об интеллектуальной собственности. Соответственно, никаких ограничений по использованию видов проекций при составлении картографических изображений не имеется.

Изучая также процесс создания карт, можно понять определенные моменты в правовом регулировании такой деятельности. Первоначально производится аэро- и космофотосъемка поверхности планеты [8]. Если исходить из ранее упомянутых положений главы 61 Закона «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон Об авторском праве и смежных правах), становится понятно, что первоначальные снимки уже являются объектами правовой охраны по ст.992, 993 ГК [7]. Чтобы относить такие снимки к объектам авторского права является их творческая составляющая (независимо от назначения и достоинства), согласно п.1 ст.992 ГК [7]. Творческая составляющая создается именно способом съемки, недоступным для большинства жителей планеты. Также из-за того, что съемка производится с масштабами, недоступными большинству камер. Автором такого произведения будет разработчик системы зондирования, лица, управляющие орбитальным спутником на момент производства снимка (п.3 ст.982 ГК).

Ввиду того, что над такими снимками работает команда из специалистов, то каждый, кто «прикладывает руку» к построению изображения, выставлению фокусировки, положения линзы, может считаться соавтором таких фотоснимков. К такому выводу можно прийти, если проанализировать п.1 ст.9 Закона Об авторском праве и смежных правах: «Авторское право на произведение, созданное совместным творческим трудом двух либо более лиц (соавторство), принадлежит соавторам совместно независимо от того, образует ли такое произведение неразрывное целое или состоит из частей, каждая из которых имеет самостоятельное значение» [9]. Т.к. каждый из специалистов в процессе фотосъемки прикладывает творческие и умственные усилия, то таких лиц вправе признавать соавторами.

Однако могут возникать проблемы в соавторстве, ведь соавторами могут быть лица, как с однородным трудом, так и разнородным, однако, необходимо соглашение о совместной деятельности [10]. Таковым является трудовой договор и трудовые обязанности. Также следует отличать соавторство от сотрудничества, когда создается составное произведение [6; 7]. Таковым оно будет лишь при составлении окончательной карты на основе космофотосъемки. Кроме этого, такие произведения признаются нераздельным соавторством [10], т.к. по отдельности труд каждого специалиста невозможно использовать по отдельности.

В статье 9 Закона Об авторском праве и смежных правах имеется п.3, в котором указано: «Не признаются соавторами лица, способствовавшие созданию произведения путем оказания помощи технического, административного или финансового характера» [9]. Если с административным и финансовым критерием все однозначно понятно, то с техническим критерием могут возникнуть проблемы. В данном случае следует исходить из аналогии помощи финансового характера (пример: предоставление денежных средств на приобретение необходимой камеры, или же предоставление самой камеры, т.е. такие лица не должны участвовать в творческом процессе).

Что же касается исключительных прав, то они принадлежат нанимателю, у которого данные специалисты работают по трудовому договору. Т.е. это служебное произведение [9]. Исключительное право на такое произведение переходит нанимателю в момент их создания, однако если в течении пяти лет наниматель не включит в оборот данное произведение как нематериальный актив, то исключительные права на него переходят автору, если иное не предусмотрено договором. В случае ликвидации организации-нанимателя, исключительные права переходят автору (ст.17 Закона Об авторском праве и смежных правах).

Наниматель имеет право вносить без согласия в служебное произведение изменения, сокращения и дополнения, вызванные необходимостью адаптации произведения к конкретным условиям его использования. При этом он обязан указать об осуществленной им адаптации [9]. Однако такие изменения необходимо отличать от производных.

Все эти фотоснимки объединяются в более сложные структуры, на их основе составляются производные работы, карты и т.д. После чего данные объединяются в одной системе по обработке и анализу данных для более удобной эксплуатации материалов, в так называемые ГИС.

Необходимо выяснить, каким объектом интеллектуальной собственности такая система является. Т.к. в законодательстве ранее приводилось определение ГИС, то следует выделить общее определение, которое характерно как для ГИС специального назначения, так и государственной: – автоматизированная система, предназначенная для сбора, обработки, анализа, моделирования и отображения данных о географических объектах, а также решения информационных и расчетных задач с использованием цифровой картографической, аналоговой и текстовой информации.

Являясь автоматизированной, она должна быть самодостаточной и функционировать при минимальном вмешательстве человека, это значит, что такая система включена в электронно-вычислительные машины, т.к. только их функции позволяют реализовать необходимый уровень автоматизации. Следует привести определение компьютерной программы из Закона Об авторском праве и смежных правах (в п. 5 ст. 6 компьютерная программа определяется как объект авторского права): компьютерная программа – представленная в объективной форме упорядоченная совокупность команд и данных, *предназначенных для использования на компьютере и в иных системах и устройствах в целях обработки, передачи и хранения информации, производства вычислений, получения аудиовизуальных изображений и других результатов*. Частью компьютерной программы являются включенные в компьютерную программу документы, детально описывающие функционирование компьютерной программы, в том числе взаимодействие с пользователем и внешними компонентами [9]. Т.е. ее основное предназначение соответствует выполняемым функциям ГИС.

Особенностью компьютерных программ является то, что данные, которые она обрабатывает, будут являться частью программы, или же она предназначена для оперирования входящими данными, избегая включения информации в свой программный код. Тем самым, можно говорить о том, что программа, как средство обработки данных является отдельным объектом авторского права от всех входящих данных. Что в свою очередь может свидетельствовать о том, что ГИС не является простым объектом в праве интеллектуальной собственности, однако, компьютерная программа является основой ГИС.

Для того что бы определить правовой полный режим автоматизированной системы в ГИС необходимо выявить иные объекты, входящие в ГИС. К таким объектам можно отнести базу данных.

Согласно ст.4 Закона Об авторском праве и смежных правах, база данных – совокупность данных или другой информации, выраженная в любой объективной форме, представляющая собой по подбору или расположению этих данных или другой информации результат творческого труда [9]. Важно понимать, что понятие базы данных не распространяется на компьютерную программу, с помощью которой может осуществляться электронный доступ к материалам базы данных [11]. Кроме того, база данных определяется в п.1 ст.14 Закона Об авторском праве и смежных правах как составное произведение [9].

В пользу составного произведения говорит и способ составления такой базы данных путем компиляции. Компиляция – соединение результатов чужих

исследований, мыслей без самостоятельной обработки источников, а также сама работа, составленная таким образом. Следовательно, компилятивная работа тождественна составительской работе, а результат компилятивной работы – подборка материалов (сборник). Соответственно, базу данных можно с уверенностью отнести к категории составных произведений [11].

Что касается входящих материалов, то основное отличие базы данных от иных составных произведений состоит в характере включаемых материалов. Как правило, база данных содержит информацию, разного рода данные и иные материалы, не являющиеся объектами авторского права [11]. К таким материалам можно отнести личные сведения, названия документов, ключевые слова и т.д. Для ГИС они имеют практическое значение, как ссылки к конкретным данным, находящимся как на сервере, так и в открытом доступе в сети Интернет, что не исключает базу данных состоящую из объектов авторского права: такие базы данных схожи со сборниками, но в отличие от сборников они обновляются через определенный промежуток времени.

Программа же не будет составным произведением, ведь если исходить из определения составного произведения, содержащегося в Законе Об авторском праве и смежных правах [9], то таковой программа не является. Ведь такая программа будет выполнять основные функции по обработке, анализу, моделированию данных, их сбор и отображение.

Путем взаимодействия компьютерной программы с базой данных в ГИС создаются производные произведения: в таком случае автор-разработчик ГИС является автором производного произведения, следуя содержанию ст.9 Закона Об авторском праве и смежных правах, соблюдая права прежних авторов [9].

Ввиду особенностей ГИС и принципов работы, не все получаемые материалы будут производными произведениями. Такие материалы будут результатом умственного труда автора-разработчика ГИС, компьютерной программы и базы данных в совокупности. Ведь исходные данные могут отличаться от полученных.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Компьютерная программа, база данных, дополнительные материалы из различных источников, в совокупности создают такой сложный объект как ГИС, применяемый в дальнейшем для геоинформационного обеспечения;

2. Каждый элемент ГИС является объектом, охраняемым законодательством. Компьютерная программа – объект авторского права, база данных – объект авторского права с учетом норм о составных произведениях, картографические, геодезические и иные материалы – также являются объектами авторского права, но относительно каждого применяются различные положения законодательства;

3. В процессе работы ГИС создаются новые объекты интеллектуальной собственности из уже имеющегося материала путем переработки, анализа и моделирования. Получаемые произведения, в случае незначительной переработки изначального материала, должны содержать в себе сведения об авторах первоначальных произведений; абсолютно новые материалы являются новыми объектами права интеллектуальной собственности, исключительное право на которые принадлежат авторам-разработчикам ГИС.

Таблица 1. – Правовое регулирование геоинформационных систем

Геоинформационные системы				
Компьютерная программа	База данных	Дополнительные данные	Научные работы, применяемые в ГИС:	Материалы, полученные частным пользователем:
<p>Компьютерные программы к ЭВМ:</p> <p>Подлежат правовой охране авторским правом согласно ст.980, 992, 993 ГК, ст.6, 13 Закона Об авторском праве и смежных правах.</p> <p>Используется как пользователями, так и администратором для управления базой данных</p>	<p>Для ГИС в форме приложения к компьютерной программе:</p> <p>Подлежит правовой охране как составное произведение согласно ст.980, 992, 993 ГК, ст.6, 11, 14 Закона Об авторском праве и смежных правах</p>	<p>Данные метеорологии, геодезии и картографии:</p> <p>Не относятся к объектам интеллектуальной собственности, т.к. являются фактами (ст. 7 Закона Об авторском праве и смежных правах); материалы картографии и геодезии могут являться объектами авторского права, однако лишь в плане материально выраженного формата (ст.6 Закона Об авторском праве и смежных правах); проекции карт и иные схожие материалы не являются объектами авторского права (ст.7 Закона Об авторском праве и смежных правах)</p>	<p>Данные, полученные организациями:</p> <p>Материальные носители информации и их форма выражения охраняется законодательством об авторском праве (ст. 6 Закона об авторском праве и смежных правах), исключительные права принадлежат организации (ст. 7 Закона об авторском праве и смежных правах), если материалы содержат информацию подпадающую под п. 2 Закона об авторском праве и смежных правах, то не подпадают под правовую охрану</p>	<p>Материалы, полученные частным пользователем:</p> <p>Действует ст.6, 7, 15 и 16 Закона Об авторском праве. К таким материалам относятся собственные доработки и пометки на карте, маршруты, иные данные метеорологии, геодезии и картографии</p>
<p>Конечные материалы, получаемые пользователем:</p> <p>Материалы картографии и геодезии относятся к объектам авторского права (ст.6 Закона Об авторском праве и смежных правах). Переводы материалов – к производным произведениям (ст.10 Закона Об авторском праве и смежных правах)</p>				

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 годы : Указ Президента Респ. Беларусь, 7 мая 2020 г., № 156 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
2. О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 2 фев. 2021 г., № 66 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
3. О Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 года [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 24 нояб. 2021 г., № 672 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
4. Сергеева, О.С. Правовое регулирование обращения с пространственными данными в среде ГИС / О.С. Сергеева // Географический вестник. – Пермь, 2017. – № 3 (42). – С. 126–132.
5. Позднякова, Е.А., Руденко, В.М., Правовые аспекты применения геоинформационных технологий на транспорте / Е.А. Позднякова, В.М. Руденко // Право и государство: теория и практика. – Москва, 2020. – № 8 (188). – С. 130–132.
6. О геодезической и картографической деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 14 июля 2008 г. № 369-З : с изм. и доп. от 22 дек. 2011 г. № 326-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
7. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 238-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобрен Советом Республики 19 нояб. 1998 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
8. Кадочников, А.А., Токарев, А.В. Технология получения и обработки данных публичных каталогов спутниковых снимков для геоинформационного Интернет-портала / А.А. Кадочников, А.В. Токарев // Журнал Сибирского Фед. ун-та. Серия: техника и технологии. – Красноярск., 2008. – Т. 1, № 4 – С. 387–398.
9. Об авторском праве и смежных правах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З : с изм. и доп. от 15 июля 2019 г. № 216-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
10. Морозова, О.В. Правовые проблемы соавторства / О.В. Морозова // Сборник работ 60-й научной конференции студентов и аспирантов Белгосуниверситета, 14–16 мая 2003 г., г. Минск : в 3 ч. / [редкол.: А.Г. Захаров (ответственный редактор) и др.]. – Минск, 2003. – Ч. 3. – С. 46–49.
11. Правовая охрана компьютерных программ и баз данных / Е.А. Боровская [и др.] : под общ. ред. С.С. Лосева, А.А. Успенского. – Минск : ТОППРИНТ, 2010. – 245 с.

Е.М. Смолянин, И.Н. Могдалева, К.А. Костенко

**ЗАЩИТА АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБЛАСТИ ТЕХНОЛОГИЙ
ВИРТУАЛЬНОЙ И ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ:
ЭФФЕКТИВНОСТЬ СУЩЕСТВУЮЩИХ СПОСОБОВ**

***Аннотация.** Совершенствование цифровых технологий касается многих сфер деятельности человека. Рост данных технологий, а также их повседневное применение порождает определенные правовые проблемы. В работе представлены концептуальные подходы к правовому статусу искусственного интеллекта (далее – ИИ). Искусственный интеллект отличается от других объектов права своей автономностью и способностью принимать рациональные решения. В статье рассматриваются особенности правовой природы технологий виртуальной и дополненной реальности. Раскрываются наиболее важные объекты интеллектуальных прав, применяемые в виртуальной среде. Выявлены и охарактеризованы существующие способы защиты авторских и смежных прав в области технологий виртуальной и дополненной реальности, а также определены проблемы использования указанных способов. Авторами делается вывод о необходимости обеспечения охраны рассматриваемых результатов интеллектуальной деятельности основными институтами права интеллектуальной собственности.*

***Ключевые слова:** интеллектуальные права; виртуальная реальность; дополненная реальность; результаты интеллектуальной деятельности; виртуальные объекты.*

Технологии виртуальной и дополненной реальности (VR/AR-технологии) – ключ к принципиально новому уровню взаимодействия человека с цифровым миром, который играет все большую роль в глобальной экономике, социальных отношениях. В настоящее время VR/AR-технологии получили наиболее серьезное развитие на рынках развлечений и маркетинга, но это не предел, а только первая ступень их внедрения. Наиболее перспективными с точки зрения экономического эффекта являются продукты на основе VR/AR-технологий в сфере промышленного производства, образования, здравоохранения, потребительских сервисов.

Широкое внедрение VR/AR-технологий способствует развитию экономики страны, существенному повышению производительности и эффективности на промышленных предприятиях, формированию новых подходов к процессу обучения и повышению уровня образования, качественному повышению уровня здравоохранения и доступности медицинской помощи за счет удаленного присутствия врача. Вместе с этим VR/AR-технологии создают новейшие способы коммуникаций и потребительских сервисов, формируют массовые медиа для современного поколения.

Существует большое количество определений, трактующих понятие «искусственный интеллект». В широком смысле это наука и технологии создания интеллектуальных машин и систем, которые могут выполнять творческие функции, традиционно считающиеся прерогативой человека.

Применение искусственного интеллекта в целом положительно сказывается на многих сферах деятельности, поскольку призвано упростить производственные процессы, облегчить жизнь как отдельного гражданина, так и общества в целом, однако наряду с этим возникают новые вызовы и проблемы. Автоматизация различных секторов экономики посредством внедрения роботов создает угрозу сбоев, несанкционированного доступа с возможностью модификации заложенных программ и действий, последствия которых крайне сложно просчитать. В то же время нормативно-правовое обеспечение в рассматриваемой сфере отстает от потребностей сегодняшнего дня.

Искусственный интеллект окажет большое влияние на регулирование прав человека на производстве (роботы, манипуляторы), в медицине (использование роботов-хирургов, трансплантация органов и др.), в какой-то степени все больше ущемляя эти права. Широкое использование роботов и систем ИИ ставит перед законодательной системой вызовы, решение которых представляется невозможным без учета множества технических, юридических и нравственных аспектов.

В последние 5–10 лет назрела необходимость на законодательном уровне разграничить права людей и роботов. Пока в мире практически не существует специальных законодательных актов, определяющих статус машин с искусственным интеллектом.

Первые шаги в этом направлении делаются в Европе. В феврале 2016 г. Европарламент принял резолюцию «Нормы гражданского права в робототехнике», в которой парламентарии обратили внимание на важность развития законодательной базы, а также отметили необходимость введения единой системы классификации роботов и общеевропейской системы их регистрации. Большое внимание в документе уделяется этическим принципам. Например, отмечается, что потенциал использования робототехники должен оцениваться с точки зрения отсутствия угроз безопасности и здоровью человека, свободе и неприкосновенности частной жизни.

В Республике Беларусь разработка и применение методов и средств искусственного интеллекта ведется давно. Пионером в сфере распознавания изображений, создания цифровых карт, распознавания и синтеза речи был еще в 70–80-е гг. прошлого века Институт технической кибернетики АН БССР (ныне – Объединенный институт проблем информатики НАН Беларуси). ОИПИ по сей день остается флагманом в данной области. В 2015 г. на его базе создан Межведомственный исследовательский центр искусственного интеллекта. Работы в этом направлении выполняются ведущими вузами республики и рядом других организаций, в числе которых такие известные, как MSQRD, AIMatter, Viber и EPAM. Появилось много стартапов, занимающихся машинным обучением, обработкой естественного языка, компьютерным зрением для медицины, финансового сектора, промышленности, строительства, транспорта, сельского хозяйства, туризма, экологии и других отраслей. Все это базируется на результатах работ отечественных исследователей и успехах образования в этой сфере. Так, в Беларуси много лет проходят международные конференции «Neural Network and Artificial Intelligence», уже состоялось 8 таких мероприятий. Другим примером является проведенный в Минске в 2018 г. по предложению мирового научного сообщества

15-й Международный симпозиум по нейронным сетям, в котором приняли участие многие иностранные ученые. В 2018 г. создано и зарегистрировано Белорусское общественное объединение специалистов в области ИИ.

В Стратегии развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 гг. робототехника и искусственный интеллект названы в числе основных направлений в сфере информационных и коммуникационных технологий [1, с. 40-44].

На сегодняшний день среди особо значимых результатов цифровой трансформации экономики выделяют технологии виртуальной и дополненной реальности. Рост данных технологий, а также их повседневное применение порождает определенные правовые проблемы. Одной из них является определение и эффективность способов защиты авторских и смежных прав в области технологий виртуальной и дополненной реальности нормами права интеллектуальной собственности [2, с. 90, 91, 93].

Технологии виртуальной реальности развиваются с такой скоростью, что законодатель не успевает «угнаться за ними». Правовые проблемы, относящиеся в этой сфере к интеллектуальной собственности, затрагивают как правообладателей, так и пользователей, и третьих лиц. В основном споры, которые возникают в связи с виртуальной реальностью, подпадают под охрану авторских прав [3, с. 509, 514-515, 519-520].

Теоретические исследования эффективности способов защиты авторских и смежных прав в виртуальной среде рассмотрены в работах: О.А. Рузакова, Е.С. Гринь, Е.Е. Богданова, О.А. Славина и др.

Вопрос об обеспечении охраны продуктов использования в виртуальной и дополненной реальности исследуется в юридической литературе. Так, А.И. Савельев предлагает рассматривать виртуальные объекты в качестве иного имущества. Между тем вопросы, связанные с охраной таких объектов с точки зрения интеллектуальной собственности, до сих пор не исследованы [2, с. 90, 91, 93].

Проблема защиты интеллектуальной собственности в виртуальной среде обусловлена тем, что, поскольку виртуальная реальность стремится погрузить пользователей в реалистичный опыт, разработчики могут включить защищенный, прежде всего, авторским правом контент в виртуальный мир, чтобы сделать его более реалистичным. При этом следует обеспечить защищенность авторским правом контента в виртуальных мирах таким же образом, как и в реальном мире [3, с. 509, 514-515, 519-520].

В связи с тем, что технологии AVR функционируют под управлением программного обеспечения, для большинства объектов интеллектуальных прав в области рассматриваемых технологий преимущественное значение имеют превентивные меры защиты. К таким мерам относятся использование договорных механизмов, технических средств защиты интеллектуальных прав, а также иные нетрадиционные способы предотвращения нарушения интеллектуальных прав.

Важным компонентом общей стратегии защиты интеллектуальной собственности в области AVR является эффективное использование договорных механизмов в дополнение к другим формам защиты интеллектуальной собственности. К таким средствам относятся условия обслуживания, а также лицензионные договоры на использование и условия использования.

Рассматриваемые договорные механизмы наиболее эффективны для программного обеспечения (в частности, мобильных приложений) в области AR. Вместе с тем в литературе отмечается, что использование условий обслуживания в играх, реализующих технологии VR, также является очень результативной мерой. Условия использования предоставляют разработчикам VR возможность активно избегать судебных исков со стороны пользователей, которые пытаются отстаивать интеллектуальные права в виртуальных мирах [4, с. 7-9].

Еще одной формой превентивных мер защиты, являются виртуальные арбитражные системы и виртуальные образовательные программы [3, с. 509, 514-515, 519-520].

К преимуществам указанного механизма можно отнести: 1) возможность включения условий о таком разрешении спора в договорные соглашения; 2) гарантированность разрешения спора к концу процесса (в отличие от переговоров и посредничества); 3) наличие процедуры. В споре, регулируемом арбитражными механизмами, сторонний арбитр контролирует процесс и принимает решение о его результате. Таким образом, арбитраж позволяет ускорить процесс разрешения споров; 4) внутриигровой арбитраж уменьшает издержки, которые традиционно сопровождают судебные решения [4, с. 7-9].

В дополнение к арбитражу в виртуальном мире все стороны должны заботиться о повышении осведомленности в правовых вопросах в этой среде, с тем чтобы содействовать созданию виртуальной платформы, открытой для творчества и свободной от правовых споров. Этому могут способствовать как реальные образовательные программы, так и виртуальные.

Такие способы защиты могут рассматриваться в качестве превентивных внесудебных форм. В то же время, безусловно, судебная форма защиты имеет приоритет и в стабильности, в том числе в части отношений, возникающих в виртуальной и дополненной реальности.

В целях защиты интеллектуальных прав в виртуальной среде правообладатели все чаще используют различные технические средства. В наиболее общем смысле под техническими средствами защиты интеллектуальных прав понимаются любые программные или программно-аппаратные средства, которые намеренно ограничивают либо затрудняют различные действия с данными в электронной форме.

Важно отметить, что рассматриваемые средства применяются для защиты авторских прав, а также прав, смежных с авторскими. В связи с этим условно их можно подразделить на средства защиты авторских прав и средства защиты смежных прав.

В настоящее время уровень технического развития достиг таких высот, что авторы и правообладатели могут воспользоваться огромным арсеналом программных или программно-аппаратных средств защиты своих интеллектуальных прав. К ним можно отнести следующие:

- управление цифровыми правами (DRM, Data Rights Management);
- вотермарки (водяные знаки);
- авторско-правовые ловушки.

Технические средства защиты интеллектуальных прав имеют ряд преимуществ: помогают бороться с нарушениями авторских и смежных прав в цифровой

среде и сохранять поступление доходов правообладателей. Таким образом, рассматриваемые инструменты предотвращают «кражу» интеллектуальной собственности.

Вместе с тем, несмотря на явные преимущества использования технических средств защиты в виртуальной среде, данные инструменты обладают рядом недостатков. Так, по мнению оппонентов, на сегодня нет точных доказательств того, что применение рассматриваемых средств защиты действительно помогает предотвратить нарушение авторских и смежных прав. Между тем технические средства защиты влекут неудобства для законных пользователей: крупные компании-правообладатели получают возможность тормозить инновационное развитие и сдерживать конкуренцию на соответствующих рынках. В связи с этим вопрос эффективности использования указанных средств можно признать дискуссионным [3, с. 509, 514-515, 519-520].

Приведённый анализ технологий виртуальной и дополненной реальностей показывает сложный и многогранный характер объектов, задействованных в их реализации. В связи с этим подход к защите прав на рассматриваемые результаты интеллектуальной деятельности должен иметь комплексный характер. Важно отметить, что природа объектов интеллектуальных прав нематериальна, поэтому права на них требуют особой системы способов защиты [4, с. 7-9].

Подводя итоги, следует отметить, что в настоящий момент возникают вопросы по применению способов защиты объектов, создаваемых в технологиях виртуальной и дополненной реальности.

В работе авторами выделены следующие меры по правовой охране рассматриваемых объектов: 1) использование договорных механизмов; 2) технические средства защиты интеллектуальных прав; 3) иные нетрадиционные способы предотвращения нарушения интеллектуальных прав; 4) виртуальные арбитражные системы и виртуальные образовательные программы. Наиболее эффективными механизмами защиты интеллектуальных прав в виртуальной среде можно назвать договорные способы защиты, а также технические средства.

Необходимо констатировать, что широкое разнообразие создания и использования результатов интеллектуальной деятельности в виртуальной среде выявляет проблемы их правовой охраны. Однако, как отмечают Славин О.А., Гринь Е.С., основные институты, которые являются традиционными по охране прав на результаты творческого труда применимы и к результатам, созданным в виртуальной и дополненной реальности.

Несмотря на то, что в статье раскрываются и освещаются способы охраны авторских и смежных прав в области виртуальной и дополненной реальности, проблемы защиты указанных объектов требуют дополнительного изучения и отражения в действующем законодательстве. Целесообразно провести совершенствование нормативной правовой базы, в сфере интеллектуальной собственности. Подготовить и принять кодифицированный нормативный правовой акт регулирующий вопросы охраны объектов интеллектуальной собственности. В кодифицированном акте помимо основных положений должны быть отражены терминологии виртуальной и дополненной реальности, а так же включены юридические нормы, регулирующие порядок защиты авторских и смежных прав в виртуальной среде.

Представляется, что вышеизложенные предложения по охране авторских и смежных прав в области виртуальной и дополненной реальности способствуют регулированию порядка применения традиционных способов защиты объектов, создаваемых в виртуальной среде и могут быть использованы для совершенствования белорусского законодательства.

Список источников

1. Абламейко, М. Правовое регулирование взаимодействия систем искусственного интеллекта и человека [Электронный ресурс] / М. Абламейко, С. Абламейко // Наука и инновации, 2020. № 1 (203). С. 40–44. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-vzaimodeystviya-sistem-iskusstvennogo-intellekta-i-cheloveka/viewer>. – Дата доступа: 01.04.2022.
2. Гринь, Е.С. Формирование базовых моделей охраны технологий виртуальной и дополненной реальности в сфере права интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] / Е.С. Гринь, А.Г. Королева // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103) июнь. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-bazovyh-modeley-ohrany-tehnologiy>. – Дата доступа: 03.06.2021.
3. Рузакова, О.А. Вопросы защиты интеллектуальной собственности в области технологий виртуальной и дополненной реальности (VR, AR) [Электронный ресурс] / О.А. Рузакова, Е.С. Гринь // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 49. С. 502–523. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-49-502-523. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-zaschity-intellektualnoy-sobstvennosti-v-oblasti-tehnologiy-virtualnoy-i-dopolnennoy-realnoy-sti-vr-ar/viewer>. – Дата доступа: 03.06.2021.
4. Славин, О.А. Концепция защиты объектов интеллектуальной собственности, полученных с помощью технологий виртуальной и дополненной реальности [Электронный ресурс] / О.А. Славин, Е.С. Гринь // Труды ИСА РАН. Том 70. 2/2020. – Режим доступа: <http://www.isa.ru/proceedings/images/documents/2020-70-2/3-11.pdf>. – Дата доступа: 03.06.2021.

О НЕОБХОДИМОСТИ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ЗНАНИЙ И ПОВЫШЕНИЯ ПРАВОВОЙ ГРАМОТНОСТИ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

***Аннотация.** В статье подчеркивается необходимость повышения правовой грамотности в сфере интеллектуальной собственности как среди населения в целом, так и среди отдельных категорий: предпринимателей, представителей сферы искусства, молодежи и др. Обращается внимание, что правовые предпосылки для усиления работы в этой сфере созданы в российском законодательстве и отдельные проекты подтверждают успешность проведенных мер, однако их недостаточно. Следует повысить внимание к заявленной проблематике и решать поставленный вопрос системно.*

***Ключевые слова:** правовая грамотность, право интеллектуальной собственности, популяризация знаний, меры государственной политики*

В 2011 году приняты "Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан" [1] подчеркнули важность взятого курса государства на повышение уровня правовой культуры граждан, включая уровень осведомленности и юридической грамотности.

Мерами государственной политики в этой сфере обозначены в том числе обеспечение доступности правовой информации, развитие системы правового просвещения и информирования граждан, развитие практики обучения основам права, разработка учебных курсов, включающих правовую тематику, содействие приобретению и совершенствованию знаний в области права в рамках получения второго высшего профессионального образования, обучения по программам профессиональной переподготовки и повышения квалификации лиц, замещающих государственные и муниципальные должности и иные меры.

Деятельность по повышению правовой грамотности ведомственного характера также значительно расширяется со времен принятия вышеупомянутых Основ, так, например, в 2017 году Минобрнауки России регламентировало значимость проведения мероприятий по повышению правовой грамотности детей, родителей и педагогических работников, участвующих в воспитании детей, направив соответствующие методические рекомендации [2]. Такие примеры можно привести в различных областях регулирования, что свидетельствует об усиленном внимании законодателя к проблеме повышения правовой культуры и правовой грамотности населения.

В рамках обозначенного направления следует отметить особый интерес к повышению правовой грамотности в сфере интеллектуальной собственности и популяризации таких знаний как среди обучающихся различных уровней, так и среди предпринимательского сообщества. Следует признать, что данная тематика остается по настоящее время, пожалуй, одной из самых сложных и среди профессиональных юристов, не говоря уже о ее познании лицами, не имеющими юридического образования.

Нужно признать, что в современном российском обществе правовая грамотность в сфере интеллектуальной собственности и культура охраны прав интеллектуальной собственности находятся на низком уровне и окончательно еще не сложилась, даже владельцы малого и среднего бизнеса иногда не считают нарушением прав копирование картин и размещение их на своей продукции, использование чужих товарных знаков, нет осознания, что некоторые их действия являются нарушением прав в сфере интеллектуальной собственности, многие не видят необходимости в регистрации товарного знака. В контексте повышения уровня правовой культуры в целом, следует уделять внимание воспитанию уважения к чужому интеллектуальному труду. Осложняет понимание и то, что нормы законодательства, регулирующие правоотношения, возникающие по поводу создания и использования объектов интеллектуальной собственности содержат немало субъективизма (понимание степени смешения, определение того, имела ли место переработка объекта интеллектуального права и др.), при этом суд, Роспатент и стороны могут придерживаться разного понимания.

Однако востребованность таких знаний для представителей бизнес-сообщества, преподавателей, ведущих свою образовательную деятельность в данной сфере, лиц, которые занимаются коммерциализацией результатов интеллектуальной собственности, представителей сферы PR и медиа и др. заметно возросла, что отмечается на научно-практических мероприятиях и в отчетах представителей властных структур. Повышенный интерес к данной тематике замечен не только у профессионального сообщества, но и у населения, которое готово повышать свой уровень знаний в сфере интеллектуальной собственности, развивать свои компетентностные способности. Разнообразные предложения по программам повышения квалификации, программам вебинаров и мастер-классов, посвященные вопросам охраны и защиты интеллектуальной собственности появляются все чаще как на базе коммерческих организаций, так и на базе государственных структур.

Так, например, одна из инициатив, имеющих целью поддержку и развитие заявленной тематики, в 2021 году была оформлена Постановлением Правительства от 16 июня 2021 года № 916 «Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета грантов в форме субсидий на оказание государственной поддержки создания и развития центров трансфера технологий, осуществляющих коммерциализацию результатов интеллектуальной деятельности научных организаций и образовательных организаций высшего образования»[3], результатом которой стало получение слушателями по всей стране углубленных знаний по основным положениям законодательства, регулирующего правоотношения в сфере охраны и защиты интеллектуальной собственности.

Произошедшие глобализационные изменения, ковидные и постковидные причины, подтолкнувшие к стремительному переходу на онлайн-общение, использование цифрового контента, и санкционные меры, обнажившие актуальные вопросы защиты товарных знаков, проблемы на рынке интеллектуальной собственности, специфику защиты интеллектуальных прав в цифровой среде только усиливают интерес к повышению грамотности в сфере интеллектуальной собственности. Введенные ограничения по ковиду создали условия для возможности обучить большое количество слушателей в онлайн-режиме.

Большую работу по популяризации знаний об основных положениях интеллектуального законодательства, возможностях защиты результатов интеллектуальной деятельности проводят в настоящее время ВУЗы и такая работа по статистическим данным только увеличивается. На долю вузов и НИИ приходится весомая часть патентной активности по всей России (около 33% всей патентной активности в России), однако при такой внушительной цифре активности, цифры процентного соотношения степени внедряемости значительно меньше [4, с. 56]. Все те же факторы, на наш взгляд, которые влияют на возможности российских вузов и НИИ создавать и приумножать результаты интеллектуальной деятельности, влияют и на эффективность популяризации знаний российского законодательства, регулирующего отношения, возникающего в процессе создания и использования объектов интеллектуальной собственности, к ним можно отнести объём финансирования, научные кадры, инфраструктуру и ресурсно-материальную базу [4, с. 57].

Руководитель Федеральной службы по интеллектуальной собственности Г.П. Ивлиев, в своей статье, посвященной основным направлениям деятельности Правительства Российской Федерации в части развития института интеллектуальной собственности в 2019 году подчеркнул, что «...в России растет вложение ресурсов в инновационную деятельность, но ее результативность – падает. Данная тенденция позволяет сделать вывод, что распределение и использование ресурсов происходит неэффективно. В том числе стагнация уровня патентной активности за последние два года также подтверждает некорректный подход к распределению ресурсов, вложенных в инновации в России» [5]. Представляется, что обозначенная проблема непосредственным образом связана с проблематикой просветительско-популяризационной деятельности в заявленной сфере. На вопрос о возможностях и путях поднятия активностей заявителей по подаче заявок на выдачу патента на изобретение, о преодолении сложностей возможной коммерциализации следует отвечать с запросом на повышение эффективности деятельности по правовому просвещению в сфере интеллектуальной собственности.

Пропаганда Федеральной службой по интеллектуальной собственности (Роспатентом) роли и значения интеллектуальной собственности предусмотрена через информацию на официальном сайте, в официальных аккаунтах соцсетей Роспатента, ФИПС, в СМИ в планах деятельности Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатента). Важность пропаганды и популяризации вопросов правовой охраны и использования результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации является важным элементом сотрудничества Федеральной службы по интеллектуальной собственности с исполнительными органами власти различных регионов, что получило нормативное закрепление в разнообразных соглашениях о сотрудничестве (например, Соглашение о сотрудничестве между Министерством промышленности и торговли Российской Федерации и Федеральной службой по интеллектуальной собственности, заключенное в г. Москве 25.08.2016 № с38/02).

Помимо создания информационно-просветительских порталов в сфере интеллектуальной собственности для разных возрастных групп, проводится непрерывная работа с кадровым потенциалом, ведется работа по формированию цифровой платформы межведомственного взаимодействия.

Для решения заявленных в теме статьи проблем и повышения эффективности деятельности по популяризации знаний о защите интеллектуальных прав в настоящее время нам видится актуальным:

- обсуждение увеличения количества часов по программам повышения квалификации при ВУЗах с проработкой отраслевой специфики для каждой категории слушателей;
- усиление информационно-просветительской работы, начиная с самых основ на базе школьного обучения;
- деятельность по популяризации знаний в области защиты интеллектуальных прав должна носить более системный характер, с учетом единства региональных и федеральных программ, при этом популяризация должна носить как всеобъемлющий характер, так и одновременно характеризоваться точечностью по отдельным категориям граждан и проблематике заявленных правовых проблем;
- в цифровую эпоху актуальность знаний о праве интеллектуальной собственности возрастает в разы, важно формирование целостной картины правового регулирования в области права интеллектуальной собственности с учетом цифровой компетентности современного общества, большой недоработкой в настоящее время является то, что те структуры, которые обучают тому, как создавать и приумножать результаты интеллектуальной деятельности, зачастую, не обучают основам защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности, специфике распоряжения правами на интеллектуальную собственность, превращения продуктов интеллектуальной собственности в актив юридического лица;
- в условиях ограничений в период пандемии коронавирусной инфекции и санкционных ограничений видится полезным проведение встреч с представителями бизнес-сообщества по разъяснению возможных рисков нарушения законодательства об интеллектуальной собственности.

Список источников

1. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168) // Российская газета. – 2011. – № 151.
2. Письмо Минобрнауки России от 03.10.2017 № 09-1995 "О направлении рекомендаций" (вместе с "Методическими рекомендациями по проведению мероприятий по повышению правовой грамотности детей, родителей (законных представителей) и педагогических работников, участвующих в воспитании детей») // Вестник образования России. – 2017. – № 23.
3. Постановление Правительства от 16 июня 2021 года № 916 «Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета грантов в форме субсидий на оказание государственной поддержки создания и развития центров трансфера технологий, осуществляющих коммерциализацию результатов интеллектуальной деятельности научных организаций и образовательных организаций высшего образования» // СЗ РФ. 2021. № 25. Ст. 4828.
4. Казанцев, К.Ю., Черных, С.И. Высшее образование и наука России на рынке интеллектуальной собственности / К.Ю. Казанцев, С.И. Черных // Высшее образование в России. 2019. – Т. 28. – № 12. – С. 53–65.
5. Развитие сферы интеллектуальной собственности в свете «Основных направлений деятельности Правительства РФ до 2024 г.» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rospatent.gov.ru/ru>. – Дата доступа: 15 июня 2022 г.

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ПРАВ НА РЕЗУЛЬТАТЫ,
СОЗДАВАЕМЫЕ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ**

Аннотация. В статье рассмотрены сложившиеся в науке подходы к определению принадлежности прав на результаты, создаваемые искусственным интеллектом. Автор работы анализирует точки зрения ученых на обозначенный вопрос и формулирует собственные предложения по его разрешению. Автор статьи придерживается подхода, предлагающего применять концепцию исключительного права в отношении результатов деятельности искусственного интеллекта и не переводить такие результаты в общественное достояние с момента их создания. Кроме того, автор настоящего исследования предлагает в качестве правообладателей результатов, создаваемых искусственным интеллектом, определить владельцев искусственного интеллекта. Владельцем личных неимущественных прав на результаты деятельности искусственного интеллекта предлагается определить сам искусственный интеллект. Вместе с тем высказывается предложение предусмотреть ряд особенностей реализации личных неимущественных прав, а также предоставить владельцам искусственного интеллекта право на защиту личных неимущественных прав на результаты деятельности искусственного интеллекта.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, результаты интеллектуальной деятельности, личные неимущественные права, исключительное право, автор, искусственный интеллект, результаты деятельности искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект – явление, вызывающее интерес ученых из разных сфер науки и порождающее споры, связанные с многочисленными аспектами использования искусственного интеллекта. Значительный интерес вызывает искусственный интеллект и для правовых исследований. Вопросы наделяния искусственного интеллекта правосубъектностью можно считать уже классическими в научных изысканиях ученых-юристов. Прогрессивными являются исследования, рассматривающие искусственный интеллект в качестве «творца» – автора результатов интеллектуальной деятельности и предлагающие охранять такие результаты в качестве объектов интеллектуальной собственности.

Вместе с тем с практической точки зрения важным является вопрос определения принадлежности прав на результаты, создаваемые искусственным интеллектом, в случае предоставления им правовой охраны в качестве объектов интеллектуальной собственности.

Цель настоящей статьи состоит в определении владельцев прав на результаты, создаваемые искусственным интеллектом. При этом в основе лежит тезис о том, что результаты деятельности искусственного интеллекта могут охраняться в качестве объектов интеллектуальной собственности и в отношении их возникают личные неимущественные и имущественные права.

В научной литературе в настоящее время имеют место две основополагающие точки зрения, касающиеся прав на результаты, создаваемые искусственным интеллектом:

1) предлагается переводить результаты деятельности искусственного интеллекта в общественное достояние с момента их создания [1; 2; 3];

2) предлагается применять концепцию исключительного права в отношении результатов деятельности искусственного интеллекта [4, с. 36; 5, с. 72; 6, с. 170].

Аргументация в рамках первой точки зрения разнообразна. Ее сторонники указывают, в том числе на следующие факты:

– использование в процессе создания результатов деятельности искусственного интеллекта больших объемов информации, которая является культурным и духовным наследием [3];

– отсутствие необходимости в стимулировании искусственного интеллекта для создания результатов [7, с. 1200];

– невозможность искусственного интеллекта осуществлять права на результаты, им создаваемые [2].

Ученые, придерживающиеся второй точки зрения, указывают на недостаточную степень обоснованности первого подхода, чтобы исключить применение концепции исключительного права в отношении результатов, создаваемых искусственным интеллектом. В частности, представители второй точки зрения указывают на следующее:

– необходимо связывать существование прав на результаты деятельности искусственного интеллекта с наличием объекта, а не наличием субъекта – потенциального носителя таких прав. Отсутствие информации о субъекте еще не говорит об отсутствии его самого, а наличие прав в отношении объекта интеллектуальной собственности в таком случае не может ставиться под сомнение [4, с. 35];

– перевод результатов, создаваемых искусственным интеллектом, в общественное достояние с момента их создания лишает создателя, владельца системы искусственного интеллекта, лицо, осуществляющее эксплуатацию такой системы (далее – администратор искусственного интеллекта), стимулов для дальнейшей разработки систем искусственного интеллекта и совершенствования их способностей. Это может привести к снижению инновационной и инвестиционной активности [8, с. 438];

– исключительное право может принадлежать различным субъектам, которые непосредственно не принимали участие в создании объекта интеллектуальной собственности. Когда имеет место зависимость создания результатов деятельности искусственного интеллекта от воли ряда субъектов – администраторов искусственного интеллекта, но в то же время их вклад в конечный результат незначителен, вопрос признания конкретного субъекта правообладателем в отношении результатов, создаваемых искусственным интеллектом, требует отдельного рассмотрения [4, с. 35].

Автор настоящей статьи придерживается второго подхода в вопросе, касающемся прав на результаты, создаваемые искусственным интеллектом.

Следует отметить, что в рамках второй точки зрения среди ученых отсутствует единый подход в части определения конкретного владельца прав на результаты деятельности искусственного интеллекта.

Кроме того, необходимо понимать, что в связи с различной сущностью личных неимущественных и имущественных прав применение единых подходов при определении владельцев личных неимущественных прав и владельцев имущественных прав невозможно.

В связи с тем, что в настоящее время искусственный интеллект не способен осуществлять исключительное право самостоятельно, он закономерно не рассматривается исследователями в качестве потенциального владельца исключительного права на результаты, им создаваемые.

Наиболее часто в литературе в качестве потенциальных владельцев исключительного права на результаты, создаваемые искусственным интеллектом, называют следующих лиц:

- 1) владельцы искусственного интеллекта;
- 2) операторы искусственного интеллекта;
- 3) разработчики искусственного интеллекта;
- 4) лица, обнаружившие результаты деятельности искусственного интеллекта.

По мнению Ш. Яниски-Равид, поскольку никто из лиц, участвующих в создании искусственного интеллекта, не может претендовать на права в отношении результатов, создаваемых искусственным интеллектом, то права могут быть закреплены за любым из администраторов искусственного интеллекта [9].

На практике такая позиция может найти отражение при закреплении в законодательстве обязанности администраторов искусственного интеллекта заключать соглашение, в котором необходимо отразить распределение прав в отношении результатов, создаваемых искусственным интеллектом.

Полагаем, такой подход создает дополнительные сложности для администраторов искусственного интеллекта, которые будут вынуждены принимать меры по заключению соглашения, а в случае отсутствия такого соглашения принадлежность прав на результаты, создаваемые искусственным интеллектом, будет неясна, что может затруднить коммерциализацию таких результатов. С учетом изложенного представляется, может быть найден более разумный подход к определению принадлежности исключительного права на результаты деятельности искусственного интеллекта.

По мнению некоторых ученых, права на результаты деятельности искусственного интеллекта следует закрепить за операторами искусственного интеллекта, поскольку от них зависит, какие команды искусственный интеллект получает [10]. Другие же ученые называют операторов искусственного интеллекта наименее вероятными обладателями прав на результаты, создаваемые искусственным интеллектом, так как их вклад в итоговый результат не является творческим [11, с. 616].

По нашему мнению, операторы искусственного интеллекта не являются наиболее предпочтительными правообладателями результатов деятельности искусственного интеллекта. Вместе с тем в основу вывода о невозможности наделения конкретного субъекта исключительным правом на результат, создаваемый искусственным интеллектом, на наш взгляд, не может быть положен тезис об отсутствии с его стороны творческого вклада. Полагаем, аспекты, касающиеся творческого вклада, должны учитываться лишь при определении автора

результатов и принадлежности личных неимущественных прав, соответственно. Признание же владельцем исключительного права на результаты деятельности искусственного интеллекта не должно основываться на наличии или отсутствии творческого вклада.

В.Н. Синельникова и О.В. Ревинский в своих исследованиях указывают, что права на результаты, создаваемые искусственным интеллектом, должны принадлежать разработчику искусственного интеллекта, поскольку именно разработчики заложили все функции искусственного интеллекта [12, с. 18].

Полагаем, такой подход имеет ряд недостатков:

– в случае передачи прав на искусственный интеллект отслеживание процесса создания результатов искусственным интеллектом скорее всего вызовет затруднение у разработчиков [13, с. 14];

– наделение правами физического лица, которое только «создает потенциальную возможность», но не сам результат, не соответствует традиционным принципам интеллектуальной собственности [10];

– кроме алгоритмов, заложенных программистами, искусственный интеллект может самостоятельно формировать сведения и выработать собственные модели поведения.

К. Христов и Ш. Яниски-Равид предлагают применять концепт служебного произведения, то есть рассматривать искусственный интеллект как наемного работника, а исключительное право закрепить за разработчиками искусственного интеллекта [8, с. 431–454; 9].

На наш взгляд, концепт служебного произведения может применяться при определении правообладателей результатов, создаваемых искусственным интеллектом, однако предлагаем вместо разработчиков искусственного интеллекта исключительным правом наделять владельцев искусственного интеллекта.

Следует отметить, что владельцы искусственного интеллекта чаще всего предлагаются учеными в качестве правообладателей результатов деятельности искусственного интеллекта [14, с. 15; 15, с. 14]. Р.Б. Абботт, например, называет такой вариант «наилучшим из возможных» [16, с. 1114].

Представляется, что при определении принадлежности исключительного права на результаты, создаваемые искусственным интеллектом, следует исходить из того, какое лицо сможет обеспечить максимальную экономическую эффективность от реализации исключительного права [7, с. 1226].

С учетом приведенных позиций, сформировавшихся среди ученых, наиболее целесообразным видится закрепление исключительного права на результаты, создаваемые искусственным интеллектом, за владельцами искусственного интеллекта.

Представляется, что владелец искусственного интеллекта обладает ресурсами для контроля за созданием результатов искусственным интеллектом, а также ресурсами для коммерциализации таких результатов. Кроме того, такое решение будет способствовать правовой определенности.

Полагаем возможным отметить, что определение владельца искусственного интеллекта в качестве правообладателя результатов деятельности искусственного интеллекта в целом вписывается в концепцию имущественных прав, которые могут принадлежать не только автору, но и иным правообладателям.

Если говорить о принадлежности личных неимущественных прав на результаты, создаваемые искусственным интеллектом, то определить владельца личных неимущественных прав значительно сложнее.

По общему правилу, личные неимущественные права могут принадлежать только автору и не могут быть переданы иным лицам.

Интерес представляет опыт Великобритании, где несмотря на признание авторами лиц, которыми осуществляются необходимые для создания компьютером произведения действия, их личные неимущественные права ограничены. Аналогичные подходы заложены в законодательстве, в том числе Новой Зеландии [17] и Ирландии [18], например.

По мнению Д. Вавера, ограничение личных неимущественных прав «условных авторов» направлено на защиту объекта инвестиций от недобросовестных действий [19, с. 165]. Кроме того, представляется, сделана попытка сохранить классическое содержание личных неимущественных прав.

Вместе с тем природа результатов, создаваемых искусственным интеллектом, отличается от природы результатов, создаваемых компьютером, поскольку для первых характерна высокая степень автономности искусственного интеллекта, алгоритмы которого, безусловно, заложены человеком, однако само совершенствуются в процессе деятельности искусственного интеллекта. В связи с этим подход к правовому регулированию, имеющий место в отношении результатов, создаваемых компьютером, не следует рассматривать в качестве эталонного при закреплении правового регулирования принадлежности личных неимущественных прав на результаты, создаваемые искусственным интеллектом.

По мнению Е.П. Сесицкого, не следует закреплять право авторства и иные личные неимущественные права за кем-либо [6, с. 170].

В свою очередь автор настоящей статьи придерживается позиции, что искусственный интеллект необходимо признавать в качестве автора, а также следует юридически закрепить за искусственным интеллектом личные неимущественные права на результаты, им создаваемые [20, с. 264]. Представляется, что такой подход не нарушит сложившейся системы интеллектуальной собственности.

Предлагается рассмотреть вопрос личных неимущественных прав на результаты, создаваемые искусственным интеллектом, на примере авторского права с учетом того, что выводы в части права авторства применимы к результатам, создаваемым искусственным интеллектом в сфере права промышленной собственности.

Простое закрепление за искусственным интеллектом личных неимущественных прав не будет иметь никакого практического эффекта, поскольку искусственный интеллект не сможет личные неимущественные права реализовывать и, соответственно, осуществлять надлежащую охрану результатов своей деятельности. В связи с этим предлагается владельцев искусственного интеллекта определять в качестве представителя автора – искусственного интеллекта. Такое решение позволит владельцу искусственного интеллекта обращаться за защитой личных неимущественных прав на результаты, создаваемые искусственным интеллектом.

Также представляется целесообразным закрепить за владельцем искусственного интеллекта возможность осуществлять следующие личные неимущественные права автора: право на неприкосновенность произведения, право на обнародование и право на отзыв.

Такое ограниченное предоставление владельцам искусственного интеллекта личных неимущественных прав на результаты деятельности искусственного интеллекта обусловлено тем, что указанные личные неимущественные права влияют на само произведение, его качества. Без наделения какого-либо лица указанными личными неимущественными правами эффективное использование результата, создаваемого искусственным интеллектом затруднительно или даже невозможно, что обесценивает само произведение. Например, без реализации права на обнародование использование произведения в целом невозможно.

Полагаем, предоставление владельцу искусственного интеллекта возможности осуществлять право на неприкосновенность произведения, право на обнародование и право на отзыв можно сравнить с ограничениями некоторых личных неимущественных прав автора служебного произведения, которые закреплены в настоящее время в Законе Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-3 «Об авторском праве и смежных правах» [21].

Предоставление владельцу искусственного интеллекта возможности осуществлять право авторства и право на имя представляется нецелесообразным. В то же время в случае нарушения указанных прав владелец искусственного интеллекта должен обладать правом на защиту, так как искусственный интеллект самостоятельно свои права защитить не может.

Полагаем, предоставление владельцам искусственного интеллекта возможности обращаться за защитой личных неимущественных прав на результаты деятельности искусственного интеллекта, а также возможности осуществлять некоторые личные неимущественные права необходимо в целях эффективной правовой охраны результатов, создаваемых искусственным интеллектом [22, с. 340].

Таким образом, в настоящее время существуют два основных подхода, касающихся прав на результаты, создаваемые искусственным интеллектом: переводить такие результаты в общественное достояние с момента их создания или применять к ним концепцию исключительного права.

По нашему мнению, в отношении результатов деятельности искусственного интеллекта следует закрепить исключительное право.

В научной литературе рассматриваются различные субъекты, которые могут быть потенциальными правообладателями результатов, создаваемых искусственным интеллектом. Чаще всего к таким субъектам относят владельцев искусственного интеллекта, операторов искусственного интеллекта, разработчиков искусственного интеллекта, лиц, обнаруживших результаты деятельности искусственного интеллекта.

Поскольку искусственный интеллект не обладает способностью осуществлять права самостоятельно, он не рассматривается учеными в качестве претендента на правообладателя результатов, им создаваемых.

На наш взгляд, наиболее удачным решением будет закрепление исключительного права на результаты деятельности искусственного интеллекта за владельцем искусственного интеллекта, поскольку владелец искусственного интеллекта обладает достаточными ресурсами контроля за деятельностью искусственного интеллекта, в связи с чем способен осуществить коммерциализацию результатов наиболее эффективным образом.

Владельцем личных неимущественных прав на результаты, создаваемые искусственным интеллектом, предлагается признать сам искусственный интеллект. При этом в целях эффективной правовой охраны и эффективного использования результатов, создаваемых искусственным интеллектом, следует предоставить владельцам искусственного интеллекта возможность осуществлять право на неприкосновенность произведения, право на обнародование и право на отзыв, а также право обращаться за защитой личных неимущественных прав на результаты деятельности искусственного интеллекта.

Список источников

1. Perry, M. From Music Tracks to Google Maps: Who Owns Computer-Generated Works? [Electronic resource] / M. Perry, T. Margoni // CORE. – Mode of access: <https://core.ac.uk/download/pdf/46560343.pdf>. – Date of access: 01.06.2022.
2. Леанович, Е.Б. Искусственный интеллект на практике и в праве интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] / Е.Б. Леанович // Беларусь в современном мире: материалы XVII Междунар. науч. конф., посвящ. 97-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 26 окт. 2018 г. Электронная библиотека БГУ. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/215895/1/124-125.pdf>. – Дата доступа: 01.06.2022.
3. Gain, B. When Machines Create Intellectual Property, Who Owns What? [Electronic resource] / B. Gain // Intellectual Property Watch. – Mode of access: <https://www.ip-watch.org/2017/02/16/machines-create-intellectual-property-owns/>. – Date of access: 01.06.2022.
4. Шматова, М. Результаты деятельности искусственного интеллекта и общественное достояние / М. Шматова // Интеллектуальная собственность в Беларуси. – 2021. – № 1 (89). – С. 32–37.
5. Blok, P. The Inventor's New Tool: Artificial Intelligence. How Does It Fit in The European Patent System? / P. Blok // European Intellectual Property Review. – 2017. – Vol. 39, №2. – P. 69–73.
6. Сесицкий, Е.П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта : дис. ... канд. юр. наук. : 12.00.03 / Е.П. Сесицкий. – Москва, 2018. – 218 л.
7. Samuelson, P. Allocating Ownership Rights in Computer-Generated Works / P. Samuelson // University of Pittsburgh Law Review. – 1986. – Vol. 47, № 4. – P. 1185–1228.
8. Hristov, K. Artificial Intelligence and the Copyright Dilemma / K. Hristov // IDEA: The Intellectual Property Law Review. – 2017. – Vol. 57, № 3. – P. 431–454.
9. Yanisky-Ravid, S. Generating Rembrandt: artificial intelligence, Copyright, and Accountability in the 3A Era—The Human-Like Authors Are Already Here—A New Model [Electronic resource] / S. Yanisky-Ravid // SSRN. – Mode of access: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2957722. – Date of access: 01.06.2022.
10. Böhler, H.M. EU Copyright Protection of Works Created by Artificial Intelligence Systems [Electronic resource] / H.M. Böhler // Bergen Open Research Archive. – Mode of access: https://bora.uib.no/bora-xmlui/bitstream/handle/1956/16479/JUS399_V17_183.pdf?sequence=1&isAllowed=y. – Date of access: 01.06.2022.
11. Davies, C.R. An Evolutionary Step in Intellectual Property Rights – Artificial Intelligence and Intellectual Property / C.R. Davies // Computer Law and Security Review. – 2011. – Vol. 27, № 6. – P. 601–619.
12. Синельникова, В.Н. Права на результаты искусственного интеллекта / В.Н. Синельникова, О.В. Ревинский // Копирайт. – 2017. – № 4. – С. 17–27.
13. Modkova, A. The Robot Revolution – Reinventing Inventorship / A. Modkova, H. Vara // Intellectual Property Forum. – 2018. – № 111. – P. 11–18.
14. Abbott, R.B. Patenting the Output of Autonomously Inventive Machines / R.B. Abbott // Landslide. – 2017. – Vol. 10, № 1. – P. 9–19.
15. Гурко, А. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее / А. Гурко // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 12. – С. 7–18.
16. Abbott, R. I Think, Therefore I Invent: Creative Computers and the Future of Patent Law / R. Abbott // Boston College Law Review. – 2016. – Vol. 57, № 4. – P. 1079–1126.

17. New Zealand. Copyright Act [Electronic resource] // New Zealand Legislation. – Mode of access: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/1994/0143/latest/DLM345634.html>. – Date of access: 01.06.2022.
18. Ireland. Copyright and Related Rights Act [Electronic resource] // ISB. – Mode of access: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/2000/act/28/enacted/en/html>. – Date of access: 01.06.2022.
19. Vaver, D. Translation and Copyright: A Canadian Focus / D. Vaver // European Intellectual Property Review. – 1994. – Vol. 16, № 4. – P. 159–166.
20. Шматова, М.В. О необходимости признания искусственного интеллекта автором / М.В. Шматова // Интеллектуальная собственность в современном мире: вызовы времени и перспективы развития : Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 20 октября 2021 г.). В 2 ч. Ч. 2 / под ред. В.А. Рябоволова. – Минск : Альфа-книга, 2021. – С. 260–266.
21. Об авторском праве и смежных правах [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 17 мая 2011 г., № 262-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2022.
22. Шматова, М.В. Права на результаты деятельности искусственного интеллекта как потенциальные объекты авторского права» / М.В. Шматова // Сборник научно-практических статей V Международной научно-практической конференции (симпозиума) «Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал». – Краснодар, 2021. – С. 336–341.

Ю.А. Щепочкина

АНКЕТА ДЛЯ ОЦЕНКИ ИЗОБРЕТАТЕЛЬСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

***Аннотация.** Работа с кадрами должна проводиться с опережением по отношению к научно-технической деятельности, так как кадровая политика сегодня определяет завтрашний уровень исследовательской и проектной работы, ее качество и эффективность.*

Отмечено, что в последние годы большие надежды возлагаются на, так называемый, искусственный интеллект, однако практически бесконечные возможности изобретательства исключают искусственное воспроизведение этого процесса конечными средствами, в том числе и с помощью электронно-вычислительных машин.

Сегодня поиск изобретательских идей в процессе научно-технического творчества особенно актуален, ибо только после нахождения такой идеи проводится детальное конструирование какого-либо объекта. Трудности практической реализации изобретений, их внедрения в массовое производство можно объяснить тем, что еще не до конца отработан экономический механизм, который ставил бы в предпочтительное положение предприятия, борющиеся за совершенствование техники и технологии, за выпуск продукции, наиболее отвечающей современным требованиям.

Предложена анкета для оценки изобретательского потенциала организации в целом, ее структурных подразделений и отдельных групп работников. Анкетирование может быть проведено в нескольких организациях, входящих в состав отдельной отрасли.

***Ключевые слова:** организация, анкета, изобретательский потенциал.*

От труда изобретателей, создателей новшеств, зачастую зависит эффективное развитие образовательных, научных, промышленных и других организаций. При этом стимулировать изобретательский труд в ряде случаев весьма сложно [1]. Отсюда недооценка новшеств, отказ от патентования новых разработок [2, 3], низкий процент их внедрения, а также низкий уровень наукоемкости внутреннего валового продукта (например, в Республике Беларусь 0,7%, в то время как в развитых странах этот показатель составляет 2-3% [4]).

Как правильно отмечал известный изобретатель В.М. Мухачев, «надоощрять изобретательство и для научной и изобретательской деятельности готовить специалистов с самым широким кругозором из числа людей, уже зарекомендовавших себя изобретениями». Конечный результат (выход научного продукта) зависит не от числа, а от творческих способностей изобретателей.

Работа с кадрами должна проводиться с опережением по отношению к научно-технической деятельности, так как кадровая политика сегодня определяет завтрашний уровень исследовательской, конструкторской и проектной работы, ее качество и эффективность. Как известно, подбор, воспитание и управление научными и творческими кадрами состоит из следующих элементов: планирования и прогнозирования потребности в них; формирования и подготовки

резерва на выдвижение; оценки личных и деловых качеств сотрудников; постоянного повышения квалификации специалистов; укрепления дисциплины и ответственности работников; совершенствования системы материального стимулирования; автоматизации учета кадров.

Рационализация творческой деятельности идет обычно по трем направлениям: максимальная мобилизация творческих возможностей личности; разделение творческой деятельности на этапы; целенаправленное использование специальных приемов творческой переработки знаний. Таким образом, для того чтобы планировать интеллектуальный процесс труда, нужно установить какие знания и данные необходимо получить самим, а какие выбрать из накопленного опыта (библиотеки, сети Интернет и т.п.), в какой последовательности обрабатывать информацию. Выбирая и корректируя творческую задачу, отыскивая проблемы и пути их устранения, изобретатель постоянно сталкивается с вопросом возможности, невозможности или бесполезности того или иного решения. Чаще всего человек выбирает привычное направление, ориентируясь на собственные знания и опыт, на мнение авторитетов и окружающих, на неоспоримость укоренившихся утверждений. Следует также учитывать, что шанс поймать хорошую идею очень мал, поэтому изобретатель должен быть готов не только к успеху, но и к неудаче.

Значительное влияние на творческий процесс может оказать переоценка или недооценка сложности проблемы, а также излишняя забота о сохранении своей психологической безопасности (боязнь показаться смешным или глупым). Многие люди не могут преодолеть психологический барьер, то есть высказать какие-либо идеи, опасаясь негативного к себе отношения. Все это свойственно человеческому мышлению. Определенный вред творческому процессу наносят, так называемые, словесные приемы скептиков. Приведем некоторые примеры: «Хорошая идея, но...», «А надо ли это сейчас, пришло ли для этого время?», «Не противоречит ли это накопленному опыту?», «Кто-то уже сделал или пытался сделать такое...», «Неужели не могли придумать ничего лучше?», «Теоретически да, но...», «Не будет ли это слишком дорого?», «Разве может быть так дешево и так хорошо?», «Если это так хорошо, почему же до сих пор еще никто так не делал?», «Мы и без вас всегда так делали!», «Так мы еще никогда не делали и всегда все было хорошо!», «Это нужно бы основательно обдумать...», «Неужели вы знаете это лучше нас?», «Знающие специалисты имеют об этом совершенно другое мнение!», «Если за границей сделать не могут, то думаете, что у вас получится?», «Даже и не говорите об этом с руководством...» и т.п.

Изобретатель должен быть готов к ответу на подобные замечания.

Приемы преодоления психологических барьеров обычно состоят в следующем: сомнение в эффективности привычных способов решения проблемы; склонность к экспериментированию; приобретенный с годами научный опыт; тщательная подготовка, изучение необходимой литературы; погруженность в проблему или, наоборот, краткосрочный уход от проблемы (отдых); письменное изложение мыслей; обмен мыслями с коллегами, друзьями; жесткие сроки сдачи работы или отсутствие их. Каждому изобретателю полезно составлять личную картотеку, в которой рекомендуется отражать неожиданные (оригинальные) приемы решения изобретательских задач.

В последние годы большие надежды возлагаются на, так называемый, искусственный интеллект. Заметим, что еще в 60-е годы прошлого века была популярна идея эвристического программирования. Суть ее состоит в том, чтобы электронно-вычислительная машина по определенным правилам из огромного числа вариантов отбирала только небольшое их количество, необходимое для решения изобретательской задачи. Для этого даже были созданы специальные программы, например, «Общий решатель проблем». Проверка таких программ еще в бывшем СССР показала их бесполезность. О работе электронно-вычислительной машины академик Г.С. Поспелов сказал, что «она как будто, я подчеркиваю, – как будто – работает творчески... лишь следует составленной человеком программе, слепо подчиняясь ей». Практически бесконечные возможности изобретательства исключают искусственное воспроизведение этого процесса конечными средствами, в том числе и с помощью электронно-вычислительных машин. Системы, стремящиеся найти алгоритм изобретения, основаны на непонимании практической непостижимости мыслительного процесса изобретательства.

По отношению к конкретному человеку изобретать – значит придумывать такие объекты, которые для него являются новыми, дают какой-то неожиданный эффект (результат). Творческий процесс всегда индивидуален. Необходимо воображение и внутренняя мотивация, внимательность к реальной действительности. Творчество определяется и личными качествами изобретателя, и условиями, в которые он поставлен обстоятельствами жизни, и родом занятий, и получаемыми заданиями, и сложившимися интересами, и местом в рабочем коллективе, и багажом знаний. Лишь последовательно упорядоченный процесс обеспечивает появление новых идей, решение инженерных задач и создание новой техники и технологий. В поисковой научной работе важно не замыкаться лишь на результатах и фактах, которые лежат на поверхности изучаемой проблемы. Необходимо учитывать и, так называемые, косвенные факторы (например, «привязка» разработки к уже существующей технологической линии). Поиск изобретательских идей в процессе научно-технического творчества сегодня особенно актуален, ибо только после нахождения такой идеи проводится детальное конструирование какого-либо объекта. В результате экспериментов появляется возможность сформулировать направления продолжения работы, выявить узлы или компоненты технического решения, по которым необходима более детальная проработка. Нельзя упускать из внимания и принцип технологичности – новое техническое решение должно быть таким, чтобы его можно было изготовить при помощи существующих средств производства и на основе имеющихся производственных навыков.

Особняком стоит проблема создания изобретений в крупных коллективах, объединенных организацией. Важная роль организации определяется в первую очередь правильностью выбора главных направлений научных исследований, проектно-конструкторских разработок и ценностью полученных при этом результатов. Совершенствование процесса осуществляется, прежде всего, путем создания производственных и научно-производственных объединений, выступающих в качестве основного звена. При этом учитываются общность технологии и территориальное расположение объединяемых предприятий и организаций,

характер выпускаемой ими продукции, необходимость комбинирования производства, комплексной переработки сырья, а также наличие устойчивых кооперированных связей, причем не только уже сложившихся, но и намечающихся в перспективе. Прикладные научно-исследовательские учреждения, конструкторские бюро и проектные институты призваны разрабатывать конструкции машин и механизмов, технологии производства новых продуктов или усовершенствовать технологии получения известных. Роль объединений в производственном процессе обуславливает необходимость предоставления им широкой самостоятельности в организации изобретательской деятельности. Она должна быть ограничена лишь требованиями, обеспечивающими интересы общества в целом (охрана окружающей среды, продовольственная безопасность и другое). Объединения не только создают благоприятные условия для ускорения концентрации и специализации производства в самых широких масштабах, но и способствуют дальнейшему укреплению связи науки с производством. Трудности практической реализации изобретений, их внедрения в массовое производство можно объяснить тем, что еще не до конца отработан экономический механизм, который ставил бы в предпочтительное положение предприятия, борющиеся за совершенствование техники и технологии, за выпуск продукции, наиболее отвечающей современным требованиям.

Важнейшим условием приведения в действие резервов, например, вузовской науки является кооперация научных коллективов высшей школы и отраслей промышленности, создание эффективного организационно-экономического механизма, который должен охватывать все стадии разработок от научного поиска до изготовления экспериментальных образцов изделий и возможного их использования в серийном производстве. Весь исследовательский процесс в вузе следует преобразовать в замкнутый цикл, подчиненный конечным результатам. Возможно создание в рамках высшей школы специализированных внедренческих организаций для выявления, отбора и оценки наиболее удачных изобретений. Перспективным является создание учебных научно-производственных объединений, которые позволили бы в рамках одного комплекса сконцентрировать подготовку специалистов, выполнять научные разработки и осуществлять их апробацию и реализацию. К сожалению, далеко не все вузы охвачены плодотворной кооперацией, узка и замыкается порой в рамках кафедральных интересов научно-исследовательская тематика, ощущается нехватка производственных площадей и оборудования, в том числе, экспериментального. Решение этих задач позволило бы значительно повысить изобретательский потенциал и усилить результативность науки.

С целью оценки изобретательского потенциала организации в целом, ее структурных подразделений и отдельных групп работников нами предлагается использовать анкету, при разработке которой соблюдались следующие требования: логическая форма вопроса, краткость, комплексность и сбалансированность содержания текста.

Ниже приведена упомянутая анкета, состоящая из двух блоков, первый из которых не обязателен для заполнения, второй является обязательным. Анкетирование может быть как анонимным, так и именованным (с согласия работника). Анкетирование должно быть проведено с участием патентоведов.

Блок 1

1. Фамилия, имя, отчество.
2. Возраст.
3. Образование.
4. Ученая степень, звание.
5. Общий стаж работы.
6. Стаж работы в данной организации.
7. Дополнительные сведения (по желанию анкетированного).

Блок 2

1. Понимаете ли Вы цели и значение изобретательства?
 - понимаю;
 - недостаточно понимаю;
 - не вижу смысла в этом.
2. Интересуетесь ли Вы техническими новшествами?
 - во всех областях;
 - в одной области;
 - не интересуюсь.
3. Возникали ли у Вас при испытаниях, обследовании машин, оборудования, при работе с приборами мысли о конкретных технических решениях тех или иных устройств, которые на Ваш взгляд, были бы лучше существующих?
 - возникают постоянно;
 - иногда возникают;
 - никогда не возникало.
4. Занимались ли Вы разработкой каких-либо новых приспособлений, устройств, схем, способов в ходе выполнения работы?
 - да;
 - нет.
5. Занимались ли Вы разработкой каких-либо новшеств во внерабочее время?
 - да;
 - нет.
6. Составлялись ли Вами заявки на предполагаемые изобретения?
 - да;
 - нет;
 - планируется.
7. Ваши разработки созданы
 - в соавторстве;
 - единолично;
 - часть в соавторстве, часть единолично;
 - разработок нет.
8. Оказывалась ли Вам помощь со стороны администрации в части создания нового приспособления, устройства, опытного образца, прибора?
 - оказывалась консультативная помощь;
 - оказывалась материальная помощь;
 - помощь не оказывалась;

- встречалось неприятие и препятствие в реализации замысла;
- помощь не нужна;
- разработок нет.

9. Причины, по которым Вы отказались от составления заявки на предполагаемое изобретение:

- неудачный опыт Ваших коллег;
- возможность Вашей неудачи;
- большие затраты времени и средств;
- отсутствие необходимых знаний для составления заявки;
- отсутствие необходимой помощи со стороны администрации;
- хлопоты с внедрением новшества;
- сомнения в возможности получения должного вознаграждения;
- другие причины (по возможности указать);
- разработок нет.

10. Помещались ли Ваши разработки в каких-либо отчетах, статьях?

- да;
- нет;
- планируется.

11. Получены ли Вами патенты на изобретения?

- да;
- нет.

12. Запатентованы ли Ваши разработки за рубежом?

- да;
- нет;
- планируется.

13. Поддерживаются ли в силе полученные Вами патенты?

- да;
- нет.

14. Ваши изобретения внедрены в Республике Беларусь?

- да;
- нет;
- планируются к внедрению.

15. Ваши изобретения внедрены за рубежом?

- да;
- нет;
- планируются к внедрению.

16. На Ваш взгляд новые разработки в первую очередь следует внедрять

- в Республике Беларусь;
- за рубежом.

17. Внедрением изобретений, по Вашему мнению, должны заниматься

- авторы;
- организация, в которой они созданы;
- заинтересованные организации;
- специализированные внедренческие организации.

18. Ваши предложения по стимулированию изобретательского труда, созданию новшеств, публикациям.

Анкету рекомендуется представить для заполнения в электронном виде, либо отпечатать на бланках. Собранные анкеты статистически обрабатывают по всем показателям блока 2. Возможна обработка показателей блока 1.

Разработанная анкета позволяет оценить изобретательский потенциал организации в целом, ее структурных подразделений и отдельных групп работников. Анкетирование может быть проведено как в одной, так и в нескольких организациях, входящих в состав отдельной отрасли. По результатам обработки принимают необходимые решения, например, о создании творческих групп, патентовании изобретений за рубежом и т.п.

В заключение отметим, что для стимулирования создания новшеств в организации (нескольких организациях, входящих в одну отрасль) необходим комплексный подход с учетом изобретательского потенциала, обеспечения материально-технической базой, своевременного отбора, апробации, патентования и внедрения наиболее перспективных разработок.

Список источников

1. Щепочкина, Ю.А. Изобретения и инновационные процессы / Ю.А. Щепочкина // Современные инновации в науке и технике. – Курск: ЮЗГУ, 2018. – С. 297-299.
2. Щепочкина, Ю.А. Формирование у студентов навыков защиты интеллектуальной собственности / Ю.А. Щепочкина // Высшее образование сегодня. – 2018. – № 2. – С. 28-29.
3. Крутых, А.А. Научно-методическое обоснование открытия переподготовки по специальности «Патентование» / А.А. Крутых // Инновационные технологии в инженерном образовании. – Минск: БНТУ, 2011. – С. 39-41.
4. Гиль, О.М. Анализ российского опыта функционирования центров трансфера технологий / О.М. Гиль, О.В. Козунова // Интеграция учебного процесса в технических университетах с инновационной деятельностью предприятий. – Минск: Тесей, 2008. – С. 38-43.

СМЕЖНЫЕ ПРАВА: ПРИНЦИПЫ И ПРИЗНАКИ

***Аннотация.** В настоящей статье рассматриваются принципы и признаки института смежных прав с учетом имеющихся тенденций его трансформации, на основе проведенного анализа делается вывод о возможных изменениях рассматриваемых принципов и признаков.*

***Ключевые слова:** Смежные права, исполнения, фонограммы, передачи организаций вещания, принципы смежных прав, признаки смежных прав.*

Интернет и цифровизация вносят свои коррективы в развитие некоторых институтов права интеллектуальной собственности. Тенденции трансформации подвержен и институт смежных прав, поскольку именно объекты, охраняемые этим институтом, являются значительной частью контента, используемого в быстро развивающейся сети Интернет, а юридико-техническая архитектура указанного института удобна для охраны новых объектов, что делает исследование института смежных прав актуальным.

Любой институт строится на основополагающих началах - принципах, которые в свою очередь влияют на те характерные черты (признаки), которые присущи соответствующему институту. Трансформация института смежных прав в связи с развитием общественных отношений в цифровой среде может повлечь изменение не только в признаках, но и в принципах, в зависимости от существенности изменений, которые претерпит институт смежных прав.

Целью настоящей статьи является исследование принципов и признаков института смежных прав, анализ имеющихся тенденций их изменения с прогнозированием возможных направлений таких изменений.

По мнению Д. Липчик, термин «смежные права», который хотя и не несет в себе каких-либо теоретических обоснований, со временем стал использоваться повсеместно [11, с. 302]. Иными словами, три неоднородные, но по своей сути схожие, категории прав - исполнительские, фонограммные и вещательные, - были объединены в одну большую группу под одним названием, которое в любом языковом варианте не несет в себе какой-либо сущностной нагрузки [1].

На наш взгляд, термин «смежные права» не нуждается в какой-либо особой этимологической расшифровке, раскрывающей общие черты, характерные для всех категорий смежных прав, и дающей их сущностное обоснование. **Во-первых**, сами категории смежных прав неоднородны. Исполнительские права, например, включают в себя как личные неимущественные, так и имущественные права. Права производителей фонограмм и организаций вещания только имущественные. **Во-вторых**, деление на три категории по критерию творчества весьма условно, поэтому в законодательствах многих стран число объектов, относимых к смежным правам, различно. Исполнения, фонограммы и передачи организаций вещания считаются классическими объектами смежных прав, которые признаны как в национальных законодательствах большинства стран романо-германской юридической традиции, так и в международных договорах о смежных правах,

в частности в Римской конвенции [2]. Однако австрийский закон об авторском праве 1936 г. к «смежным правам» отнес, например, также права на фотографии, письма-послания и портреты, рассказы и названия литературных и художественных произведений; итальянский закон 1941 г. - права на эскизы театральных декораций, фотографии, литературную переписку и портреты, технические чертежи, названия произведений, рубрик, фигурирующих в печатных изданиях, внешний вид произведений, статей и рассказов [3, с. 303].

Смежные права в настоящее время понимаются как **преимущественно имущественные права** представителей концертного и медиабизнеса в отношении результатов их деятельности по распространению в том числе в сети Интернет, произведений, выступлений артистов, трансляций спортивных мероприятий и иной информации в виде звуков и изображений. Личные неимущественные права «добавляются» к правам исполнителей, поскольку те вносят еще творческий вклад в произведения, «пропуская» его через свою личность при исполнении.

Формирование института смежных прав было обусловлено двумя причинами: **во-первых**, практической необходимостью охраны прав и интересов лиц, участвующих в донесении до массовой публики произведений науки, литературы и искусства. Исполнитель, производитель фонограмм и вещательная организация являются пользователями произведений, но традиционная схема взаимоотношений автор-пользователь в данном случае не сработала, поскольку данные лица стали вкладывать свою часть творческих, организационных, технических и материальных усилий в создание таких продуктов, как исполнение, фонограмма, передача организации вещания. Этим трем категориям пользователей потребовалось предоставление особой категории прав, производных от авторских, но не сводящихся к полученным по авторским договорам [4, с. 329]. Таким образом, первой причиной появления института смежных прав стало **обеспечение продвижения среди аудитории отдельных видов произведений, которые могут быть представлены в виде звуков и изображений**, путем наделяния лиц, осуществляющих такое продвижение, имущественными правами, которые можно реализовывать как товар, извлекая преимущество на рынке.

Во-вторых, организации и физические лица, работающие с аудио- и видеоконтентом, стали нуждаться в **защите своих вложенных капиталов** вследствие злоупотреблений в области фиксации и тиражирования звуков и изображений другими лицами, которые стали более доступными на фоне общего развития техники и информационных технологий. Таким образом, именно защита вложенных капиталов (как творческих, так и материальных) явилась второй причиной появления института смежных прав.

Рассмотренные причины появления института смежных прав стали принципами этого института, отражающие его особенности по сравнению с институтом авторского права, многие принципы которого «перешли по наследству» институту смежных прав.

Таким образом, среди принципов смежных прав, можно назвать общие, присущие и институту авторского права, и самостоятельные, присущие только институту смежных прав:

- общий принцип свободы творчества (относится только к исполнителям);
- общий принцип неотчуждаемости личных неимущественных прав (относится только к исполнителям);

- общий принцип автоматической охраны независимо от формальностей;
- общий принцип баланса интересов субъектов смежных прав и интересов общества;
- самостоятельный принцип обеспечения распространения произведений и иной информации;
- самостоятельный принцип защиты вклада.

Принципы смежных прав проявляются в признаках, присущих данному институту права интеллектуальной собственности. Являясь составляющей права интеллектуальной собственности, смежные права, как и авторские, обладают как всеми существенными чертами объектов интеллектуальной собственности, так и присущими только им признаками.

Не останавливаясь подробно на общих признаках смежных прав, поскольку это выходит за рамки настоящего исследования, только перечислим их.

1. Смежные права основываются на доктрине исключительных прав, что означает, что субъекты этих прав наделяются **исключительным правом** использовать их результаты любым способом и в любой форме, а также иными имущественными правами, в том числе правом на вознаграждение за каждый способ использования объекта. Исключительное право имеет **имущественный характер**, отражает экономические интересы их владельца и отделено от его личности. Личные интересы исполнителей отражают личные неимущественные права, входящие в состав института интеллектуальной собственности, но не являющиеся исключительными [1].

2. **«Исключительность»** исключительного права отражает установленную законом монополию правообладателя в совершении определенных действий в отношении определенного объекта исключительного права, а также в возможности запрещения таких действий всем третьим лицам. **Абсолютный** характер исключительного права заключается в существовании у неопределенного круга лиц соответствующей обязанности воздерживаться от нарушения права конкретного правообладателя [1].

3. Объект смежных прав имеет **нематериальный** характер. Материальный носитель (вещь) и охраняемый результат интеллектуального труда разделены, а «правомочия, составляющие интеллектуальную собственность, никогда не смешиваются с правом собственности на вещи» [5, с. 22]. В силу своей нематериальности объекты смежных прав могут одновременно использоваться неограниченным кругом лиц [1].

4. **Территориальный и временный** характер объектов смежных прав. В отношении объектов смежных прав не существует жесткой пространственной привязки с возможностью одновременного существования различных режимов охраны для одного и того же объекта на разных территориях. Они обладают также особенностью параллельного использования одного и того же объекта многими лицами [1].

Смежные права обладают следующими присущими им признаками.

1. Иерархическая связь смежных прав с авторским правом и друг с другом.

Смежные права наиболее тесно связаны с авторским правом, поскольку, **во-первых**, их основное предназначение в большинстве случаев состоит в распространении произведений; **во-вторых**, они являются способами использования произведений, а также устной объективной формой выражения музыкальных

и литературных произведений (публичное исполнение); **в-третьих**, находятся в иерархической соподчиненности в цепочке: произведение - исполнение - фонограмма - передача организации вещания, где произведение является основным объектом, а каждый последующий объект зависим от всех предыдущих; **в-четвертых**, смежные права имеют ряд схожих черт с правами авторов.

Принцип обеспечения распространения произведений и иной информации нашел свое отражение в признаке иерархичной связи смежных прав с авторским правом и друг с другом. Авторы и общество заинтересованы в распространении произведений и иной информации, в том числе в цифровой форме, что могут обеспечить с помощью специальных средств субъекты смежных прав, а также новые субъекты - Интернет-сервисы.

Авторское произведение служит объектом использования для субъектов смежных прав. Объектом использования для последующей категории смежных прав служит предыдущая. При этом осуществление исполнителями, производителями фонограмм и организациями вещания своих прав ставится в зависимость от соблюдения ими как авторских прав на используемые произведения, так и смежных прав на используемые объекты, что является основополагающим условием действия смежных прав (п. 2 ст. 24 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» (далее - Закон) [6]). В случае невыполнения данного условия смежные права не могут осуществляться. Взаимодействие объектов авторского права и объектов смежных прав образно можно представить в виде пирамиды: «каждая последующая категория правообладателей, как правило, выступает в роли пользователя прав предыдущих категорий» [7, с. 30]. Образуется своего рода иерархическая соподчиненность от произведения к исполнению, от исполнения к фонограмме, от фонограммы к передаче вещания.

Смежные права схожи с авторскими по многим признакам:

- наличие творческого характера в деятельности как автора, так и исполнителя;
- наличие личных неимущественных прав как у авторов, так и у исполнителей;
- дублирование многих имущественных прав, имеющихся и у авторов, например, права на воспроизведение, права на распространение, право на передачу в эфир;
- наличие имущественного права на вознаграждение;
- международная охрана, заключающаяся в предоставлении минимального уровня охраны иностранцам, как и гражданам своей страны [8, с. 31];
- основанием возникновения объекта смежных прав является, как и в случае с произведением, факт создания объекта, а не регистрация, соблюдение иных формальностей или признание объекта каким-либо государственным органом;
- применение тех же ограничений исключительного права, если прямо не указано иное, что и в отношении объектов авторского права.

В отношении смежных прав могут быть применены по аналогии многие нормы, относящиеся к авторскому праву. Например, исходя из толкования Главы 5 Закона «Переход и передача прав» положения договора уступки, лицензионного договора и договора о создании и использовании объекта авторского права и смежных прав применяются и к объектам смежных прав. Б.Завидов и И.Савельева полагают, что к смежным правам можно по аналогии применять нормы

авторского права в отношении распространения охраны на часть объекта, соавторства, нераспространения охраны на содержание и др. [9, с. 51].

2. Самостоятельность смежных прав при их производности и зависимости от авторского права.

Смежные права - самостоятельная правовая категория, которая близка, но не сводится к авторскому праву. И хотя объектам смежных прав больше присущ не творческий (за исключением исполнений), а технический и организационный характер (хотя такие действия в некотором роде можно назвать организаторским и техническим творчеством), однако они также являются результатами интеллектуального труда человека, признаны законодателем нематериальными объектами и заслуживают самостоятельной охраны.

Следует отметить, что процесс формирования критериев для размежевания авторского права и смежных прав по критерию творческого вклада еще не завершился [10, с. 50, 55]. Некоторые авторы полагают, что исполнителей следует отнести к категории авторов, поскольку для их труда характерен элемент творчества [10, с. 52, 55]. Потребность в разграничении авторских прав от смежных в зависимости от критерия творческого вклада подтверждается также предоставлением правовой охраны не классическим объектам смежных прав, например, в России - нетворческим базам данных, в Германии - нетворческим фотографиям, в доктрине активно обсуждается вопрос охраны смежными правами результатов, созданных системами искусственного интеллекта, которые априори не являются творческими. В отношении результатов, созданных с помощью систем искусственного интеллекта, сложно определить связь этого результата и творческого вклада лица, разработавшего алгоритм, или лица, занимающегося вводом данных для их обработки алгоритмом. Однако спрос на использование таких результатов требует их правовой охраны, для которой как раз и подходит архитектура института смежных прав, когда субъекту, внесшему организационный, материальный, технический или творческий вклад, предоставляются имущественные права на объект.

При таком подходе на первое место выходит принцип защиты вклада, тогда как принцип обеспечения распространения произведений или иной информации уходит на второй план. Однако, критерий творческого вклада как критерий и для объектов смежных прав, на наш взгляд, необходимо оставить, поскольку на примере той же системы искусственного интеллекта, алгоритм которой был творчески разработан коллективом авторов, и благодаря которому стало возможным создание результата, схожего по характеристикам с творческим результатом, но не равного такому результату, видно, что творческий вклад важен.

Зависимость и производность смежных прав от прав авторов творческих произведений в литературе многими авторами рассматриваются в качестве отличительных и существенных черт института смежных прав [8, с. 31; 11, с. 31; 4, с. 329; 9, с. 51; 12, с. 22, 29].

Большой толковый словарь русского языка понятие «производный» определяет как «произведенный, образованный от чего-либо другого» [13, с. 1010]. Таким образом, термин «производность» достаточно полно характеризует смежные права, которые в большинстве случаев происходят от авторских прав и существуют при их соблюдении.

Понятие «зависимый» толкуется как «находящийся в чьей-либо власти, в чьем-либо подчинении, связанный в своих действиях, мыслях и т.п. чужой волей, влиянием» [13, с. 314]. Действительно, до тех пор, пока не соблюдены права предыдущей категории правообладателей - авторов, исполнителей, производителей фонограмм - лицо, внесшее свой вклад, будет связано в своих действиях по распоряжению вновь созданным им объектом, т.е. зависимо [1].

Некоторые авторы неверно противопоставляют производность и зависимость смежных прав их самостоятельности [12, с. 22]. Такая позиция может быть опровергнута тем, что смежные права продолжают самостоятельно действовать даже в случае прекращения авторских прав [14, с. 199]. Например, истечение срока охраны авторских прав на произведение, включенного в фонограмму, не повлияет на срок действия и осуществление производителем фонограммы своих прав. В случае распространения правовой охраны смежными правами на такие объекты, как нетворческие базы данных, фотографии, такие объекты не будут зависеть от объектов авторского права, что также будет свидетельствовать об их самостоятельности.

3. Ограниченность в распоряжении правами в связи с конфликтом исключительных прав. Широкое распространение автоматического перехода прав.

Приоритет в иерархической системе прав авторов и субъектов смежных прав принадлежит авторам. Объем их прав больше и шире. Например, исполнителю принадлежит лишь три личных неимущественных права, аналогичных таким правам у автора, за автором же закреплены пять личных неимущественных прав.

В силу того что закон в иерархической системе авторского права и смежных прав предоставляет охрану четырем категориям лиц - авторам, исполнителям, производителям фонограмм и вещательным организациям, наделяя их практически одинаковыми исключительными правами в отношении соответствующих объектов, используемых одновременно (при использовании фонограммы одновременно используется и музыкальное произведение, и исполнение этого музыкального произведения, и сама фонограмма), возникает конфликт между данными правами, поскольку несколько правообладателей могут осуществить свою монополию в одной области. Как отмечал Э.П. Казелли, «право перестает носить исключительный характер с момента, когда на один и тот же объект или на предмет, который его содержит, существует одновременно другое исключительное право» [3, с. 311].

Для разрешения указанного конфликта теория и практика разработала ряд механизмов, призванных найти компромисс между конкуренцией исключительных прав. Законодатель намеренно предусматривает ограничения для субъектов смежных прав в распоряжении их правами, поскольку авторы первыми стоят в иерархической цепочке взаимодействия авторских и смежных прав и находятся в приоритетном положении.

1. Одним из механизмов разрешения конфликта исключительных прав для всех субъектов смежных прав законодательством предусмотрено ограничение в распоряжении правами на собственный объект пределами передачи прав обладателями используемых ими объектов.

В соответствии с п. 2 ст. 24 Закона субъекты смежных прав осуществляют свои права при условии соблюдения ими авторских прав на произведения, а также

смежных прав других лиц на исполнения, фонограммы, передачи организаций вещания, используемые при создании соответствующего объекта смежных прав.

2. Вторым механизмом служит ограничение исключительного права исполнителей и производителей фонограмм в отношении определенных способов использования фонограмм взамен на выплату им через организацию по коллективному управлению имущественными правами справедливого вознаграждения. В соответствии со ст. 41 Закона исполнения и фонограммы могут использоваться без согласия правообладателей, но с выплатой вознаграждения за использование таких объектов путем публичного исполнения, передачи в эфир и по кабелю, иному сообщению для всеобщего сведения. В данном случае исключительное право исполнителей и производителей фонограмм ограничивается полностью, тогда как у авторов разрешение при использовании той же фонограммы нужно спрашивать и выплачивать вознаграждение.

3. Императивное закрепление в законе перехода (автоматического перехода) исключительных прав от одной категории правообладателей к другой при их взаимодействии также является одним из механизмов по устранению конфликта прав. Это сделано для того, чтобы обладатель прав на вновь образованный объект (например, фонограмму) мог свободно реализовать принадлежащие ему права. Он может это сделать только в том случае, если к нему перейдут определенные права на использование того объекта смежного права, который вошел в состав вновь созданного объекта [1].

В соответствии с п. 4 ст. 25 Закона исключительное право на исполнение не действует в отношении воспроизведения, передачи в эфир или по кабелю, а также публичного исполнения записи исполнения в случае, когда такая запись была произведена с согласия исполнителя, а ее воспроизведение, передача в эфир или по кабелю либо публичное исполнение осуществляются в тех же целях, для которых было получено согласие исполнителя при записи исполнения. Аналогичный переход предусмотрен и в отношении организаций эфирного и кабельного вещания (п. 3 ст. 29 Закона). Если исполнитель заключает договор на включение его исполнения в состав аудиовизуального произведения, к производителю аудиовизуального произведения переходят все исключительные права исполнителя в отношении данного исполнения в составе данного аудиовизуального произведения (п. 5 ст. 25 Закона).

Случай автоматического перехода прав предусмотрен и в отношении аудиовизуального произведения (п. 3 ст. 12 Закона). Таким образом, особенно-стью смежных прав является не сам автоматический переход прав, который используется и в институте авторского права, а его широкое использование в институте смежных прав. Данная особенность подтверждает ограниченность в распоряжении своими правами владельцами смежных прав по сравнению с владельцами авторских прав [1].

В случае изменения объектного состава смежных прав, признак ограниченности в распоряжении правами может стать не общим признаком для всех объектов смежных прав, а частным для классических объектов смежных прав.

4. Множественность смежных прав.

Глава 3 Закона не случайно называется «Смежные права», т.е. используется множественное число, поскольку принято говорить не о едином смежном

праве, по аналогии с единым авторским правом, а о нескольких смежных правах. Это обусловлено тем, что «смежные права» включают в себя несколько категорий прав, отличающихся друг от друга по многим основаниям, в частности по субъектному составу, содержанию, основанию возникновения охраны [8, с. 32]. В случае добавления новых объектов смежных прав, это не повлияет на признак их множественности.

Заключение. Проанализировав имеющиеся принципы и признаки смежных прав, можно сделать прогноз о возможных направлениях их изменения в случае трансформации самого института смежных прав в связи с цифровизацией и развитием новых технологий. Назревшая необходимость урегулирования новых общественных отношений вероятно приведет в ближайшее время к расширению субъектного и объектного состава института смежных прав, что на первый план выведет принцип защиты вклада (инвестиций). В свою очередь это может вызвать превращение из общих в частные (для отдельных категорий смежных прав) признаков иерархичной соподчиненности, зависимости и производности от авторского права, ограниченности в распоряжении правами и широкий автоматический переход прав. Признаки самостоятельности и множественности института смежных прав при этом останутся общими. Возможно также появятся новые общие для всех категорий смежных прав признаки.

Список источников

1. Янтикова, Е.В. Состав смежных прав и их признаки [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. – 2005. / Онлайн-сервис готовых решений iLex / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2022.
2. Международная конвенция Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры «Об охране прав исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций» [Электронный ресурс] : [заключена в г. Риме 26.10.1961 г.] // Онлайн-сервис готовых решений iLex / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2022.
3. Липчик, Д. Авторское право и смежные права / Д. Липчик / Пер. с фр.; предисловие М. Федотова. – М.: Ладомир; Издательство ЮНЕСКО, 2002. – 788 с.
4. Сергеев, А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. Учебник. Изд. второе, переработ. и дополн. / А.П. Сергеев. – М.: ПРОСПЕКТ, 1999. – 752 с.
5. Бентли, Л. Право интеллектуальной собственности: Авторское право // Л. Бентли, Б. Шерман / Пер. с англ. В.Л. Вольфсона. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. – 535 с.
6. Об авторском праве и смежных правах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 мая 2011 г., № 262-З, с изм. и доп. 15.07.2019 // Онлайн-сервис готовых решений iLex / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2021.
7. Карсян, Т. Права исполнителей в системе смежных прав / Т. Карсян // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2001. – № 6. – С. 30–33.
8. Попова, И.В. Смежные права: понятие и содержание / И.В. Попова // Интеллектуальная собственность в Беларуси. – 2002. – № 1 (14). – С. 31–40.
9. Завидов, Б. Основные положения о смежных правах // Б. Завидов, И. Савельева / Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2001. – № 3. – С. 51–56.
10. Кокина, С.Б. Исполнение как объект прав артиста-исполнителя в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / С.Б. Кокина. – М.: РГБ, 2003. – 186 с.
11. Каранда, М. Функциональные особенности института смежных прав / М. Каранда // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2001. – № 2. – С. 30–41.
12. Судариков, С.А. Основы авторского права / С.А. Судариков. – Мн.: Амалфея, 2000. – 512 с.
13. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2002. – 1536 с.
14. Калятин, В.О. Интеллектуальная собственность (Исключительные права). Учебник для вузов / В.О. Калятин. – М.: Изд-во НОРМА (Изд. группа НОРМА-ИНФРА-М), 2000. – 480 с.

M. Vahabava

**NEW FRONTIERS IN INTELLECTUAL PROPERTY
AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN EUROPE**

Abstract. *This article highlights the most important innovations in the field of application of Artificial Intelligence to law, such as copyright, intellectual property and other sectors. In this context, particular attention is paid to the proposal for harmonized regulation within the European Union that proposes standard rules to be shared with the various private operators in the specific field. An in-depth analysis is made of the Dabus case that has raised the question of whether or not the creation of an artificial intelligence system can be patented. The question was decided negatively by the European patent authority and also in other legal systems such as America, England, China and others that followed the same approach unlike Australia and South Africa. Finally, the most important innovations in the sector are analyzed after the introduction of the European laws Digital Service Act (DSA) and Digital Market Act (DMA).*

Summary. 1. Artificial Intelligence and intellectual property: open questions; 2. Dabus case as a first example of a request for patentability of the creation of the artificial intellect; 3. Proposal for legislative harmonization on AI in the context of European Union; 4. Digital Service Act (DSA) and Digital Market Act (DMA): which innovations have European laws introduced; 5. Conclusions.

Keywords: *intellectual property, artificial intelligence, copyright, patents, EPO, UPC.*

1. Artificial Intelligence and intellectual property: open questions.

New technologies are increasingly present in various areas of human action, including the world of intellectual creations. The use of Artificial Intelligence (AI) technologies can generate data or entities that can be subject to autonomous protection of rights. From this evolution new questions have arisen that occupy the attention of the various scholars in Europe and beyond².

One of them is can AI be the holder of a patent or copyright or not. The answer is fundamental because on the basis of it you can recognize or not important rights in favor of artificial intelligence³. This question, in addition to the legal aspects, involves a series of assessments in the field of civil and criminal liability, as well as on the ethical front⁴. In this context, there was a Dabus legal case that raised these issues at the level of EU legislation and beyond.

² Anselmi N., Olivi G., on Italian Agenda Digitale, 2019-2021, available in: <https://www.agendadigitale.eu/mercati-digitali/intelligenza-artificiale-e-proprietà-intellettuale-le-questioni-aperte/>, last consultation 23.08.2022.

³ Caso R., The conflict between copyright and scientific research in the text and data mining discipline of the Digital Single Market Directive, Trento LawTech Research Papers, nr. 38, Trento, University of Trento, n. 2/2020, pp. 118-126.

⁴ Borghetti D., IntelligentIA, ed. Lektos, 2022, p. 5-225.

Other important aspect concerns, for example, copyright⁵. The AI technologies are mainly made up of software: it is no coincidence that for this reason AI systems are often referred to as "super software". The software as such is traditionally protected by copyright law. However, the protection offered by copyright with respect to software extends only to those elements that are the result and expression of the author's creativity⁶. In this sense, therefore, the protection offered by copyright extends only to the source code of the software, created by the author who in this case coincides with the programmer. Instead, the algorithms on which the predictive and computational capabilities of an AI technology are based would remain abstractly excluded from the copyright protection.

Another example to consider is patents protection. The Italian legislation on patents protection is represented by Legislative Decree no. 30/2005 which constitutes the "Industrial Property Code"⁷. The Article 45 of the Italian Industrial Property Code provides that software as such and mathematical methods cannot be considered as inventions and are therefore not patentable. Therefore, an algorithm as such, being abstractly mathematical in nature, is not patentable. However, a method involving the use of an algorithm may be patentable, as long as it is used to solve a technical problem. It should be considered that the Italian legislation must be integrated with the European one on patents protection law.

European Patent Office (EPO)⁸ which, at the outcome of the conference held on May 30, 2018 – emblematically entitled "Patenting Artificial Intelligence" – integrated the guidelines for the examination of patent applications with an appendix specifically dedicated to Artificial Intelligence. The EPO admits the patentability of inventions made with AI systems in the presence of some fundamental conditions. First of all, the invention must have a technical character, that is, it must have characteristics that contribute to the solution of a technical problem (the exclusion of patentability for inventions coming from AI technologies aimed at solving problems of a commercial nature remains); moreover, the technical characteristics of the inventions must involve an inventive activity, that is, they must provide a contribution with respect to the state of the art. In addition, the patent application concerning an invention developed by AI systems must respectively meet the requirements of clarity of sufficient disclosure, in the sense that any expert in the field, starting from the reading of the patent application, must be able to implement the invention.

From these brief considerations we can say that Artificial Intelligence (AI) is opening up completely new scenarios and posing questions in the world of intellectual property, not framed in the current regulatory framework, and with respect to which many jurists are questioning themselves with the aim of adapting existing law to these changes⁹. One of these questions is who is the author and the patent holder in the

⁵ See <https://www.ilprogettistaindustriale.it/la-proprietà-intellettuale-dell'intelligenza-artificiale/>, last consultation 23.08.2022.

⁶ Papa A., *Il diritto d'autore nell'era digitale*, ed Giappicchelli, 2019, pp. 3-185.

⁷ See on-line version in English language: <https://www.les-italy.org/cpi> or free version available on: <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/it/it204en.pdf>.

⁸ See <https://www.epo.org/news-events/in-focus/ict/artificial-intelligence.html>, last consultation 23.08.2022.

⁹ Crawford K., *Neither intelligent nor artificial. The dark side of AI*, Bologna, ed Il Mulino, 2021.

case of inventions made by AI. Likewise, one might wonder who is entitled to the copyright for intellectual creations made by AI. I would like to give a concrete example to try to answer to some questions posed.

2. Dabus case as a first example of a request for patentability of the creation of the artificial intellect.

Stephen Thaler's "Dabus" case is the world's first attempt to gain recognition of the possibility that an intelligent artificial machine can gain the status of the inventor. After obtaining the registration of patents in Australia¹⁰ and South Africa, the case was submitted to the attention of the European Patent Office which denied registration as the formal requirements provided for by art. 81 of the European Patent Convention were not fulfilled. According to this reconstruction only a natural person can be an "inventor" and therefore the holder of the copyright and using of the creation. The decision was appealed and is awaiting review.

In November 2019, two patent applications were filed by Stephan Thaler – a computer engineer and general manager of the IT company Engines - at the European Patent Office. In the patent applications filed, "DABUS" was the first inventor. DABUS is an artificial intelligence system based on a mechanism of multiple neutral networks capable of generating ideas, modifying their interconnections. It was flanked by a second system of neutral networks that analyzed the consequences of these ideas and strengthened them with regard to forecasts.

The European Patent Office refused two patent applications on the grounds that in those applications an AI algorithm had been designated as the inventor. According to the European Patent Office, in particular according to the provisions of Art. 81 and Rule 19 of the European Patent Convention, the inventor must be a natural person and, consequently, the designation of inventor must contain a name, a surname and an address of the inventor¹¹.

An appeal was then lodged against the decision of the European Patent Office confirming the contested decision. On December 21, 2021, the Board of Appeal of the EPO rejected the appeal brought by Thaler, confirming the previous reasons and, in particular: that the invention must be a subject with legal capacity given that artificial intelligence lacks it; that the right cannot even be acquired by way of derivative since no right could be rooted in favor of it, nor could it be transmitted.

In the current legal system, a natural person naturally enjoys legal rights of "human being", and a legal entity enjoys rights on the basis of a legal "artifice" that allows him to have rights of a legal nature. However, an AI algorithm is neither a human being nor a legal entity and according to the current legal system can therefore enjoy

¹⁰ On July 30, 2021, the Federal Court of Australia issued the decision in which it recognized the patentability of the creations of the Dabus artificial intelligence system. The decision reads: *"In summary and for the following reasons, in my view an artificial intelligence system can be an inventor for the purposes of the act. First, an inventor is an agent noun; an agent can be a person or thing that invents. Second, so to hold reflects the reality in terms of many otherwise patentable inventions where it cannot sensibly be said that a human is the inventor. Third, nothing in the act dictates the contrary conclusions"*. Go on: *"first, that position confuses the question of ownership and control of a patentable invention including who can be a patentee, on the one hand, with the question of who can be an inventor, on the other hand. Only a human or other legal person can be an owner, controller or patentee. That of course includes an inventor who is a human. But it is a fallacy to argue from this that an inventor can only be a human. But it is a fallacy intelligence system, but in such a circumstance could not be theowner, controller or patentee of the patentable invention"*.

¹¹ Refusal decision taken on 27.01.2020 di EP18275163.

no rights. Identifying an ai system as an "inventor" would require, in essence, not only that we accept the fact that an AI system can be equated with natural persons, but the full recognition of legal rights to AI algorithms.

These issues require a broad and widespread debate regarding the moral, philosophical as well as legal aspects of the problem. The recognition of the legal personality of artificial intelligence would entail important consequences not only from a legal point of view, but also from a social and philosophical point of view. Not only our "anthropocentric" vision of law would therefore be changed, but also our relationship as human beings with the technology we create.

Also on the subject of the recognition of copyright for intellectual creations, the position of the various competent offices is therefore quite similar. To date, most countries share the position of the European Patent Office: USA, Japan, China, Korea, Germany, France, England have in fact expressed very similar positions regarding the rights of AI algorithms.

In fact, as has been mentioned, in addition to decisions within the EU, other states have had similar consequences. In America, the U.S. Intellectual Property Office, on the merits of copyright, said that *the Office will not register works produced by a machine or mere mechanical process that operates randomly or automatically without any creative input or intervention from a human author*¹². The High Court of Justice Business and Property Courts of England and Wales Patents Courts in 2020 in the Dabus case established that only one person can be an inventor at the patent office in accordance with the provisions of Sections 7 and 13 of the Patents Act.

These decisions are an important basis for assessing the evolution of new technologies applied to law. It seems that the time is not yet ripe in the states of the European Union, America and Asia to recognize the legal personality in favor of artificial intelligence systems with consequent application of the legal discipline of the sector. From an ethical point of view there is difficulty in conceptualizing that an artificial intelligence system can interact on an equal footing with the human being. This does not mean that we do not understand the importance of this evolution that will occupy the issues of the legal doctrine of the various legal systems in the near future.

3. Proposal for legislative harmonization on AI in the context of European Union.

Civil liability, ethics and protection of intellectual property rights in Artificial intelligence have been at the attention of the European institutions in recent years. It is important to mention the examples of the new frontier of the approach with respect to the problems described in the European context. Recently the EU Commission proposal for a Regulation¹³ laying down harmonized rules on artificial intelligence¹⁴ and amending certain Union legislative acts, COM (2021)¹⁵ seems to assign the utmost expectations to the standards as tools to ensure better governance and a balanced approach¹⁶.

¹² Compendium of U.S. Copyright Office Practices Chapter 300, S. 313.2.

¹³ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council laying down harmonized rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) and amending certain Union legislative acts, COM (2021) 206 def.

¹⁴ thereafter "AI Proposal"- Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council laying down harmonized rules on Artificial Intelligence called Artificial Intelligence Act.

¹⁵ See <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/proposal-regulation-laying-down-harmonised-rules-artificial-intelligence>, last consultation 23.08.2022.

¹⁶ Coccia V., Civil liability, ethics and protection of intellectual property rights in artificial intelligence, in *Quotidiano Giuridico*, 2020, p. 66.

It's legal basis founded in Article 114 TFEU is thus likely to determine uniform and directly applicable constraints throughout the territory of the Union. Indeed, the Union interest is to preserve the EU's technological leadership and to ensure that citizens, firms, as well the whole society, can benefit from new technologies developed and functioning, according to the EU legal framework (above all fundamental rights and principles)¹⁷.

As in the other context of regulation on EU also in the proposal for an AI Regulation, the determination of standards with private actors is pivotal for more competition and freedom in the market¹⁸. Moreover, as far as ICT (Information and Communications Technology Industry) are involved and strictly connected with AI systems, reducing risk of lock-in on the demand side is essential. Due to the pervading feature of AI systems and tools, the EU legislator has proposed a legal framework inspired by risk analysis. It will be interesting to follow the evolution of the proposal to draw the first considerations and understand if the European proposal can become a model not only in the European context.

There have been several attempts at co-regulation in the EU area in the field of new technologies. For example, the AVMS Directive¹⁹, the Regulation P2B²⁰, the Digital Services Act²¹ and more generally in Data Strategy goals²². These initiatives follow the publication by the EU Commission on 19 February 2020 of the White Paper on Artificial Intelligence²³ and anticipate the legislative proposals that the Commission is expected to present in the first half of 2021. European regulatory interventions and proposals aim to promote innovation while preserving ethics and trust in new technologies, protecting the intellectual property rights of all stakeholders and defining a clear framework for the liability of the subjects involved.

The elements that guide the European legislator are those that can ensure the efficient exploitation of the benefits and prevention of possible misuse of AI systems²⁴. To avoid regulatory fragmentation in the European Union, it is essential to have uniform legislation, guided by ethical principles and adapted to future needs. At European level, the establishment of a horizontal and harmonized legal framework, based on common

¹⁷ Monica A., Regulating AI and the key-role of standard in the co-regulation of ICT: EU, Members States and private entities, in *Media Laws*, 3/2021, pp. 145.

¹⁸ A. Volpato, Controlling the Invisible: Accountability Issues in the Exercise of Implementing Powers By EU Agencies and in Harmonised Standardisation, in *Review of European Administrative Law*, 4, 2019, p. 82.

¹⁹ Directive 2010/13/EU of the European Parliament and of the Council of 10 March 2010 on the coordination of certain provisions laid down by law, regulation or administrative action in Member States concerning the provision of audiovisual media services (Audiovisual Media Services Directive), amended by Directive (EU) 2018/1808.

²⁰ Regulation 2019/1150/EU of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on promoting fairness and transparency for business users of online intermediation services.

²¹ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on a Single Market for Digital Services (Digital Services Act) and amending Directive 2000/31/EC, COM (2020) 825 def. Actually, the proposal was adopted as a law.

²² Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. A European strategy for data, COM (2020) 66 def.

²³ See https://ec.europa.eu/info/publications/white-paper-artificial-intelligence-european-approach-excellence-and-trust_en, last consultation 23.08.2022.

²⁴ Monica A., Regulating AI and the key-role of standard in the co-regulation of ICT: EU, Members States and private entities, in *Media Laws*, 3/2021, pp. 145.

principles, is essential in order to ensure legal certainty, establish uniform rules throughout the Union and effectively protect European values and citizens' rights.

The European approach²⁵ is such that the first basis will have to be represented by the common regulation, the second level will be formed by national legislation with a certain harmonization of the discipline. The third level, if the first two are not enough, will be represented by soft law. This way of proceeding recalls the idea of the "quality of regulation" rather than "quantity" and the most shared approach seems to be a winning way to proceed with the progressive regulation of new phenomena, linked to rapid technological evolution.

4. Digital Service Act (DSA) and Digital Market Act (DMA): which innovations have European laws introduced.

The European Parliament has recently²⁶ approved the Digital Services Act²⁷, a regulation that replaces and novates the previous liability regime for information society service providers, consisting of the E-commerce Directive²⁸. The stated purpose of that Regulation is to contribute to the proper functioning of the internal market for intermediary services by establishing harmonized rules for a safe, predictable and reliable online environment, facilitating innovation and in which the fundamental rights enshrined in the European Charter of Fundamental Rights, including the principle of consumer protection, are effectively protected.

The new regulatory framework applies to "information society services", these are entities that offer services at a distance, by electronic means, at the request of a recipient, "normally for remuneration". New rules on transparency, information requirements and accountability are introduced, largely transposing the jurisprudential guidelines that have already emerged over the years.

However, the exemption of liability for providers carrying out mere conduit, caching and hosting activities is maintained. However, the exemption of liability for providers carrying out mere conduit, caching and hosting activities is maintained. The provider of such an information society service is not responsible for the information stored at the request of a recipient of the service provided that the provider: (1) does not have actual knowledge of illegal activities or illegal content and, with regard to claims for damages, is not aware of facts or circumstances from which the illegal activity or illegal content is evident; (2) after obtaining such knowledge or awareness, act quickly to remove or disable access to illegal content.

The absence of a general obligation to monitor the platform for user activities is maintained, but some exceptions are introduced. The Digital Services Act requires: due diligence obligations for certain specific categories of brokerage service providers and new rules for implementation, enforcement, cooperation and coordination between Member States on digital services. Significant novelty is the introduction of a "scalar"

²⁵ Monica A., Regulating AI and the key-role of standard in the co-regulation of ICT: EU, Members States and private entities, in *Media Laws*, 3/2021, pp. 145.

²⁶ Following the adoption of the DSA at first reading by the European Parliament in July 2022, the text is to be adopted by the Council of the European Union. After adoption by the Council, the DSA will be signed by the Presidents of both institutions and published in the Official Journal. It will then enter into force 20 days after its publication in the Official Journal.

²⁷ See <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/04/23/digital-services-act-council-and-european-parliament-reach-deal-on-a-safer-online-space/>, last consultation 23.08.2022.

²⁸ EU Directive 31/2000, so-called "E-commerce Directive".

discipline with four categories of providers and a progressive increase in obligations, proportionate to the influence played, and the responsibilities placed on the platform due to belonging to one or the other of the specified categories.

Another novelty is the creation of new national bodies responsible for supervising the application of the DSA itself. The procedural framework underlying this body is defined in Chapter IV of the proposal. This figure is called the Coordinator of Digital Services, and will be responsible, in each Member State, to supervise the application of the DSA with respect to the platforms that have their main establishment in the respective Member State.

The Digital Market Act (DMA)²⁹, on the other hand, aims to ensure the absence of barriers to entry (contestability) of all online services. A general explanation of contestability and fairness has also been added. Contestability can also be damaged by an oligopoly of gatekeepers. In cases where cross-platform competition is not possible in the short term, competition within the dominant platform should be ensured.

Unfairness is defined as "an imbalance between the rights and obligations of business users where the gatekeeper gains a disproportionate advantage"³⁰. Importantly, this concept does not exclude free services, such as search results. In addition, gatekeepers cannot exclude or discriminate against businesses, an essential specification in light of the new default settings obligations, which allow users to choose their own search engines, virtual assistants and web browsers via a choice screen.

Similarly, gatekeepers will need to ensure that hardware and software are interoperable with third parties. However, it could take the strictly necessary measures to ensure that the provision of this interoperability does not harm the software and the device.

The text requires gatekeepers' app stores, search engines and social media to respect fair, reasonable and non-discriminatory access (FRAND) to their services for business users. A 'future-proof' clause has been added to address unfair practices that do not yet exist but could develop in the future. Gatekeepers should publish the general conditions of access to explain how the FRAND terms apply to their platforms, including an alternative dispute resolution mechanism. The EU executive will verify that the general conditions comply with the regulation.

A completely new requirement prevents gatekeepers from using the personal data of users using the service provided by a third party when that third-party service uses the gatekeeper's platform. The preamble to the rule clarifies the purpose: to prevent giants such as Google and Facebook from tracking users who have denied their consent when visiting websites that are part of their advertising networks. The regulation allows you to request consent to the processing of personal data only once a year. Advertisers will be able to access aggregated and non-aggregated data for the ads they serve. The data must be provided so that advertisers can analyze it with their tools.

At the time of designation, the gatekeeper will need to make sure that two people can exchange text messages, images, voice messages, videos, and encrypted files. Within two years, the same features will need to be interoperable for group chats. Interoperability will cover voice and video calls between individuals and groups by the

²⁹ See <https://www.euronews.com/next/2022/03/25/the-eu-s-digital-markets-act-what-is-it-and-what-will-the-new-law-mean-for-you-and-big-tec>, last consultation 23.08.2022.

³⁰See <https://www.jurist.org/features/2022/02/14/digital-markets-act-a-proposal-to-redefine-competition-laws-in-the-european-union/>, last consultation 23.08.2022.

fourth year. After receiving an interoperability request, the gatekeeper must provide interoperability within three months.

The approved text unlike the draft circulated to the public initially eliminated any reference to "ancillary" support services. Therefore, anti-bundling measures, to prevent gatekeepers from linking different services to each other, refer only to identification systems, payment systems and web browser engines. The text of the regulation provides that the European Commission facilitates the involvement of third parties and that it engages in regulatory dialogue and investigations into systemic non-compliance.

5. Conclusions.

The Dabus case has caused much discussion because it has brought a new issue to the attention of legislators and interpreters of the various legal systems: whether or not the artificial intellect can create and whether such creations are subject to copyright recognition. A particular and lively debate has been opened within the European Union which has taken an important position. This position has also been shared in other legal realities such as the USA, Japan, China, Korea, Germany, France, England ones.

The official position of the European authority on the patentability or not of creations by artificial intelligence systems is very clear. The EPO regarding the possibility that an AI system can be considered the inventor for the purposes of a patent application is that at present an AI system is not able to produce inventions without human intervention; the inventor is therefore a human being, and the European Patent Convention requires that the inventor designated in a European patent application be a human being.

From the practical cases analyzed we can draw the following conclusions: 1) rightsholders may only be persons because they have recognition of legal personality and legal capacity is granted only to natural and legal persons. Consequently, the inventor of a patent must be a natural person; 2) the principle that inventor is a natural person seems to be a standard applicable at the international level. The national courts of various countries of the world have issued decisions to this effect and also the national patent offices of the various countries have followed this approach; 3) the applicant for recognition of the patent right cannot circumvent the obstacle prohibiting the patentability of the creations of the AI system with the acquisition the rights of economic use from it. Consequently, artificial intelligence systems cannot appear as employees and much less use inventions or transfer the rights deriving from them. This means that one cannot replicate the general rule that in a corporate structure or research center the inventions discovered can be patented by the structure and not by the actual creator.

The role of harmonizing legislation in the field of intellectual property protection, especially in the field of new technologies such as AI, must be considered increasingly important. In fact, in this specific field, it would also be desirable to have more harmonized legislation both at European and international level. In this context, the process of introducing the new Unified Patent Court, which will be the competent forum for the resolution of patent disputes in the European context, seems more important than ever. The Unified Patent Court will have exclusive competence for the settlement of disputes in respect of both "classical" European patents and future Unitary Patents.

ABBREVIATIONS

AI – Artificial Intelligence;

EU – European Union;

EPC – European Patent Convention;
DSA – Digital Service Act;
DMA – Digital Market Act;
IPR – Intellectual Property Rights;
EUIPO – European Union Intellectual Property Office;
UPC – Unified Patent Court.

BIBLIOGRAPHY

1. Anselmi N., Olivi G., on Italian Agenda Digitale, 2019-2021, available in: <https://www.agendadigitale.eu/mercati-digitali/intelligenza-artificiale-e-proprietà-intellettuale-le-questioni-aperte/>, last consultation 23.08.2022.
2. Borghetti D., *IntelligentIA*, ed. Lektos, 2022, p. 5-225.
3. Caso R., The conflict between copyright and scientific research in the text and data mining discipline of the Digital Single Market Directive, Trento LawTech Research Papers, nr. 38, Trento, University of Trento, n. 2/2020, pp. 118-126.
4. Coccia V., Civil liability, ethics and protection of intellectual property rights in artificial intelligence, in *Quotidiano Giuridico*, 2020, p. 66.
5. Crawford K., *Neither intelligent nor artificial. The dark side of AI*, Bologna, ed Il Mulino, 2021.
6. Monica A., Regulating AI and the key-role of standard in the co-regulation of ICT: EU, Members States and private entities, in *Media Laws*, 3/2021, pp. 145.
7. Papa A., *Il diritto d'autore nell'era digitale*, ed Giappicchelli, 2019, pp. 3-185.
8. Volpato A., *Controlling the Invisible: Accountability Issues in the Exercise of Implementing Powers By EU*

SITOGRAPHY (WEBSITES)

1. <https://www.agendadigitale.eu/mercati-digitali/intelligenza-artificiale-e-proprietà-intellettuale-le-questioni-aperte/>;
2. <https://www.ilprogettistaindustriale.it/la-proprietà-intellettuale-dell'intelligenza-artificiale/>;
3. <https://www.les-italy.org/cpi>;
4. <https://www.epo.org/news-events/in-focus/ict/artificial-intelligence.html>;
5. https://ec.europa.eu/info/publications/white-paper-artificial-intelligence-european-approach-excellence-and-trust_en;
6. <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/proposal-regulation-laying-down-harmonised-rules-artificial-intelligence>;
7. <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/04/23/digital-services-act-council-and-european-parliament-reach-deal-on-a-safer-online-space/>;
8. <https://www.euronews.com/next/2022/03/25/the-eu-s-digital-markets-act-what-is-it-and-what-will-the-new-law-mean-for-you-and-big-tec>;
9. <https://www.jurist.org/features/2022/02/14/digital-markets-act-a-proposal-to-redefine-competition-laws-in-the-european-union/>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Богоненко В.А. Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права, учреждение образования «Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой», Беларусь
- Бураченко И.Б. Кандидат технических наук, доцент, заведующая кафедрой математики и компьютерной безопасности, учреждение образования «Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой», Беларусь
- Гара Е.Е. Студентка, учреждение образования «Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой», Беларусь
- Гончарова Т.В. Начальник отдела сопровождения научных исследований, учреждение образования «Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой», Беларусь
- Ёрш А.В. Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры интеллектуальных прав Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Россия
- Затирахин В.Д. Старший преподаватель кафедры гражданского права, учреждение образования «Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой», Беларусь
- Иванкович А.Д. Студент, учреждение образования «Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой», Беларусь
- Кириенко А.С. Кандидат технических наук, доцент кафедры технологии и методики преподавания, учреждение образования «Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой», Беларусь
- Ковалевская Т.В. Начальник управления правового и кадрового обеспечения, Национальный центр интеллектуальной собственности, Беларусь
- Костенко К.А. Учащийся, учреждение образования «Полоцкий государственный экономический колледж», Беларусь
- Лазутина М.Н. Специалист отдела регистрации и содействия коммерциализации объектов промышленной собственности, Национальный центр интеллектуальной собственности, Беларусь
- Леанович Е.Б. Кандидат юридических наук, доцент, Белорусский государственный университет, Беларусь
- Лосев С.С. Кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, Беларусь
- Маалуф Н.А. Ведущий специалист, отдел международного сотрудничества, Национальный центр интеллектуальной собственности, Беларусь

Мансуров А.А.	Кандидат юридических наук, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия
Могдалева И.Н.	Преподаватель, учреждение образования «Полоцкий государственный экономический колледж», Беларусь
Нечепуренко Ю.В.	Кандидат химических наук, Научно-исследовательский институт физико-химических проблем Белорусского государственного университета, Беларусь
Пашкова А.В.	Старший преподаватель кафедры гражданского права, магистр юридических наук, учреждение образования «Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой», Беларусь
Савицкая К.Д.	Старший преподаватель кафедры гражданского права, магистр юридических наук, учреждение образования «Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой», Беларусь
Семёнова Т.В.	Старший преподаватель кафедры гражданского права, магистр юридических наук, учреждение образования «Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой», Беларусь
Сизов Ю.М.	Учащийся, учреждение образования «Полоцкий государственный экономический колледж», Беларусь
Скурьят Э.В.	Студент, учреждение образования «Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой», Беларусь
Смолянин Е.М.	Преподаватель, учреждение образования «Полоцкий государственный экономический колледж», Беларусь
Тогузаева Е.Н.	Кандидат юридических наук, доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Россия
Шматова М.В.	Магистр, ведущий специалист отдела права промышленной собственности и договоров управления правового и кадрового обеспечения, Национальный центр интеллектуальной собственности, Беларусь
Щепочкина Ю.А.	Доктор технических наук, профессор, Ивановский государственный политехнический университет, Россия
Янтикова Е.В.	Начальник отдела законодательства в сфере авторского и смежных прав управления правового и кадрового обеспечения, Национальный центр интеллектуальной собственности, Беларусь
Maryna Vahabava	Italian qualified lawyer in Private and International Commercial Law, PhD student, assistant of Professor of University of Teramo, Италия